

13 Герцель. Избранное

СИОНИЗМ

ТЕОДОР
ГЕРЦЛЬ

ИЗБРАННОЕ

ТЕОДОР ГЕРЦЛЬ

ИЗБРАННОЕ

**Специальное издание
для читателей «Нашей страны»
в сотрудничестве и при содействии
«Банк Апоалим» ЛТД.**

БИБЛИОТЕКА "АЛИЯ"

מבחר כתבי הרצל

ציור העטיפה : שרה ברקאי

עירונית חיפה
מערכת מרכזות הפנאי
מס. 224
בית 4
מס. 224

כל הזכויות שמורות
ל"ספריה עליה"
ת"ד 7422, ירושלים
היוצאת לאור בסיוע:
האגודה לחקר תפוצות ישראל, ירושלים
וקרן הזכרון למען תרבות יהודית, ניו-יורק
נדפס בישראל
1974

56199

ענינת חינה

אני נשואת יצחק בן יצחק וסמדר

הסמדר נשואת יצחק בן יצחק וסמדר

97326

בתי

דפוס ניידט בע"מ
OCR Давид Титиевский, декабрь 2019 г., Хайфа

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	V
Биография	IX
Еврейское государство	5
Речи	113
Из дневника	213

עידית חיפה
מערכת תרבות המבני
מדון תרבות לעולם
בית ארדסטיין - חברה
שם מלאי.....



ПРЕДИСЛОВИЕ

Нижеследующие строки являются частью предисловия к переводу на идиш «Фельетонов» Герцля, который вышел в свет в Буэнос-Айресе в 1955 году.

Автор этих строк жил несколько лет в Вене и, хотя это было спустя четверть века после смерти Герцля, он еще смог впитать часть той австрийской литературной атмосферы, в которой жил и творил Герцль, наряду с другими великими сыновьями еврейского народа — такими как Артур Шницлер, Франц Кафка, Макс Брод и, несколько позже, Иосиф Рот. (Я упомянул здесь также некоторых пражских еврейских писателей, ибо по языку и стилю их можно считать «австрийскими»).

Вена конца двадцатых и начала тридцатых годов, естественно, мало походила на Вену времен Герцля. Австро-Венгерская монархия прекратила свое существование, и почти не сохранилось уже специфической венской атмосферы, так ярко описанной Стефаном Цвейгом в своей автобиографии, однако в воздухе звучало еще эхо ушедшего мира.

И примечательно: именно вследствие своего соприкосновения с ним я убедился в глубоком, почти абсолютном отличии Герцля от своих современников.

Достаточно прочесть чудесные детские фельетоны Герцля, чтобы в его лице увидеть одного из тончайших венских психологов (а Вена тогда считалась как бы «столицей» психологии). Однако в психологии Герцля нет ничего от копания в темном царстве инстинктов, как у Шницлера или в области науки у Фрейда. Его не прельщал анализ болезней, дурных склонностей человека, он не старается показать и тем более оправдать скепсис, пессимизм, неверие в человека. Наоборот, его словно магнитом тянет к свету, к царству добрейших инстинктов человека, он старается постоянно находить в жизни основания своего оптимизма, своей веры в человека, его доброте и его светлому будущему.

В этом отношении его нельзя считать

человеческим поступкам. Причины темных, преступных явлений он искал всегда не в сущности человека, якобы неизменяемой (как, например, Фрейд, который именно из-за этого считал неизбежными войны и кроваво-садистские агрессии), а в объективных обстоятельствах, в факторах, которые можно изменить и исправить, надо только хотеть. «Если захотите, это не сказка».



И вот мы видим таинственную нить, которая тянется от Герцля-писателя к Герцлю-пророку. Пророк по сути своей оптимист и утопист. Он верит, что человек способен быть добрым, ему нужны для этого лишь соответствующие объективные условия, и эти условия он может создать для себя сам, нужно лишь захотеть. И если человек захочет, может осуществиться и самая совершенная утопия, которую пророк Исаия описал в своем «И будет в конце дней». Герцль даже антисемитизм не воспринимал как доказательство человеческой злости, а как результат объективной общественной аномалии, это тупой, выделяемый старыми, запущенными язвами народов мира, язвами, полученными ими вследствие тысячелетнего трения с неассимилируемым еврейством, которое не хочет и не может абсорбироваться и быть съеденным чужеплеменным организмом... не люди виноваты, виновата объективная ситуация. Поэтому не может помочь проповедование морали для людей: евреям — быть «скромнее», и не слишком богатеть, не быть слишком умными и т. д., а неевреям — подавить в себе свои агрессивные инстинкты, свою ненависть к евреям. Нет, помочь может лишь перемена объективной ситуации: надо положить конец трению, и язвы сами по себе заживут. Чужое тело должно выйти из организмов, в которых оно не хочет и не может раствориться; оно должно стать самостоятельным организмом, нацией, государством. Тогда исчезнут все патологические явления «еврейского вопроса» — как у евреев, так и у неевреев.

Трудно такое осуществить? Да, трудно, но не невозможно. Надо только хотеть...

Однако как ни оптимистичен был Герцль в вопросе о сущности человека, — он не был наивен. Он не верил, что можно убедить людей не быть злыми, коль скоро объективные обстоятельства, заставляющие их быть злыми, не устранены. Поэтому он опасался за судьбу европейского еврейства. Он считал погромы — при существующих обстоятельствах — неизбежными. После Кишиневского погрома в 1903 году он потерял терпение. Султан не хочет уступать Эрец Исраэль, — тогда надо все же вывести евреев из Европы, и, пока, временно сосредоточить их в другом месте. В первую очередь надо спасти евреев от кровавого уничтожения; время полного избавления, соединения еврейского народа с его исторической родиной придет. Пусть для того будут евреи, живые евреи...

Так родился «план Уганды».

Спустя 35 лет оказалось, что его прогноз был правильным, хотя еврейский народ не принял его плана. Еврейский народ не способен был сделать такое напряжение воли для «суррогата» национального дома — для «ночного приюта». Народ был слишком оптимистичен по поводу ближайшего будущего, или, вернее слишком наивен. Герцль, своими глазами пророка, видел глубже. Он не верил, что беда в том, что люди по сути своей злы, и именно поэтому он не был оптимистичен, ибо на людей можно повлиять — на объективные исторические законы повлиять нельзя. Объективные законы суровы и страшны, как вулкан, как звери в джунглях. Умные скептики, «реалисты», вот кто был наивен, они шли с открытыми глазами навстречу массовой смерти. Он, идеалист, оптимист, утопист, — он их предостерегал. Они его просто не поняли.

Маленькая горсточка евреев, которой удалось пойти по пути, указанному Герцлем, спасла себя и продолжение еврейского народа. Они отвоевали Еврейское государство. Для большинства же европейского еврейства спасение пришло слишком поздно.

История создала для части еврейского народа своего рода «Уганду», как бы «Уганду-суррогат». Американский континент стал хорошим, удобным «ночным приютом» для нескольких миллионов евреев. Многие европейские евреи инстинктивно успели спастись от вулкана, до того как огненные реки поглотили их дома и их братьев.

А сегодня еврейский и израильский мир опять стоит перед новой дискуссией: будут ли евреи способны оставить «ночной приют» теперь, когда пришел час воссоединения с исторической родиной? Перекочуют ли евреи из «Уганды» в Эрец Исраэль теперь, когда избавление уже пришло?

Скептики, «реалисты» сказали во времена Герцля — «нет» и отбросили его спасительный план. Герцль, оптимист, который верил в силу воли людей и особенно — евреев, Герцль сказал: «да».

Евреи, утверждал Герцль, должны быть спасены для того, чтобы жить, существовать, быть застрахованными от преследований и уничтожения. А когда придет время они, несомненно, выдержат исторический экзамен. Никакой суррогат не сможет заменить им жизнь в своем собственном доме в Стране Израиля.

Ближайшие годы покажут, кто был прав — Герцль или его критики.

Б. Элиав

БИОГРАФИЯ

Писатель, творец политического сионизма и основатель Всемирной сионистской организации Теодор (Вениамин Зеев) Герцль родился в Будапеште 2 мая 1860 года, в купеческой семье. Отец Теодора, Яков Герцль, оказывал сыну поддержку в осуществлении его планов и помогал в сионистской деятельности как советом, так и в финансовом отношении.

Теодор мог в юности слышать об идеях сионизма и от брата своего деда со стороны матери, Самуэля Билица, который был близок к движению «Ховевей Цион» (Любящие Сион) в Центральной Европе и впоследствии переехал в Иерусалим.

Мать Теодора, Жанетт (урожденная Диамант), умная и красивая женщина, гордилась сыном, поощряла его сионистскую деятельность, но боялась, что его болезненное сердце не выдержит тяжелой борьбы.

В 1878 г. Теодор Герцль закончил классическую гимназию, и в этом же году вся семья переехала в Вену после смерти его единственной сестры Паулины (которая была старше Теодора на год, и смерть которой оставила глубокий след в его эмоциональной душе). Герцль поступил на юридический факультет Венского университета. В 1881 г. он вступил в немецкое студенческое общество, но через 2 года вышел из него в знак протеста против антисемитизма, с которым он там столкнулся. Этот протест со стороны Герцля не был случайным. Еврейская проблема привлекала его внимание еще в 1882 году, когда он прочитал известное антисемитское сочинение Е. Дюринга «Еврейский вопрос как проблема расы, нравов и культуры». После этого Герцль возвращался к еврейской проблеме в разные периоды своей жизни и пытался найти ее решение. В 1884 году, по окончании Венского университета, став доктором права, он некоторое время работал в судах Вены и Зальцбурга. Но менее чем через год Герцль оставил свою юридическую деятельность и посвятил себя целиком литературному труду. Жизнь Теодора Герцля, недолгую, но оставившую глубокий след в новейшей исто-

рии еврейства, можно разделить на 2 периода:

Досионистский (до начала 1896 г.), когда Герцль выступает как талантливый и блестящий писатель с тонким художественным вкусом; и последние 8-9 лет жизни Герцля, когда мозг его неустанно работает в одном и том же направлении, а мысль бьется над разрешением одной и той же проблемы, период активной сионистской деятельности. В первый период своей деятельности, в 1885 г. Герцль опубликовал ряд фельетонов и философских рассказов, отличавшихся тонким стилем и глубокими наблюдениями за человеческими судьбами. Фельетоны и рассказы Герцля были изданы в виде книг. Он писал и пьесы, некоторые произведения с успехом шли на сценах Австрии и Германии. Часть из них носила юмористический характер, но в основном они были посвящены социальным проблемам того времени. Из пьес Герцля наиболее известны следующие: „Tabarin“ 1884 («Табарин»), „Seine Hoheit“ 1885 («Его высочество»); „Was wird man sagen“ 1890 («Что скажут»); „Unser Kaetchen“ («Наша Кетхен») и другие.

Герцль много путешествовал — он был в Германии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Италии, Франции, Англии; свои впечатления он описывал в дневниках и в литературных произведениях. В 1889 г. Герцль женился на Юлии Нашауэр (1868-1907), но брак его был несчастным, т. к. жена не понимала и не разделяла цели его жизни. У них было трое детей — Паулина, Маргарета (Труде) и Ганс.

С октября 1891 по июль 1895 года Герцль был парижским корреспондентом влиятельной венской либеральной газеты „Neue Freie Presse“. Там он интересовался французскими социальными и политическими проблемами и вел в общем жизнь ассимилированного еврея-либерала. Вначале антисемитизм лишь слегка задевал его, но с течением времени пробудил его интерес к еврейским проблемам, и в августе 1892 года в „Neue Freie Presse“ была напечатана его статья об антисемитизме во Франции. Между тем в Австрии волна антисемитизма поднималась все выше и выше, а во Франции

начался процесс Дрейфуса. В связи с делом Дрейфуса во Франции усиливается юдофобство. Герцль присутствовал на суде как корреспондент от „Neue Freie Presse”. И он понял: антисемитизм не случайное явление, встречающееся лишь в данной обстановке и при данных условиях; нет, он постоянное зло и нет иного выхода кроме исхода и переселения на собственную землю. И тогда Герцль принимает решение посвятить себя осуществлению этой идеи.

Первым шагом Герцля на пути осуществления его сионистских целей была встреча в июне 1895 г. с еврейским меценатом бароном Гиршем, однако Герцлю не удалось убедить Гирша оказать ему помощь. В это время идея сионизма полностью овладевает Герцлем, все его мысли направлены на ее развитие и претворение в жизнь. В своем дневнике он писал: «Разве я ее разрабатываю? Нет, это сама идея вырабатывается во мне... Это то, что обычно называют вдохновением». Эти записи стали первыми набросками его книги „Der Judenstaat” («Еврейское государство»). Однако основная заслуга Герцля не в самой книге и не в кличе, который он бросил в еврейские массы, а в той поистине изумительной работе, которую он совершил за последние 8 лет своей жизни в интересах осуществления изложенного им в этой книге идеала.

Но на каждом шагу Герцль сталкивался с препятствиями. Со своими планами он знакомил некоторых влиятельных евреев, но нигде не встречал поддержки. Единственным человеком с самого начала полностью разделявшим идеи Герцля, был известный писатель и мыслитель Макс Нордау, который посвятил свой талант и отдал свое имя на службу идеям Герцля и сионизма.

В течение одного года вышли переводы книги „Der Judenstaat” («Еврейское государство») на иврит, английский, французский, русский и румынский языки. Книга выдержала 80 изданий на 18 языках. В ней Герцль изложил свои взгляды. А именно: еврейская проблема не может быть разрешена путем ассимиляции по двум причинам: с одной стороны, из-за антисемитизма; и с

другой — из-за воли евреев выжить. Евреи — единый народ, тяжелое положение которого может быть изменено лишь путем политического решения — основания независимого еврейского государства с согласия великих держав. Государство должно быть создано в Палестине или в Аргентине (где барон Гирш создавал в то время еврейские сельскохозяйственные поселения), в зависимости от решения и выбора еврейского народа. Сам Герцль предпочитал Палестину. Создание политических условий для организации еврейских поселений является необходимой предпосылкой для осуществления массовой иммиграции и заселения. Еврейское государство должно быть создано в соответствии с предварительным планом, использованием всех современных научных и технических достижений, и в духе социального прогресса (включая семичасовой рабочий день). Реализация этого плана требует создания двух органов — политического Еврейского общества, как юридически признанного полномочного представителя еврейского народа, и Еврейской финансовой компании, которая бы контролировала финансовую и конструктивную деятельность. Финансирование должно осуществляться еврейскими банками, и только при их отказе следует обратиться к еврейским народным массам.

Книга «Еврейское государство», вызвала различную реакцию у различных слоев еврейского населения. Большинство евреев Западной Европы — от ассимилированных до ортодоксальных — отвергло план Герцля, даже некоторые члены «Ховевей Цион» в Западной и Восточной Европе выступили против его плана. Но большая часть «Ховевей Цион» и студенты-сионисты в Австрии и ряде других стран отнеслись к идее Герцля с огромным энтузиазмом и призвали его возглавить движение за ее реализацию. И Теодор Герцль становится лидером сионистского движения. Теперь он понимает, что только Палестина, как никакая другая страна, может и должна стать местом создания еврейского государства, ибо она — историческая родина еврейского народа. Так Герцль стал сионистом в полном смысле этого слова.

Для распространения сионистских идей он основал

еженедельник „Die Welt“ («Мир»), первый номер которого вышел 4 июня 1897 года. Герцль предложил создать общий сионистский конгресс, и его поддержали «Ховевей Цион» Германии, Австрии и Галиции.

Первый сионистский конгресс состоялся в Базеле 29—30 августа 1897 года, это был первый международный съезд евреев. На конгрессе Герцль был избран президентом Всемирной сионистской организации, и оставался на этом посту до самой смерти.

Герцль был не только исполнителем постановлений конгресса, но и их вдохновителем; вся его дальнейшая деятельность прочно связана с политическим сионизмом. Он был убежден, что он знает, в чем заключается счастье его народа, что ему известны пути, ведущие к этой цели, и он найдет средства к ее осуществлению.

Конгресс принял программу сионистского движения, которая известна под названием «Базельская программа», и учредил Всемирную сионистскую организацию. Несмотря на обострившуюся болезнь сердца и нападки идейных противников, Герцль упорно добивался двух основных целей: 1) — «создания национального очага для еврейского народа в Палестине», как это сформулировано в Базельской программе, с согласия великих держав и Турции, что должно быть достигнуто дипломатическим путем; 2) — создания и укрепления Всемирной сионистской организации как орудия ведения политических и финансовых переговоров, что помогло бы осуществить заселение Палестины. Герцль вел активную деятельность по созданию Сионистского банка, официальная резолюция об учреждении которого была принята на 2-ом Конгрессе (28—30 августа 1898 г.). Банк был открыт в марте 1899 г. в Лондоне. В 1903 г. филиал банка был открыт в Яффе, он назывался Англо-Палестинская компания (теперь Банк Леуми ле-Израэль).

Конечной целью сионизма было создание обеспеченного международным правом убежища для евреев в Палестине. Но так как Палестина принадлежала турецкому султану, то в первую очередь нужно было получить его согласие.

Герцль, который был принят турецким султаном, знал насколько велико в Константинополе влияние отдельных великих держав и поэтому вступил в контакт с монархами и главами некоторых государств: встречался с императором Вильгельмом II в Иерусалиме, королем Италии и Папой Римским, ездил в Петербург. С течением времени он убеждался, насколько трудна и сложна проблема еврейской жизни в реальной действительности; к тому же дипломатические переговоры подвигались медленно и были безрезультатными.

С самого начала своей политической деятельности Герцль хотел привлечь правительство Великобритании к реализации сионистских планов. Он вступил в контакт с английским правительством, он встречался также с лордом Ротшильдом, главой лондонской ветви этой семьи, который был противником идеи заселения Палестины евреями, но интересовался перспективой расселения евреев в пределах Британской империи. Целью сионистского движения, как это было определено в Базельской программе, является создание еврейского национального очага в Палестине. Но Герцль в силу обстоятельств, учитывая массовую эмиграцию евреев Восточной Европы, а также усилившиеся преследования евреев, стал склоняться к мнению, что сионистское движение пойдет на временное облегчение страдания евреев каким-либо иным образом, не отказываясь от своих принципов и программы. Однако предложение Герцля создать еврейские поселения на Кипре или Синайском полуострове не было принято. Министр колоний Чемберлен предложил территорию в Восточной Африке. Уганду (теперь часть Кении), для заселения евреями.

В то время еврейская общественность находилась под угнетающим впечатлением кровавого Кишиневского погрома (1903 год) и стала ясна необходимость принятия мер для облегчения тяжелого положения восточно-европейского еврейства. Герцль считал, что следует продолжать переговоры с Британским правительством даже на основе «проекта Уганды», так как по его мнению, контакт между Сионистской организацией и Британским правите-

льством должен был привести к политическому признанию Англией еврейского народа и таким образом способствовать осуществлению сионистских целей. С практической точки зрения, Герцль считал «Угандийский проект» средством превращения панического бегства евреев из России в организованное переселение в страну, которая была бы дополнением к главному центру еврейства в Палестине. Но это не помешало Герцлю продолжать борьбу за Палестину. В августе 1903 года Герцль ездил в Россию и вел переговоры с Плеве о легализации сионистской деятельности в России и поддержке цели сионистов перед турецким султаном. Евреи России оказали ему сердечный прием, особенно в Вильне.

Герцль представил «проект Уганды» Шестому Сионистскому конгрессу, состоявшемуся в Базеле 22—28 августа 1903 года. В обращении к конгрессу он подчеркивал, что этот проект не отменяет конечную цель сионизма в Палестине. Тем не менее, этот проект вызвал сильное возмущение и протест делегатов, особенно из России, которые оценили его как отказ Герцля от исторической родины, несмотря на то, что он пытался объяснить делегатам, что попрежнему верен идее создания еврейского государства в Палестине.

Конгресс утвердил предложение Герцля направить в Уганду комиссию для проверки возможности создания там еврейских поселений. И это внесло раскол в движение.

После конгресса Герцль продолжал борьбу за Палестину и за сохранение единства движения. Путем ожесточенной борьбы в прессе и на собраниях ему удалось сохранить единство сионистского движения, и это был последний крупный вклад Герцля в дело сионизма. Борьба ухудшила состояние здоровья Герцля, он лечился на курорте Франценсбад, но, не поправив здоровья, уехал в Вену. Через некоторое время на курорте Эдлах Герцль заболел воспалением легких и скончался 3 июля 1904 года.

Герцль поражал всех как своей исключительной внешностью, так и редкой одаренностью. Люди, знавшие его, восхищались его даром предвидения, широтой его поли-

тического кругозора, организаторскими способностями. После смерти он стал легендарной личностью. И буквально спустя всего лишь несколько лет результаты его деятельности стали очевидными.

Герцль превратил сионистское движение из слабого и незначительного течения во всемирную организацию и в политическую реальность, так что Великобритания проявила готовность вступить в переговоры с представителями еврейского народа. Это в свою очередь привело к Декларации Бальфура, к развитию национального очага в Палестине и, со временем, к образованию Государства Израиль.

Как мыслителю, Герцлю удалось дать точный и глубокий анализ еврейской проблемы. Он предвидел будущие события в истории еврейского народа. Он призывал к использованию достижений науки и техники в процессе построения еврейского государства.

В завещании Герцль просил, чтобы его похоронили возле могилы его отца в Вене, пока не придет время, когда еврейский народ перенесет его прах в землю Палестины. Прошло 45 лет, и в августе 1949 года, вскоре после основания Государства Израиль, останки Герцля (а также его родителей и сестры Паулины) были перенесены на гору Герцля в Иерусалиме, и там же был выстроен музей Герцля.

День его смерти, 20-ый день месяца тамуз, является днем памяти Герцля в Израиле и в еврейских общинах стран рассеяния.

Теодоръ Герцль

ДОКТОРЪ ПРАВЪ.

ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

ОПЫТЪ НОВѢЙШАГО РАЗРѢШЕНІЯ ЕВРЕЙСКАГО ВОПРОСА.

Перевелъ

В. Бенъ-Зевъ.



ОДЕССА.

«Центральная типо-литографія», Почтовая улица, № 39.

1896.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Мысль, которую я хочу изложить въ этомъ сочиненіи, уже очень стара. Я говорю о возстановленіи еврейскаго государства. Міръ, преисполненный негодованія противъ евреевъ, будить уснувшую мысль, вызывая ее на разсужденія. Я ничего не выдумываю, въ чемъ легко можно убѣдиться, такъ сказать, воочію изъ всего моего изслѣдованія въ общемъ, и въ каждомъ пунктѣ его въ частности. Я не выдумываю ни положенія евреевъ, ставшаго достояніемъ исторіи, ни средствъ для спасенія ихъ. Тѣ данныя, которыя я предпосылаю, на самомъ дѣлѣ всѣмъ ясны и могутъ быть осязаемы чуть ли не руками. Но еслибъ я хотѣлъ обозначить какимъ-нибудь именемъ эту попытку разрѣшенія еврейскаго вопроса, то я назвалъ бы ее не фантазіей, а „комбинаціей“, въ высшемъ смыслѣ этого слова. Относительно же такого понятія, какъ утопія, я долженъ предварительно сказать нѣсколько словъ, чѣмъ собственно и хочу предохранить поверхностныхъ изслѣдователей отъ ошибки, въ которую они могутъ впасть. На самомъ то дѣлѣ, вѣдь нѣтъ никакого стыда въ томъ, что пишутъ челоувѣколюбивыя утопіи. Напротивъ, мнѣ удалось бы такимъ образомъ еще легче справиться со своимъ желаніемъ, если бы я своимъ читателямъ,—кому это, понятно, будетъ интересно,—изложилъ свой планъ въ видѣ невинительнаго описанія какого-нибудь романа но это все-

таки была бы не такая любовная утопія, какую обыкновенно представляли себѣ до и послѣ Томаса Мора. Я глубоко убѣжденъ, что положеніе евреевъ въ различныхъ странахъ достаточно печально, даже слишкомъ печально, чтобы изъ него дѣлать какія нибудь бездѣлушки. Чтобы понять разницу между моей конструкціей и какой нибудь утопіей, я укажу на очень интересную книгу послѣднихъ лѣтъ, сочиненіе доктора Т. Герцка, „Свободная страна“. Это цѣлый рядъ довольно осмысленныхъ фантазій, предложенныхъ вполне современнымъ національ-экономическимъ умомъ, но такъ же примѣнимыхъ къ жизни, какъ и горы экватора, на которыхъ расположена эта воздушная община. „Свободная страна“ есть механизмъ со многими колесиками и зубчиками, сцепленными другъ съ другомъ, но ничто мнѣ не указываетъ на то, что ими можно пользоваться; даже и въ томъ случаѣ, когда я увижу это общество „Свободной страны“ уже основаннымъ, я все-таки буду считать это за шутку.

Такимъ образомъ, вся несостоятельность этихъ фантазій ясно видна изъ предыдущаго. Въ проэктѣ-же, предложенномъ мною, заключается въ сущности ходатайство предупредительной силы. Я только начерчиваю колески и зубчики для постройки машины исключительно въ той надеждѣ, что найдутся лучшіе механики, чѣмъ я, которые, положившись вполне на мою долготѣнную опытность и воспользовавшись предложеннымъ мною матеріаломъ, исполнять это дѣло лучше моего.

Я вполне надѣюсь на принудительную силу, какъ на лучшаго двигателя, ибо въ данномъ случаѣ эта сила можетъ многое сдѣлать. А что является лучшимъ двигателемъ, лучшей силой, какъ не еврейская нужда? Вѣдь

голь на выдумки хитра! Кто же станетъ отрицать, что эта сила не основательна? Стоитъ только вспомнить о парѣ, который образуется въ котлѣ, благодаря нагрѣванію, чтобы понять все значеніе принудительной силы. Накопившись въ котлѣ, онъ приподнимаетъ крышку его и даже разрываетъ, если не находитъ для себя выхода. Этотъ паръ есть тѣ палестинскія и другія общества, которыя создаются съ цѣлью бороться противъ антисемитизма. Итакъ, намѣреваясь этимъ вопросомъ заняться подробнѣе въ главѣ о причинахъ антисемитизма, я здѣсь повторяю только, что эта сила, имѣя любой, какой угодно, ей видъ, но разумно направленная, достаточно могущественна, чтобы двигать большую машину, требуя при этомъ людей и богатства. Я глубоко убѣжденъ въ томъ, что я правъ, но я не знаю, признають ли мою правоту. Первые, кого коснется это движеніе, едва ли увидятъ свой, полный славой, конецъ, но уже чутьемъ достигнется возвышенная увѣренность и счастливое сознаніе внутренняго свободного существованія. Но чтобы въ этомъ проэктѣ нельзя было заподозрить утопіи, я хочу быть также аккуратнымъ и въ главныхъ деталяхъ обрисовки. Я вполне при этомъ подготовленъ къ тому, что бессмысленная насмѣшка попытается каррикатурно ослабить все, предпосланное мною; и даже за примѣромъ недалеко ходить. Такъ, одинъ еврей, довольно умный во всемъ остальномъ, еврей, которому я объяснилъ все вышеизложенное мною, сказалъ: „все представленное, какъ будущее благо, есть только признаки утопіи“, но это ошибочно. Всякій министръ, на примѣръ, финансовъ имѣетъ дѣло въ своихъ бюджетахъ съ предполагаемыми цифрами, и не только съ такими, прототипъ ко-

торыхъ онъ имѣть уже въ прошлыхъ годахъ, но и съ такими цифрами, которыя онъ надѣется получить при введеніи какого нибудь новаго налога, ибо нельзя разсуждать о бюджетѣ, не зная приблизительно цифры его доходовъ и расходовъ, но будутъ ли поэтому всѣ финансовыя предпріятія считаться утопіями, когда извѣстно, что нельзя въ точности опредѣлить итога? Но я ставлю своимъ читательницамъ и читателямъ болѣе суровое, и если хотите, странное требованіе. Я прошу образованныхъ людей, къ которымъ я, главнымъ образомъ, обращаюсь и которымъ дороги интересы еврейскаго народа, вспомнить и изучить нѣкоторыя старыя мысли; я обращаюсь къ лучшимъ евреямъ, которые дѣятельно занимались разрѣшеніемъ еврейскаго вопроса, предлагая имъ категорически признать свои попытки ошибочными и не дѣйствительными. При изложеніи своей идеи мнѣ придется бороться съ опасностью, ибо если я скрою все, что предстоитъ въ будущемъ, то покажется, что я самъ не вѣрю въ возможность ихъ осуществленія, если же я буду говорить противъ дѣйствительности, то все это, пожалуй, покажется бессмыслицей, пустой мечтой; поэтому я утверждаю что вѣрю въ возможность исполненія своей мысли, если даже я не окажусь въ состояніи найти конечную форму ея. Еврейское государство — это міровая потребность и, слѣдовательно, она будетъ создана. Но если эта мысль будетъ достояніемъ только одного лица, то она на самомъ дѣлѣ покажется странной, а если съ этимъ согласятся одновременно многіе евреи, то это окажется вполне возможнымъ, и исполненіе не будетъ представлять собой особенныхъ трудностей. Все дѣло зависитъ отъ числа послѣдователей, такъ что, можетъ

быть, наши молодые люди или подростки, наше молодое поколѣніе, которымъ уже и теперь закрыты всѣ пути, и которые въ новомъ государствѣ найдутъ полную возможность достигнуть чести, свободы и счастья, можетъ быть, говорю я, они позаботятся о распространеніи этой идеи.

Съ опубликованіемъ этой работы я лично считаю свою задачу исполненной, и опять возьмусь за перо только въ томъ случаѣ, если къ этому меня принудятъ мои противники, или если снова придется опровергнуть или устранить ошибки. Если то, что я сейчасъ здѣсь пишу, еще не подтверждается; если страданія евреевъ, можетъ быть, еще не такъ велики, и я опередилъ свое время, то поживемъ и посмотримъ. Отъ самыхъ евреевъ теперь зависить, чтобы это сочиненіе не оказалось только выдумкой. Если теперешнее поколѣніе еще слишкомъ глухо, то придетъ другое, болѣе возвышенное, лучшее. Евреи, которые того захотятъ, будутъ имѣть свое государство, исполнѣ его заслуживши.

ВСТУПЛЕНИЕ.

Политико-экономическій взглядъ людей, стоящихъ въ центрѣ практической жизни, часто намъ мало понятенъ, и только такимъ образомъ можно объяснить, почему евреи вѣрятъ въ свою неспособность и слѣпо повторяютъ за антисемитами: «мы же... живемъ благодаря нашимъ сосѣдямъ—земледѣльцамъ; если бы ихъ около насъ не было, намъ пришлось бы голодать». Это одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ пунктовъ, на который указываетъ

наше ослабленное самосознание при своих несправедливых жалобах. Какъ-же въ самомъ дѣлѣ обстоитъ дѣло съ этими сосѣдями? Насколько указываетъ старая фізіократическая ограниченность, оно покоится на томъ дѣтскомъ заблужденіи, что въ деревенской жизни подобныя вещи встрѣчаются сплошь и рядомъ. Мы не такъ далеки отъ жизни, чтобы не знать, что міръ постоянно мѣняется благодаря непрекращающимся завоеваніямъ въ области знаній и техники. Въ наше удивительное время всевозможныхъ техническихъ успѣховъ, и духовно неразвитый, умственный бѣднякъ уже можетъ вокругъ себя наблюдать своими закрытыми глазами новыя владѣнія—плоды предприимчиваго духа. Работа безъ предприимчивости—работа стаціонарная, работа старая, типическимъ примѣромъ которой является земледѣліе, остающееся въ томъ же положеніи, въ какомъ оно находилось много тысячелѣтій тому назадъ при нашихъ дѣдахъ. Во многихъ случаяхъ матеріальное благополучіе было осуществлено единственно благодаря предприимчивости. Теперь же чуть ли не стыдятся сознаться въ такой банальной истинѣ, но если бы мы всѣ были исключительно предпринимателями, намъ не нужно было бы совершенно земледѣльцевъ. Намъ не указанъ рядъ постоянныхъ владѣній и мы съ каждымъ днемъ завоевываемъ все новыя и новыя. У насъ появились рабы, обладающіе сверхъестественной силой, вызвавшіе своимъ появленіемъ въ культурномъ мірѣ смертельную конкуренцію ручному труду,—я говорю о машинахъ. Правда, намъ нужны и работники, чтобы приводить машины въ движеніе, но для этихъ потребностей у насъ достаточно рукъ, даже слишкомъ много. Только тотъ осмѣлится утверждать, что евреи не спо-

собны къ ручному труду, или не желаютъ имъ заниматься, кто незнакомъ съ положеніемъ ихъ во многихъ мѣстностяхъ Восточной Европы. Я не хочу въ этомъ сочиненіи предпринять какую нибудь защиту евреевъ, ибо все благоразумное, равно какъ и все сантиментальное по этому вопросу уже высказано. Теперь недостаточно имѣть вѣрные доводы для ума и сердца; слушатель долженъ быть способенъ прежде всего понимать сказанное, иначе это будетъ гласомъ, вопіющимъ въ пустынѣ, но если слушатели уже очень далеко ушли впередъ, то вся проповѣдь напрасна. Я вѣрю, что люди могутъ въ жизни успѣвать, достигая высшихъ ступеней, но думаю, что это удастся только послѣ медленной и отчаянной борьбы. Если бы мы захотѣли ждать, пока средній классъ облагородится, о чемъ мечталъ Лессингъ, когда писалъ своего „Натана Мудраго“, то не хватило бы ни нашей жизни, ни жизни нашихъ дѣтей, внуковъ и правнуковъ, но тутъ совѣмъ съ другой стороны намъ приходится на помощь духъ времени. Последнее столѣтіе принесло намъ массу цѣнныхъ открытій, при помощи техническихъ данныхъ, пріобрѣтенныхъ трудомъ, и этотъ сказочный успѣхъ еще не утратилъ своего значенія для человѣчества. Хотя отдаленность разстояній на земной поверхности уже устранена, однако мы еще страдаемъ отъ неудобствъ, вызываемыхъ тѣснотой. Не смотря на то, что найдены теперь способы быстро и безопасно плыть на гигантскихъ пароходахъ по незнакомымъ дотолѣ морямъ и строить надежныя желѣзныя дороги, привозящія насъ къ вершинѣ горы, которой мы раньше едва ли могли достигнуть при сильной усталости въ ногахъ; не смотря на то, что намъ въ на-

стоящее время извѣстно все, что происходило въ странахъ, которыя еще не были открыты, когда Европа держала евреевъ, заключенными въ „гетто“, и просвѣщенное время наступило еще столѣтіе тому назадъ, мы все-таки страдаемъ и терпимъ, не находя средствъ къ разрѣшенію еврейскаго вопроса. Не есть-ли это анахронизмъ?

Итакъ, я думаю, что электрическій свѣтъ былъ найденъ не для того, чтобы повсюду освѣщать нѣкоторыя украшенія пышныхъ комнатъ, а чтобы при его свѣтѣ могли разрѣшаться міровые вопросы человѣчества, изъ которыхъ однимъ, и далеко немаловажнымъ, является еврейскій. Разрѣшая его, мы дѣлаемъ благое дѣло не только для себя самихъ, но и для многихъ другихъ тружениковъ, обремененныхъ невзгодами жизни.

Еврейскій вопросъ существуетъ, и было бы безуміемъ его не признавать. Это несчастное наслѣдіе среднихъ вѣковъ, съ которымъ культурнымъ народностямъ едва удается теперь справиться при всемъ своемъ великодушномъ желаніи, обнаружившемся въ томъ, что они дали намъ эмансипацію, но она не была въ состояніи устранить существующаго порядка вещей, и еврейскій вопросъ неминуемо возникаетъ тамъ, гдѣ только мы скопляемся въ значительномъ количествѣ, гдѣ же его нѣтъ, туда привозятъ его эмигрирующие евреи. Мы, конечно, стремимся туда, гдѣ насъ не преслѣдуютъ, но съ нашимъ появленіемъ наступаютъ и преслѣдованія. Это будетъ продолжаться даже въ такихъ высокопросвѣщенныхъ странахъ, какъ Франція, до тѣхъ поръ, пока еврейскій вопросъ не будетъ политически разрѣшенъ. Несчастные евреи ввозятъ теперь антисемитизмъ въ Англію, какъ они ввели

его въ Америку. Я хотѣлъ бы разобрать и уяснить себѣ антисемитизмъ, который оказывается слишкомъ запутаннымъ явленіемъ, и рассматриваю его какъ еврей, но безъ всякой тѣни ненависти или страха. Я хотѣлъ бы понять, что въ антисемитизмѣ—голая насмѣшка, общая зависть, врожденное предубѣжденіе, религіозная нетерпимость, и что—мнимо-необходимая оборона; считая вмѣстѣ съ тѣмъ еврейскій вопросъ—вопросомъ социальнымъ и вопросомъ религіознымъ, насколько въ немъ есть мотивы на подобное названіе, я, чтобы разрѣшить этотъ національный вопросъ, нахожу необходимымъ и предлагаю сдѣлать его міровымъ вопросомъ съ политическимъ оттѣнкомъ, и тогда пусть разрѣшаютъ его культурные народы.

Мы народъ своеобразный, народъ особый.

Мы повсюду вполнѣ честно пытались вступить въ сношенія съ окружающими насъ народами, сохраняя только религію нашихъ предковъ, но намъ этого не позволили. Напрасно мы вѣрны и готовы на все, а въ нѣкоторыхъ странахъ даже чрезмѣрные патріоты; напрасно жертвуемъ мы имъ своею кровью и достояніемъ, подобно нашимъ согражданамъ; напрасно трудимся мы, стремясь прославить наши отечества успѣхами въ области изящныхъ искусствъ и знаній; напрасно трудимся мы, стремясь увеличить ихъ богатства развитіемъ торговли и промышленности, все напрасно. Въ нашихъ отечествахъ, въ которыхъ мы живемъ столѣтія, на насъ смотрятъ, какъ на чужестранцевъ, очень часто даже тѣ, родоначальники которыхъ еще не думали о той странѣ, въ которой уже слышались стоны нашихъ предковъ и за которую проливали свою кровь. Кого считать скорѣе чу-

жими въ странѣ, можетъ, конечно, рѣшить большинство. Подобный вопросъ вообще рѣшаетъ сила, какъ всѣ вопросы, возникающіе при массовыхъ народныхъ сношеніяхъ. Я же ни во что не ставлю наше доброе насильственное право, когда я все это долженъ высказать, какъ личность, стоящая внѣ закона. Въ настоящее время и насколько можно видѣть въ будущемъ, сила господствуетъ надъ правомъ. Мы, значить, напрасно повсюду стараемся быть ревностными патріотами, какими были Гугеноты, которыхъ принуждали выселяться. Если бы насъ оставили въ покоѣ...

Но я увѣренъ, что насъ не оставятъ въ покоѣ. Насъ не хотятъ оставить въ покоѣ, а притѣсненіями и преслѣдованіями насъ нельзя истребить. Ни одинъ народъ въ исторіи не перенесъ столько мученій и страданій, сколько мы. Лица, насмѣхавшіяся надъ евреями, избирали, конечно, наши слабости мышенью для своихъ насмѣшекъ, и евреи съ твердой волей напрасно возвращались къ своему корню, къ своему стволу, когда возникали преслѣдованія, что можно было наблюдать сейчасъ же непосредственно за эмансипаціей, ибо евреи, стоящіе духовно и матеріально значительно выше, представляли себѣ эмансипацію совсѣмъ иначе. При нѣкоторомъ продолжительномъ, политически благопріятномъ, положеніи мы, вѣроятно, всѣ ассимилировались бы повсюду, но я думаю, что это было бы непохвально. Гражданинъ, желающій для блага своей націи уменьшенія еврейской расы, долженъ прежде всего подумать о продолжительности нашего политически-благопріятнаго положенія, ибо только въ такомъ случаѣ можетъ произойти ассимиляція, въ противномъ же случаѣ никакія

государственныя узаконенія не въ силахъ этого измѣнить: такъ глубоко засѣли въ народѣ старыя причины и неудовольствія противъ насъ. Кто хочетъ объ этомъ подумать, кто хочетъ въ этомъ убѣдиться, тотъ пусть только поближе познакомится съ духомъ народа, у котораго всѣ сказки и пословицы—пропитаны анти-семитизмомъ. Правда, народъ прежде всего большое дитя, которое, конечно, можно перевоспитать, но на это перевоспитаніе, въ лучшемъ случаѣ, потребуется довольно продолжительнаго времени, такъ что мы, какъ я уже сказалъ, другимъ образомъ значительно скорѣе сможемъ найти помощь.

Ассимиляція, подъ которой я разумѣю не только внѣшнія измѣненія, напримѣръ, платья, языка или привычекъ и манеръ жизни, но и уравниеніе въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ пониманіи искусствъ, можетъ произойти при смѣшеніи, что можетъ быть допущено большинствомъ только какъ необходимость. Ни въ коемъ случаѣ нельзя привить подобную мѣру путемъ предписаній, циркулярно. И тутъ же налицо примѣры. Венгерскіе либералы, поступившіе недавно такимъ образомъ, находятся теперь въ очень интересномъ заблужденіи, достойномъ вниманія; предполагаемое-же смѣшеніе можетъ, опять—таки, быть иллюстрировано первымъ попавшимся случаемъ: крещенный еврей женится на еврейкѣ. Борьба, которая велась въ послѣднее время относительно браковъ, значительно обострила отношенія между христіанами и евреями въ Венгріи, такъ что она скорѣе повредила, чѣмъ принесла пользу смѣшенію расъ. Кто на самомъ дѣлѣ желаетъ уничтоженія евреевъ, тотъ можетъ видѣть возможность этого въ кровосмѣше-

ни, но чтобы евреи могли такъ поступать, они должны приобрести столько экономическихъ силъ, чтобы этимъ побѣдить старый общественный предрасудокъ. Примѣромъ является аристократія, гдѣ смѣшеніе наблюдается наичаще въ извѣстной пропорціи. Старое дворянство золотитъ свои гербы, постарѣвшіе отъ времени, еврейскимъ золотомъ, и при этомъ еврейскія фамиліи уничтожаются, но какимъ представляется это явленіе въ среднихъ классахъ, гдѣ главнымъ образомъ сосредоточивается еврейскій вопросъ, такъ какъ еврей народъ съ преобладающимъ среднимъ элементомъ? Здѣсь необходимое достиженіе власти, равносильное имущественному цензу евреевъ, уже находится въ ложномъ положеніи, а если теперешняя власть евреевъ уже вызываетъ такіе крики опасности и ярости со стороны антисемитовъ, то какихъ выходовъ надо ждать съ ихъ стороны при дальнѣйшемъ ростѣ этой власти. Уступокъ въ данномъ случаѣ нельзя ждать, ибо это было бы поработченіемъ большинства меньшинствомъ, котораго недавно еще ставили ни во что, и которое никакого значенія не имѣетъ ни въ административномъ, ни въ военномъ вѣдомствахъ. Итакъ, я думаю, что поглощеніе евреевъ невѣроятно даже при большомъ успѣхѣ со стороны остальныхъ гражданъ. Въ этомъ со мной тотчасъ согласятся тамъ, гдѣ господствуетъ антисемитизмъ, тамъ же, гдѣ евреи въ настоящую минуту чувствуютъ себя относительно хорошо, тамъ, вѣроятно, будутъ жестоко нападать и оспаривать, не соглашаясь съ моими предположеніями. Они только тогда мнѣ повѣрятъ, когда ихъ снова посѣтятъ насмѣшки и притѣсненія и, чѣмъ дольше антисемитизмъ заставитъ себя ждать, тѣмъ онъ проявится болѣе суровымъ. Скопленіе

эмигрирующихъ евреевъ, которыхъ притягиваетъ очевидная безопасность, равно какъ и движеніе, возникающее среди мѣстныхъ евреевъ, купно подѣйствуютъ тогда, вызывая бурную реакцію. И ничего нѣтъ проще подобнаго заключенія. Но что я не желаю кого-либо огорчать, говорю только на основаніи извѣстныхъ, обоснованныхъ данныхъ, да позволено мнѣ будетъ объяснить ниже, коснувшись предварительно тѣхъ возраженій и той вражды, которыя могутъ возникнуть ко мнѣ среди евреевъ, живущихъ въ данную минуту при благопріятныхъ условіяхъ. Насколько это, конечно, касается частныхъ интересовъ, представители которыхъ чувствуютъ себя удрученными, исключительно, вслѣдствіе ограниченности своего ума или трусости, то мимо нихъ можно пройти только съ презрительной насмѣшкой, ибо интересы бѣдныхъ и притѣсненныхъ значительно важнѣе. Но я постараюсь разъяснить каждому подробно его правоспособность и выгоду, желая предотвратить возможность какого-нибудь ложнаго представленія, изъ-за котораго, на примѣръ, евреи пользующіеся теперь всѣми благами и преимуществами хорошей жизни, могли-бы потерпѣть нѣкоторый вредъ, если мой планъ будетъ приведенъ въ исполненіе. Серьезнѣе будутъ возраженія, что я препятствую ассимиляціи евреевъ тамъ, гдѣ хотятъ привести ее въ исполненіе и врежу дальнѣйшей ассимиляціи тамъ, гдѣ она уже совершилась, настолько, насколько я, какъ единичный писатель, въ силахъ измѣнить или ослабить ее. Это возраженіе возникнетъ главнымъ образомъ во Франціи, хотя я жду его и въ другихъ мѣстахъ, но я хочу прежде всего отвѣтить именно французскимъ евреямъ, такъ какъ они представляютъ собой самый наглядный примѣръ.

Какъ сильно я ни преклоняюсь предъ индивидуальностью, которая создаетъ выдающихся гражданъ: художниковъ, философовъ, изобрѣтателей или полководцевъ, равно какъ и общую историческую группу людей, которую мы называемъ народомъ, какъ сильно повторяю я; я ни преклоняюсь предъ индивидуальностью, я все таки не противлюсь и не оплакиваю ея исчезновенія. Кто можетъ, хочетъ или долженъ погибнуть, тотъ пусть погибаетъ, но индивидуальность евреевъ не можетъ, не хочетъ и не должна погибнуть. Она не можетъ погибнуть потому, что внѣшніе враги ей препятствуютъ, не хочетъ погибнуть,—что она доказала въ теченіи 2000 лѣтъ въ цѣломъ рядѣ притѣсненій и, наконецъ, не должна погибнуть, что я попытаюсь доказать въ этомъ сочиненіи многимъ евреямъ, потерявшимъ, повидимому, уже всякую надежду. Цѣлыя вѣтви еврейства могутъ отпасть или умереть, но само дерево останется жить. Если такимъ образомъ нѣкоторые или всѣ французскіе евреи будутъ протестовать противъ только-что сказаннаго, такъ какъ они уже ассимилировались, то я имъ очень просто отвѣчу, что это дѣло ихъ мало интересуетъ. Вы — французскіе „израэлиты“, превосходно, а дѣло, которое я предлагаю, касается исключительно евреевъ. Такимъ образомъ, вновь образующееся движеніе въ пользу основанія еврейскаго государства, о которомъ я говорю, такъ же мало повредитъ французскимъ „израэлитамъ“, какъ и ассимилированнымъ евреямъ другихъ странъ. Напротивъ, все мною предложенное принесетъ имъ только пользу, да, только одну пользу, ибо имъ больше не станутъ мѣшать въ ихъ „хроматической функціи“, выражаясь словами Дарвина. Они

могутъ смѣло ассимилироваться, ибо теперешній антисемитизмъ навсегда умолкнетъ. Имъ даже повѣрятъ, что они ассимилировались до глубины своей души, если они, когда на самомъ дѣлѣ образуется новое еврейское государство съ его лучшимъ управленіемъ, все-таки останутся тамъ, гдѣ они теперь живутъ. Эти ассимилированные евреи извлекутъ еще большую пользу, чѣмъ христіане, отъ ухода евреевъ, вѣрныхъ своему началу, своему корню, ибо они будутъ тогда освобождены отъ безпокойной и неизбѣжной конкуренціи еврейскаго пролетаріата, который вслѣдствіе политическихъ притѣсненій и имущественной нужды принужденъ былъ перекочевывать изъ страны въ страну, съ мѣста на мѣсто. Этотъ блуждающій пролетаріатъ, наконецъ, прочно усядется, и христіанскіе общественные дѣятели, извѣстные больше подъ именемъ антисемитовъ, смогутъ успокоиться насчетъ поселенія иностранныхъ евреевъ. Еврейскіе же общественные дѣятели, *horribile dictu*, этого сдѣлать не могутъ, несмотря на то, что они поставлены въ гораздо худшія условія. Стремясь уменьшить домашнее зло, ассимилированные евреи только импонируютъ антисемитизму или даже обостряютъ уже существующій, ибо, подыскивая различныя средства, они останавливаются на „благодѣтельныхъ“ предпріятіяхъ и учреждаютъ эмиграціонные комитеты для пріѣзжающихъ евреевъ. Казалось бы, что это явленіе ясно противорѣчитъ моимъ словамъ, и было бы странно, если бы граждане не заботились о нуждающихся и притѣсненныхъ собратяхъ. Но дѣло то въ томъ, что нѣкоторые изъ этихъ вспомогательныхъ обществъ дѣйствуютъ совсѣмъ не въ пользу гонимыхъ евреевъ. Заботясь яко бы о нихъ, они на самомъ дѣлѣ думаютъ о томъ, какъ бы какъ мож-

но быстрѣе и какъ можно дальше удалить бѣдныхъ и несчастныхъ скитальцевъ. Такимъ образомъ, при болѣе внимательномъ обсужденіи данного вопроса, выясняется, что иной очевидный другъ и благодѣтель еврейства есть не больше, какъ замаскированный антисемитъ. Что же касается колонизаціи какъ таковой, то, будучи сама по себѣ очень интереснымъ и удобнымъ опытомъ разрѣшенія еврейскаго вопроса, она до сихъ поръ велась очень странно. Я не хочу и не могу допустить, чтобы тотъ или другой еврейскій дѣятель смотрѣлъ на занятіе колонизаціей, какъ на пріятное времяпрепровожденіе, что тотъ или другой дѣятель и благодѣтель, давая евреямъ возможность странствовать и переселяться, смотреть на это какъ на спортъ какой-нибудь, гдѣ лошадямъ, на примѣръ, даютъ возможность прыгать и скакать. Вѣдь дѣло очень серьезное и, къ несчастью, очень печальное. Если же я назвалъ эти опыты интересными и удобными, то я имѣлъ въ виду это постольку, поскольку они въ небольшихъ размѣрахъ представляютъ собой практическаго предвѣстника идеи еврейскаго государства; и постольку они полезны для насъ, поскольку мы, воспользовавшись ошибками, происшедшими при колонизаціи, сможемъ избѣгнуть ихъ при разрѣшеніи нашей идеи въ большихъ размѣрахъ. Распространеніе антисемитизма въ новыхъ странахъ, являясь необходимымъ слѣдствіемъ искусственнаго скопленія евреевъ, кажется мнѣ самымъ ничтожнымъ зломъ; значительно хуже по моему мнѣнію то, что результаты у эмигрировавшихъ явно неудовлетворительны, ибо они такимъ образомъ вызываютъ сомнѣніе или даже убѣжденіе въ непригодности еврейскихъ массъ. Это сомнѣніе при разъясненіи можно, положимъ, уничтожить цѣлымъ рядомъ

совершенно простыхъ, слѣдующихъ другъ за другомъ аргументацій въ родѣ, на примѣръ, того, что безцѣльное или неисполнимое въ „маломъ“ еще не гарантируетъ такого же результата и въ „большомъ“, что маленькое предприятие при извѣстныхъ условіяхъ можетъ причинить убытки, въ то время какъ большое предприятие при тѣхъ же условіяхъ приноситъ доходы, что челнокъ, плывшій не разъ въ ручьѣ, тонетъ въ рѣкахъ, гдѣ плывутъ желѣзные гиганты, что никто не богатъ и не силенъ настолько, чтобы переселить народъ съ одного мѣста на другое, что подобное переселеніе можетъ произойти только во имя идеи. Но важно то, чтобы существовала идея, чтобы идея учрежденія государства имѣла свою обаятельную силу, свое значеніе, а это имѣется. Съ того самого момента, какъ закатилось солнце для евреевъ, они въ теченіи всей ночи своей исторіи не переставали и не перестаютъ мечтать о государствѣ. „Въ будущемъ году въ Іерусалимѣ!“ Это старое, но вѣчно юное желаніе, не оставляющее еврея ни на одну минуту дня и ночи. Теперь кажется ясно, какъ изъ мечты можетъ осуществиться свѣтлая мысль. Нужно только всѣмъ вычеркнуть изъ своей памяти различныя старыя предубѣжденія, сбивчивыя, недальновидныя представленія, иначе ограниченные умы могутъ легко подумать, что переселеніе будетъ совершаться изъ культурной страны въ некультурную, невѣжественную. Напротивъ, наше переселеніе именно стремится къ культурѣ, поднимаясь все выше и выше по ступенямъ развитія, а не возвращаясь къ прежнимъ ступенямъ. Наши эмигранты перейдутъ на жительство не въ мазанки, а въ прекрасные дома, построенные по всѣмъ современнымъ требованіямъ; они не потеряютъ своего

благопріобрѣтеннаго имущества, но только, превращая его въ капиталъ, смѣняють хорошее положеніе на лучшее, они не разлучатся съ своимъ облюбованнымъ мѣстожительствомъ, пока не найдутъ его снова, не оставятъ стараго дома, пока новый не будетъ готовъ, наконецъ, въ новую страну отправятся только тѣ, кто вполне убѣжденъ, что благодаря этому его положеніе улучшится. Сначала, значить, отправятся уже отчаявшіеся, затѣмъ бѣдные, затѣмъ средній классъ, а тамъ уже и богатые люди, и такимъ образомъ первые мало по малу достигнутъ обезпеченнаго положенія и сравниваются съ тѣми, кто придетъ впоследствии. Переселеніе en masse всегда можно сравнить съ теченіями, гдѣ все попавшее, увлекаясь, уносится впередъ. Этимъ уходящимъ евреямъ не угрожаютъ никакіе сельско-хозяйственные или имущественные кризисы или непріятности, напротивъ, ихъ ждетъ періодъ благополучія; а для оставшихся гражданъ-христіанъ наступитъ періодъ переселенія въ мѣста, оставленныя евреями. Такимъ образомъ этотъ могущественный оттокъ большихъ массъ произойдетъ безъ всякаго сотрясенія, и его начало уже есть конецъ антисемитизма. Евреи уйдутъ, какъ уважаемые друзья, и, если впоследствии единичныя личности вернулись бы обратно, ихъ въ цивилизованныхъ странахъ, вѣроятно, примутъ такъ же хорошо, какъ и другихъ иностранцевъ. Это переселеніе не будетъ какимъ-нибудь бѣгствомъ, а, напротивъ, вполне организованнымъ переходомъ подъ контролемъ общественнаго мнѣнія.

Но подобное движеніе не можетъ быть приведено въ исполненіе одними только частными средствами, а требуетъ для своего осуществленія дружественнаго со-

участія теперешнихъ правительствъ, которыя отъ этого получаютъ только существенную пользу. Что же касается идейной чистоты дѣла и средствъ для его выполнения, то ихъ можно найти въ обществахъ, образующихъ собой такъ называемый „моральную„ или „юридическую“ особь; и вотъ эти-то оба понятія, которыя въ юридическомъ смыслѣ очень часто смѣшиваются, я хочу разъединить. Моральную особь я хочу видѣть въ Еврейскомъ Союзѣ, который будетъ завѣдывать всѣми сторонами дѣла, а рядомъ съ нимъ я поставлю Еврейское Общество, которое будетъ завѣдывать исключительно торговлей и промышленностью страны. Что же касается тѣхъ единичныхъ личностей, которыя показываютъ видъ, что намѣрены были-бы предпринять подобное исполненное дѣло, то они могутъ быть или неблагонамѣренными, или ограниченными людьми. Такимъ образомъ моральная особь нашей идеи слагается изъ характера дѣятельности ея членовъ, достаточность же средствъ юридической особи обрисовывается ея капиталами.

Итакъ, при помощи вышеизложеннаго я хотѣлъ въ очень краткихъ словахъ предотвратить ту массу возраженій, которая будетъ вызвана уже однимъ словомъ „еврейское государство“, а тамъ я съ большимъ спокойствіемъ постараюсь отвѣтить на другія возраженія, а кое-что, уже обнаруживавшееся, изложу подробнѣе, остановившись на немъ подольше, даже въ томъ случаѣ, если это будетъ не въ интересахъ сочиненія, мысль котораго должна развиваться, по возможности, быстрѣе и, главнымъ образомъ, кратко. Но если я на старомъ фундаментѣ хочу строить

новый домъ, то прежде всего я долженъ попробовать его, а затѣмъ уже строить. Признавая подобный порядокъ вещей вполне разумнымъ и справедливымъ, я буду придерживаться его, и сначала въ общей части разъясню идею, устранивъ при этомъ старыя и нелѣпыя понятія, изложу планъ и твердо установлю политико-экономическія и національныя условія. Затѣмъ, въ специальной части, распадающейся на три главныхъ отдѣла: Еврейскій Союзъ. Образованіе новыхъ поселеній и Еврейское Общество, я поговорю о способахъ выполненія нашей идеи, и, наконецъ, въ заключеніи я скажу еще нѣсколько словъ объ остальныхъ вѣроятныхъ возраженіяхъ.

Мои еврейскіе читатели могутъ сохранить терпѣніе и прочесть это сочиненіе до конца, и чье сомнѣніе будетъ благоразумно побѣждено, тотъ пусть поближе станетъ къ нашему дѣлу.

Затѣмъ я обращаюсь исключительно къ разуму, хотя отлично сознаю, что этотъ послѣдній самъ по себѣ недостаточенъ. Старые заключенные вѣдь неохотно оставляютъ мѣста своего заключенія. Мы узнаемъ, наконецъ, подросла ли юность, въ которой мы такъ нуждаемся, юность, идущая рука объ руку со старостью, юность, твердо выступающая, юность, умозаключенія которой превращаются въ воодушевленную рѣшимость.



О Б Щ А Я Ч А С Т Ь.

Еврейскій вопросъ.

Никто не станетъ отрицать, что положеніе евреевъ болѣе, чѣмъ незавидное. Во всѣхъ тѣхъ странахъ, гдѣ они живутъ въ большомъ количествѣ, ихъ въ большей или меньшей степени преслѣдуютъ. Равноправіе, если даже подобное и признано законодательствомъ, почти вездѣ къ ихъ несчастью значительно сокращено. Уже среднія должности въ войскахъ или различныхъ общественныхъ и частныхъ вѣдомствахъ для нихъ недоступны. Стараются даже вытѣснить ихъ изъ торговли, пропагандируя по всюду: „не покупайте у евреевъ!“. Нападки въ парламентахъ, собраніяхъ, прессѣ, на церковныхъ соборахъ, на улицѣ или во время путешествій, при выѣздѣ изъ извѣстныхъ гостинницъ, наконецъ, въ мѣстахъ ихъ постоянного жительства, увеличиваются съ каждымъ днемъ. Преслѣдованія эти въ различныхъ странахъ и въ различныхъ собраніяхъ носятъ различный характеръ: въ Россіи, напримѣръ, выселяютъ изъ селъ и деревень; въ Румыніи дѣло обыкновенно кончается убійствомъ нѣкоторыхъ евреевъ; въ Германіи при случаѣ бьютъ ихъ; въ Австріи бушуютъ антисемиты, терроризируя всю общественную жизнь; въ Алжирѣ странствуютъ лица, пропо-

вѣдывающія травлю людей; въ Парижѣ, такъ называемое, лучшее общество смыкается, чуждаясь евреевъ,—словомъ варіаціи безчисленны. Но пусть не подумаетъ благосклонный читатель или прелестная читательница, что я хочу ихъ утруждать излишнимъ перечисленіемъ всѣхъ ограниченій, которыя практикуются по отношенію къ этимъ несчастнымъ людямъ; я не буду также останавливаться предъ единичными случаями, какъ тяжелы они бы ни были; я не думаю также вызвать къ намъ сочувствія,—все это напрасно, неосновательно и не достойно. Я удовольствуюсь только опросомъ самихъ евреевъ: правда ли, что въ странахъ, гдѣ мы живемъ въ большемъ количествѣ, положеніе нашихъ врачей, адвокатовъ, инженеровъ, техникувъ, учителей и представителей другихъ знаній и искусствъ дѣйствительно невыносимо; что весь средній классъ у евреевъ въ ужасномъ, угрожающемъ положеніи; что несчастья простого народа происходятъ изъ за нашихъ богатствъ; что наши бѣдняки терпятъ гораздо больше, чѣмъ всякій другой пролетаріатъ?

Я думаю, что гнетъ вездѣ имѣется; но, проявляясь въ высшихъ зажиточныхъ слояхъ евреевъ только какъ непріятность, онъ въ среднихъ слояхъ общества уже выражается тяжелымъ глухимъ стѣсненіемъ, а въ низшихъ слояхъ есть уже ничто иное, какъ только отчаяніе, бьющее въ глаза своей наготой. Во всякомъ разѣ, какъ ни проявлялся бы этотъ гнетъ въ различныхъ слояхъ общества, онъ вездѣ оканчивается однимъ и тѣмъ-же, сливаясь въ общій крикъ берлинцевъ: „долой евреевъ!“ Я постараюсь поэтому формулировать еврейскій вопросъ въ самыхъ сжатыхъ и самыхъ ясныхъ выраженіяхъ: должны ли мы уже уйти? и куда?, или мы можемъ еще оставаться? и

какъ долго? Остановлюсь прежде всего на второмъ вопросѣ: можемъ ли мы надѣяться на лучшія вѣянія, набраться терпѣнія и съ Божьей помощью ждать, что цари и народы на землѣ смиростивятся надъ нами? Къ несчастью я долженъ отвѣтить, что нѣтъ никакой надежды. А почему? Да потому, что цари, если бы даже мы были близки ихъ сердцу, какъ и остальные граждане, не могутъ насъ защитить. Они только усилятъ ненависть къ евреямъ, если окажутъ послѣднимъ слишкомъ много предпочтенія, хотя бы подъ этимъ „слишкомъ“ нужно было разумѣть значительно меньшее, чѣмъ то, на что имѣетъ право всякій обыкновенный гражданинъ или всякій народъ.

Всѣ народы, у которыхъ живутъ евреи, явные или замаскированные антисемиты.

Обыкновенно толпа не имѣетъ никакого понятія объ историческомъ развитіи, да она и не можетъ имѣть его; она не знаетъ, что европейскія народности платятся теперь за грѣхи среднихъ вѣковъ, что мы теперь являемся тѣмъ, чѣмъ сдѣлало насъ „гетто“, что мы приобрѣли особенную способность къ денежнымъ операціямъ только потому, что насъ оттѣснили къ нимъ; она не знаетъ, что и теперь повторяется тоже самое, что насъ оттѣсняютъ къ денежнымъ операціямъ, или выражаясь спеціальнымъ терминомъ, опять толкаютъ на биржу, закрывая предъ нами всѣ другіе пути. Но наше присутствіе на биржѣ, наши торговые операціи опять таки служатъ мышенью для новыхъ нападокъ, новымъ источникомъ для ненависти. Къ тому же мы неумоимы и производимъ средній интеллигентный классъ, которому нѣтъ никакого исхода, и который поэтому является та-

кимъ же опаснымъ элементомъ для общества, какъ и возрастающіе капиталы. Образованные, но неимущіе, евреи теперь всѣ становятся въ ряды социализма, и социальная борьба во всякомъ случаѣ должна теперь отразиться на нашихъ же спинахъ, ибо мы какъ и въ социальномъ, такъ и въ капиталистическомъ лагерѣ занимаемъ очень видное мѣсто.

Новѣйшія попытки, предпріятыя для разрѣшенія еврейскаго вопроса.

Искусственные приемы, которые примѣнялись до сего времени для улучшенія и измѣненія несчастнаго и бѣдственнаго положенія евреевъ, были или незначительны, какъ напримѣръ, эмиграція и колонизація ихъ въ различныхъ странахъ, или ложно понимаемы, какъ напримѣръ, попытки превратить ихъ въ крестьянъ на поляхъ ихъ теперешней родины, т. е. въ мѣстахъ ихъ постоянного жительства. И чего мы въ самомъ дѣлѣ достигнемъ, если какой-нибудь тысячѣ евреевъ дадимъ другое положеніе, переведемъ въ другую страну? Либо эта тысяча погибнетъ, или, если она начнетъ процвѣтать, то во всей своей силѣ встанетъ антисемитизмъ со всѣми своими средствами. Къ тому же мы уже раньше говорили о всѣхъ этихъ попыткахъ, практиковавшихся и практикующихся еще до сихъ поръ, переселять бѣдныхъ евреевъ въ другія страны. Эмиграція во всякомъ разѣ неудовлетворительна и безцѣльна, если не прямо противна цѣли; и благодаря этимъ приемамъ разрѣшеніе интересующаго насъ вопроса только тормозится, затягивается и, можетъ быть, даже затрудняется.

Кто думаетъ и хочетъ превратить евреевъ въ земледѣльцевъ тотъ удивительнымъ образомъ заблуждается.

Крестьянство есть собственно историческая категория, въ чемъ легко и удобно можно убѣдиться изъ привычекъ и заботъ крестьянина, въ большинствѣ случаевъ однообразныхъ и старыхъ, и его земледѣльческихъ орудій. Тѣ и другія совершенно примитивны, ничѣмъ не отличаясь отъ привычекъ или земледѣльческихъ орудій его предковъ. Онъ пашетъ еще тѣмъ же плугомъ, онъ сѣетъ еще рукой, онъ коситъ еще допотопной косой и молотитъ допотопными цѣпами, не смотря на то, что для всего этого имѣются уже очень давно превосходныя земледѣльческія орудія и машины. Сельско-хозяйственный вопросъ есть въ тоже время и машинный вопросъ и на этомъ пути Америка, подобно крупному хозяину, пожирающему мелкаго, побѣдила Европу. Крестьянинъ такимъ образомъ на общемъ фонѣ вполне опредѣленная фигура. Если его искусственно оберегаютъ, то это совершается на счетъ политическихъ интересовъ, которымъ онъ призванъ служить. Если же создавать новыхъ крестьянъ по старому рецепту, то это только безумное и не выполнимое желаніе. Никто на столько не силенъ и не богатъ, чтобы насильственно отодвинуть назадъ ходъ культуры, и даже при всѣхъ могущественныхъ средствахъ самостоятельныхъ государствъ уже одна задержка культуры въ прежнемъ состояніи есть необыкновенная и необычайная задача. И вотъ, при такихъ то обстоятельствахъ, хотятъ еврея, интеллигентность котораго нельзя отрицать, принудить сдѣлаться крестьяниномъ стараго покроя. Это также возможно, какъ сказать еврею: вотъ тебѣ лукъ и отправляйся на войну! Какъ, вправѣ воскликнуть онъ, съ однимъ лукомъ отправляться на войну, когда другіе снабжены малокалиберными ружьями и крупновскими

пушками! Евреи, которыхъ хотять омужичить, вполне правы, если они при такихъ обстоятельствахъ не трогаются съ мѣста. Лукъ прелестное оружіе, но все таки ему мѣсто только въ музеѣ.

Существуютъ конечно страны, гдѣ ненавистные евреи приходятъ на полевые работы и могутъ ходить на заработки, занимаясь земледѣліемъ, но тутъ то и замѣчается главный антисемитизмъ, тутъ то и зарождается главный источникъ вражды и ненависти.

Міровые филантропы, заботящіеся о евреяхъ и посылающіе ихъ пахать землю, совершенно упускаютъ изъ виду мнѣніе послѣднихъ, а они, эти будущіе крестьяне, имѣющіе полное право высказать свое мнѣніе, могли бы очень многое сказать. Земельная подать, неурожаи, экономическій гнетъ крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ, работающихъ дешевле, а особенно американская конкуренція дѣлають жизнь крестьянина достаточно горькой. Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо имѣть въ виду и фабричнаго, или мастерового, котораго нельзя заставить голодать, оставляя безъ необходимаго хлѣба, ибо его политическое значеніе все возрастаетъ, и цѣны на зерно не могутъ безконечно увеличиваться. Всѣ эти затрудненія очень хорошо извѣстны всѣмъ, и я привожу ихъ здѣсь только потому, что хотѣлъ напомнить, какъ ничтожны попытки прежнія и попытки, предпринятыя въ настоящемъ съ извѣстной, въ большинствѣ случаевъ похвальной цѣлью, разрѣшить столь наболѣвшій и вполне назрѣвшій вопросъ. Ни эмиграція, ни искусственное омужиченіе духовно развитыхъ силъ нашему пролетариату помочь не можетъ, точно также какъ и чудное средство ассимиляціи, о которомъ я уже говорилъ выше.

Такимъ образомъ почти невозможно осилить антисемитизмъ; онъ не можетъ быть уничтоженъ, пока его основы не будутъ уничтожены, — а можно ли послѣднія уничтожить?

Основы антисемитизма.

Я не хочу здѣсь говорить о нравахъ и обычаяхъ, или о старыхъ предразсудкахъ и глупостяхъ, я хочу только коснуться политическихъ и имущественныхъ основъ. Нашъ теперешній антисемитизмъ ни въ коемъ случаѣ не должно смѣшивать съ ненавистью и враждой къ еврейской религіи, наблюдавшимися въ прежнія времена. Эта ненависть и вражда, основанныя на различіи исповѣданій, еще и до сихъ поръ наблюдаются въ единичныхъ странахъ. Другое дѣло то сильное движеніе, которое наблюдается теперь, — оно совершенно иного характера. Въ большихъ государствахъ, гдѣ антисемитизмъ главнымъ образомъ свилъ себѣ гнѣздо, онъ является слѣдствіемъ эмансипаціи евреевъ. Когда культурные народы, замѣтивши всю безчеловѣчность ограниченій, освободили насъ, послѣднее явилось уже слишкомъ поздно. Не будучи по закону эмансипированы въ тѣхъ странахъ, гдѣ мы жили, мы въ нашихъ „гетто“ превратились страннымъ и непонятнымъ образомъ въ какой-то средній классъ, явившись вмѣстѣ съ тѣмъ для всѣхъ остальныхъ сильными конкуррентами, внушающими ужасъ. Очутившись затѣмъ вдругъ, послѣ эмансипаціи, въ кругѣ буржуазіи, мы должны были выдержать давленіе съ двухъ сторонъ, съ внѣшней и внутренней. Наконецъ, вѣдь и нельзя узаконенное уже равноправіе, въ какомъ бы оно видѣ теперь не находилось, еще больше расширить, не только потому, что оно грѣшитъ противъ умѣрен-

ности, но также и потому, что тогда всѣ евреи, богатые и бѣдные тотчасъ раздѣлятся на различныя пагубныя партіи. Но, если посмотрѣть на обратную сторону медали, то, собственно, противъ насъ особенно существеннаго ничего нельзя сдѣлать. Вотъ въ прежнія времена у евреевъ поотнимали ихъ украшенія, брилльянты, золото и пр.; но какимъ образомъ теперь заполучить ихъ движимое имущество? Оно все въ бумажкахъ, блуждая по бѣлу свѣту, или, можетъ быть, схороненное въ христіанскихъ кассахъ. Правда можно цѣнность всѣхъ этихъ желѣзнодорожныхъ, банковыхъ и др. акцій, или бумагъ разныхъ строительныхъ обществъ и другихъ крупныхъ предпріятій легко побить пониженіемъ и, гдѣ окажется самое большее поступленіе доходовъ и налоговъ, тамъ сосредоточится и вся масса движимаго имущества. Но всѣ подобныя попытки могутъ отразиться не только на евреяхъ, но и на христіанахъ; гдѣ это уже испробовали, тамъ тотчасъ переживали очень тяжелые имущественные кризисы, ни коимъ образомъ не ограничивающіеся одними евреями, въ которыхъ главнымъ образомъ мѣтили; эти стрѣлы менѣе всего въ нихъ попадали, а слѣдствіемъ такой невозможности уничтожить еврея является то, что ненависть къ нему только увеличивается и растетъ. Антисемитизмъ въ сосѣдяхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и будетъ расти потому, что причины, вызывающія его, очень прочно усвоены народомъ и не могутъ быть поколеблены.

Отдаленная причина, или *causa remota* подобнаго порядка вещей есть отсутствіе въ средніе вѣка возможности ассимиляціи, ближайшая же причина всего этого, или *causa proxima* есть нашъ продуктивный излишекъ

средняго интеллигента, не имѣющаго никакого выхода ни внизъ, ни вверхъ, т. е. неимѣющаго собственно никакой здоровой возможности превратиться въ низшій классъ, или подняться въ высшіе слои общества. Бѣднѣя, мы образуемъ пролетаріатъ и создаемъ разрушителей, т. е. низшій персоналъ руководителей разныхъ революціонныхъ партій, а одновременно съ этимъ сверху увеличивается наша денежная сила, которая опять таки внушаетъ страхъ.

Вліяніе антисемитизма.

Гнетъ, въ которомъ мы находимся, не дѣлаетъ насъ лучшими. Мы кажется ничѣмъ не отличаемся отъ другихъ людей, хотя правда не любимъ своихъ враговъ и притѣснителей,—это совершенно вѣрно; но только тотъ намъ можетъ это поставить въ вину, только тотъ насъ можетъ въ этомъ укорять, кто самъ остается побѣдителемъ въ подобной борьбѣ чувствъ. Этотъ гнетъ естественно вызываетъ въ насъ ненависть, враждебное отношеніе къ нашимъ притѣснителямъ, что съ своей стороны снова вызываетъ гнетъ, притѣсненія, и, не будучи въ состояніи выйти изъ этого круговорота, мы вертимся какъ бѣлка въ колесѣ.

„Все таки, скажутъ мягкосердечные фанатики, этого всего можно достигнуть при помощи всеобщей любви“.

Нужно ли мнѣ еще въ самомъ дѣлѣ доказывать, что это за сентиментальная болтовня? Кто хочетъ, при теперешней борьбѣ за существованіе, создать улучшенное состояніе только во имя всеобщей любви людей, тотъ по меньшей мѣрѣ утопистъ. Не отрицая, конечно, всего блага идеи всеобщей любви, я не могу однако не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что всеобщая любовь

возможна только при свѣтопреставленіи; что же касается ассимиляціи, то, поговоривши уже о ней выше, я все таки ни на одно мгновенье не соглашусь сказать, что желалъ бы ее. Наше своеобразное Я достаточно извѣстно и опредѣленно, и вопреки всѣмъ униженіямъ слишкомъ высоко, чтобы желать его гибели, его уничтоженія. Но, можетъ быть, мы могли бы повсюду среди народовъ, насъ окружающихъ, незамѣтно разростись, или, напротивъ, разсѣявшись, не оставить послѣ себя и слѣда, если бы намъ только въ теченіи двухъ поколѣній дали полный покой. Но насъ не оставляютъ, а напротивъ каждый разъ черезъ короткіе промежутки времени изъ-за терпимости къ намъ возникаетъ все большая и большая вражда. Наше благополучіе, кажется, заключаетъ въ себѣ нѣчто раздражающее, ибо свѣтъ уже въ теченіи многихъ вѣковъ привыкъ видѣть въ насъ самыхъ жалкихъ бѣдняковъ, среди остальныхъ, не желая при этомъ по своему ли незнанію, или изъ-за злого характера понять, что наше благополучіе ослабляетъ насъ, а наша отчужденность уничтожаетъ. Только гнеть приводитъ насъ къ прежнему состоянію, только ненависть нашихъ сосѣдей заставляетъ насъ чуждаться ихъ, только притѣсненія побуждаютъ насъ *volens—nolens* составлять ту историческую группу, которую такъ легко узнать по роковымъ ея признакамъ. Мы — особый народъ, но быть такимъ заставляютъ насъ обстоятельства; мы составляемъ государство въ государствѣ, но къ этому насъ побуждаютъ; врагъ дѣлаетъ насъ такимъ противъ нашего желанія, и это мы наблюдаемъ сплошь и рядомъ въ исторіи. Въ несчастьи мы сплываемся и неожиданно обнаруживаемъ нашу силу. Да, у насъ есть эта сила,

чтобы создать государство, и, чего доброго, даже образцовое! Мы имѣемъ всѣ физическія и матеріальныя средства, необходимыя для подобнаго дѣла, но прежде чѣмъ поговорить объ этомъ подробно, прежде чѣмъ коснуться нашихъ умственныхъ дѣятелей, нашего духовнаго матеріала, не лучше ли было бы познакомиться съ главными пунктами плана, по которому все это создается.

Планъ.

Всякій планъ въ своемъ основномъ видѣ прежде всего долженъ быть простъ, иначе онъ не будетъ удобопонятнымъ всякому, знакомящемуся съ нимъ. Нашъ планъ въ сущности таковъ: если-бы намъ дали достаточную территорію на началахъ сюзеренства для нашей справедливой необходимости, предоставивъ обо всемъ остальномъ позаботиться уже намъ самимъ, то все создалось бы само собой. Возникновеніе новаго сюзеренства не смѣшно и не невозможно; вѣдь на нашихъ же глазахъ создавалось подобное, мы это переживали и наблюдали даже у народовъ, менѣе зажиточныхъ, менѣе образованныхъ, и къ тому же значительно слабѣе. Этимъ вопросомъ могли бы заняться правительства тѣхъ странъ, которыя свободны отъ антисемитизма.

Чтобы исполнить эту задачу, очень простую въ принципѣ, необходимо создать два общества: Союзъ изъ евреевъ и Еврейское Общество. Союзъ долженъ быть органомъ созидательнымъ, а Общество-органомъ исполнительнымъ. Общество могло бы завѣдывать ликвидаціей дѣлъ лицъ, эмигрирующихъ изъ какихъ-нибудь странъ, а съ другой стороны оно могло бы организовать на мѣстахъ новаго поселенія необходимый движимый и недвижимый

инвентарь, не допуская однако эмиграции евреевъ быть сплошной и быстрой. Нѣтъ! эмиграція должна совершаться медленно и продолжаться десятки лѣтъ, имѣя своими піонерами сначала самыхъ бѣдныхъ, строящихъ по заранѣе обдуманному плану города, улицы, мосты, желѣзныя дороги, телеграфы, регулирующихъ пути и, наконецъ, заботящихся о собственныхъ домахъ въ городахъ, которые они избрали бы своимъ постояннымъ мѣстомъ пребыванія, обрабатывая эту страну.

Ихъ работа создала бы спросъ и предложеніе, эти вызвали бы къ жизни рынки, а послѣдніе привлекли бы новыхъ поселенцевъ, при чемъ каждый являлся бы туда добровольно, на собственный рискъ и издержки. Трудъ, который тратился бы на обработку земли, поднималъ бы цѣнность страны. Евреи быстро поняли бы, что для ихъ предприимчивости, которую до сихъ поръ такъ ненавидятъ и позорятъ, открылась бы новая сфера дѣятельности, открылись бы новыя владѣнія. Но если хотятъ создать государство, то переселять необходимо не en masse, что вѣками и тысячелѣтіями считалось единственно возможнымъ. Странно и неразумно возвращаться къ старой культурѣ, о чемъ мечтаютъ нѣкоторые сіонисты. Если бы намъ, напримѣръ, пришлось очистить страну, въ которой кишатъ дикіе звѣри, развѣ мы поступали бы такъ, какъ поступалъ европеецъ въ пятомъ столѣтіи. Мы не вышли бы на медвѣдя въ одиночку съ однимъ копьемъ и мечомъ, но, устроивши правильную облаву, чтобы загнать звѣря въ одно мѣсто, послали бы ему мелинитовую бомбу. Или, если бы мы захотѣли что-нибудь построить, развѣ мы дѣлали бы такъ, какъ дѣлали раньше? Мы строили бы смѣлѣе и

изящнѣе, чѣмъ это дѣлали раньше, такъ какъ у насъ имѣются всѣ средства, о которыхъ въ пятомъ, примѣрно, столѣтіи даже и не мечтали.

Когда все такимъ образомъ, благодаря нашему бѣдному классу, было бы готово, средній болѣе зажиточный и имущественный классъ, пошелъ бы на смѣну во главѣ съ среднимъ интеллигентомъ, имѣющимся у насъ въ большомъ избыткѣ. Итакъ пусть вопросъ о переселеніи евреевъ будетъ поставленъ на очередь и пусть каждый выскажется, но это ничуть не значитъ, что должно произойти разногласіе, такъ какъ въ этомъ случаѣ все дѣло можетъ погибнуть. Кто не согласенъ, тотъ можетъ остаться, равно какъ и безразличны возраженія отдѣльныхъ личностей; кто же согласенъ, тотъ пусть станетъ подъ наше знамя, содѣйствуя успѣху дѣла словомъ и дѣломъ. Евреи, согласившіеся и присоединившіеся къ нашей идеѣ о государствѣ, составятъ Еврейскій Союзъ, который получитъ уполномочія и первенство въ правленіи и сможетъ говорить и дѣйствовать отъ имени евреевъ. Онъ составитъ какъ бы зерно государства и тѣмъ самымъ государство уже будетъ основано, а разъ остальные государства окажутся на столько подготовленными, чтобы отдать евреямъ въ сюзеренство какую-нибудь нейтральную страну, то о принятіи этой страны и ея устройствѣ опять таки позаботился бы Союзъ.

На мысль въ данномъ случаѣ приходятъ двѣ территоріи, достойныя вниманія, Аргентина и Палестина, на которыхъ остановились еще раньше колонизаціонныя попытки, но такъ какъ при колонизаціи господствовалъ принципъ выбора поселенцевъ, при которомъ немедленно обнаруживался рядъ притѣсненій, ужасавшій многихъ

эмигрантовъ и отклонявшій ихъ отъ переселенія, останавливая такимъ образомъ дальнѣйшій притокъ евреевъ,—то и попытки эти всегда кончались неудачно. Только въ томъ случаѣ эмиграціи имѣеть и будетъ имѣть свой *raison d'être*, когда въ основѣ будетъ надежная верховная власть.

А тѣмъ временемъ, пока уставъ для этого Еврейскаго Союза будетъ вырабатываться нашими теперешними государственными властями и пока эти послѣднія уяснятъ себѣ суть дѣла, Союзъ сможетъ находиться подъ покровительствомъ европейскихъ государствъ. Мы могли бы поручиться нынѣшнимъ правительствамъ за огромныя выгоды, мы могли бы взять на себя часть ихъ государственныхъ долговъ, заключить торговые договоры, которые намъ самимъ также очень нужны и т. п. Отъ возникновенія такого государства сосѣди могли бы только выиграть, ибо какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ государствѣ, культура всегда увеличиваетъ значеніе сношеній.

Палестина или Аргентина?

Куда идти въ Палестину или въ Аргентину? Союзъ Еврейскій будетъ благодаренъ за всякій клочекъ земли, который ему дадутъ, лишь бы только мнѣнія и мысли евреевъ могли бы тамъ свободно и безпрепятственно высказываться и созрѣвать. Аргентина одна изъ естественныхъ богатѣйшихъ странъ, огромнѣйшая равнина съ незначительнымъ населеніемъ и умѣреннымъ климатомъ, болѣе всего, конечно, подходитъ для нашихъ цѣлей. Аргентинская республика должна быть очень заинтересована въ томъ, чтобы уступить намъ часть своихъ обширныхъ территорій. Правда теперешнее переселеніе

евреевъ произвело тамъ свое неудовольствіе, но нужно объяснить аргентинскому правительству существенную разницу теперешней эмиграціи отъ предполагаемой.

Что-же касается Палестины, этой нашей незабвенной исторической родины, то одно имя ея уже имѣетъ само по себѣ большое значеніе для еврейскаго народа вообще и для эмиграціи и колонизаціи въ частности. Если бы турецкій султанъ захотѣлъ отдать намъ Палестину, то мы могли бы обязаться привести финансы Турціи въ полный порядокъ. Для Европы же мы образовали бы тамъ нѣчто въ родѣ оплота, преграды противъ Азіи, мы заботились бы о распространеніи культуры среди невѣжественныхъ народовъ Азіи. Оставаясь вмѣстѣ съ тѣмъ со всѣми государствами Европы въ союзѣ въ качествѣ нейтральнаго государства,—мы такимъ образомъ были бы гарантированы за наше существованіе. Что же касается священныхъ для христіанъ городовъ, то, будучи изолированы, они въ насъ могли бы только найти почетную стражу, которая своимъ существованіемъ ручается за исполненіе своего обѣщанія. Эта почетная стража была бы великимъ символомъ рѣшенія еврейскаго вопроса, послѣ восемнадцати столѣтій, полныхъ мученій, страданій и притѣсненій.

Потребности и торгово-промышленныя учрежденія.

Въ предъидущей главѣ я сказалъ, что „Еврейское Общество организуетъ въ новой странѣ торговыя сношенія“. Теперь я думаю сдѣлать нѣкоторыя поясненія, ибо подобная фраза, брошенная вскользь, можетъ быть уничтожена или по крайней мѣрѣ поколеблена въ своей основѣ, если практики-комерсанты и финансисты выскажутся

противъ нея. А между тѣмъ, практическіе люди будучи очень узкими рутинерами и совсѣмъ не способные выйти изъ своего узкаго круга старыхъ понятій, своими возраженіями очень сильно могутъ повредить всякому новшеству, по крайней мѣрѣ на столько, что пока оно еще не окрѣпло, рутинеры съ ихъ дряхлыми понятіями могутъ его погубить. уничтожить.

Когда желѣзная дорога появилась въ Европѣ, нашлись люди, признававшіе нѣкоторые пути нелѣпыми потому де, что и „почтовая карета“ тамъ никогда не имѣла достаточнаго количества пассажировъ. Не знали еще тогда той истины, которая для насъ теперь такъ понятна безъ всякихъ поясненій, а именно, что не путешествующіе вызываютъ къ жизни желѣзную дорогу, а, напротивъ, желѣзная дорога создаетъ путешествующихъ, и, конечно, дремавшая дотолѣ потребность должна была очнуться.

Къ категоріи подобныхъ желѣзнодорожныхъ практиковъ и ихъ разсужденій нужно отнести и то, что нѣкоторые не могутъ себѣ представить, какъ это въ новой странѣ, которую надо будетъ только добывать и культивировать, пришельцами смогутъ быть созданы торговля сношенія. Практическій человѣкъ при этомъ долженъ былъ бы приблизительно такъ выразиться: „Допустимъ, что теперешнее положеніе евреевъ во многихъ мѣстахъ невозможно, и съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже; допустимъ дальше, что можетъ возникнуть страсть къ переселенію; допустимъ также, что евреи уже перекочевали въ новую страну,—изъ какихъ же источниковъ они будутъ тамъ черпать свои заработки? на какія средства они будутъ жить? не могутъ же искусственно въ

одинъ день быть созданы сношенія между цѣлыми мас-сами!“ И я могу на это только отвѣтить, что объ учрежденіи искусственныхъ торговыхъ сношеній не можетъ быть и рѣчи, и тѣмъ менѣе еще въ одинъ день. Но если даже мы не сможемъ урегулировать эти сношенія, то все таки можно ихъ поощрять. Какимъ образомъ? При помощи торгово-промышленныхъ учреждений, завѣдующихъ спеціально потребностями населенія. Разъ потребности существуютъ, онѣ непременно должны вызвать къ жизни и учрежденія, которыя завѣдывали бы ими, а этимъ самымъ создается и обмѣнъ, создадутся сами собой и торговые сношенія.

Если потребность въ лучшихъ условіяхъ для евреевъ насущна, если предполагаемое учрежденіе къ удовлетворенію подобной потребности, т. е. Еврейское Общество, достаточно необходимо, то и торговые сношенія въ новой странѣ должны быть создаваемы и производимы въ изобиліи. Конечно, это дѣло будущаго, какъ и развитіе желѣзнодорожныхъ сношеній было дѣломъ будущаго для лицъ тридцатыхъ годовъ. но тѣмъ не менѣе желѣзные дороги строились, и слава Богу, что не обратили вниманія на разсужденія различныхъ критиковъ, мнящихъ себя очень умными и знающими людьми, иначе мы еще надолго были бы лишены тѣхъ удобствъ и выгодъ, которыя связаны съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ.

ЕВРЕЙСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Цѣль еврейскаго общества.

Еврейское Общество слѣдуетъ отчасти разсматривать, если позволено будетъ такъ выразиться, какъ боль-

шое благотворительное предпріятіе, которое, неограничиваясь одними только задачами колонизаціи, не имѣетъ однако прерогативъ высшей власти, предоставленной исключительно Еврейскому Союзу, о которомъ я говорю впоследствии. Будучи собственно основано, какъ акціонерное учрежденіе, по образцу англійскихъ, наше Общество можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняться и законамъ Англіи, и быть подъ ея покровительствомъ. Какъ великъ долженъ быть акціонерный капиталъ, я теперь не въ состояніи сказать. Впрочемъ, объ этомъ могутъ подумать и вычислить наши опытные финансисты; но чтобъ выразиться опредѣленнѣе, я обозначу его въ одинъ милліардъ марокъ (500.000.000 рублей), хотя можетъ статься въ дѣйствительности понадобится меньше или больше, что вполне будетъ зависѣть отъ финансовыхъ источниковъ Общества. Тогда же опредѣлится, какую сумму надо будетъ внести каждому наличными деньгами при его открытіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ нужно всегда помнить, что Общество есть только временное учрежденіе. Будучи чисто коммерческимъ предпріятіемъ и рѣзко отличаясь отъ Еврейскаго Союза, оно прежде всего должно позаботиться о ликвидаціи недвижимости эмигрирующихъ евреевъ. При этомъ способы ликвидированія, которые будутъ примѣняться, вполне гарантируютъ отъ кризиса, обеспечиваятъ каждому его собственность и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ тому переселенію христіанъ-гражданъ, о которомъ я уже говорилъ.

Недвижимость.

Подъ словомъ недвижимость я разумѣю дома, имѣнія и мѣстныя торговые учрежденія. Еврейское Обще-

ство, заботясь о реализаціи недвижимостей, прежде всего познакомится со способами продажи ихъ, а затѣмъ начнетъ производить и самую реализацію, которая на первыхъ порахъ будетъ, конечно, довольно легка и безубыточна. Но при расширеніи дѣятельности Общества можетъ случиться, что цѣны упадутъ, и въ концѣ концовъ реализація затормозится. Тогда Общество выступитъ въ качествѣ посредниковъ и, съ одной стороны, сдѣлается управителемъ оставленныхъ недвижимостей, а, съ другой стороны, станетъ выжидать удобнаго момента для продажи. Оно будетъ взимать наемную плату за квартиры, отдавать въ аренду имѣнія и назначать управляющихъ въ торговые предпріятія, а если возможно, или необходимо, то сдавать ихъ въ аренду; при этомъ Общество повсюду старается облегчать и давать возможность этимъ арендаторамъ-христіанамъ пріобрѣтать въ собственность арендуемое. Затѣмъ оно постепенно замѣняетъ своихъ служащихъ въ еврейскихъ учрежденіяхъ христіанскими чиновниками и лицами свободныхъ профессій (адвокатами и пр.), опять таки исключительно изъ христіанъ, безъ того однако, чтобы эти послѣдніе были какъ-бы служащими у евреевъ. Они, такъ сказать, будутъ отдавать только отчетъ христіанскимъ жителямъ и свидѣтельствовать, о томъ, что все ведется правильно, честно, добросовѣстно и что ничто не угрожаетъ благосостоянію населенія. Одновременно съ этимъ Еврейское Общество покупаетъ или вѣрнѣе обмѣниваетъ также имущества, устроенныя „на новосѣлѣ“ если только возможно, какъ они были „на старосѣлѣ“: за домъ, напримѣръ, отдавая домъ, за имѣніе имѣніе же. Въ этомъ обмѣнѣ для Общества открывается обширное

поле для извлеченія вполне правильныхъ и разрѣшенныхъ громадныхъ выгодъ, ибо, отдавая, напримѣръ, „на новосѣлѣ“ новый красивый домъ со всѣми удобствами, построенный по послѣднимъ требованіямъ гигиены, или отличныя имѣнія за извѣстную плату, оно выгадываетъ потому, что ему самому все это стоитъ значительно дешевле, и потому, что землю оно приобрѣло очень дешево

Покупка земли.

Какъ Еврейскій Союзъ можетъ въ силу междуна-
роднаго права рассчитывать на извѣстную территорію,
такъ оно можетъ естественно приобретать ее и на пра-
вахъ частной собственности. Но въ данномъ случаѣ не
идутъ въ счетъ приготовленія къ поселенію единичныхъ
личностей. Обществу нужны большія территоріи для на-
шихъ надобностей и своихъ собственныхъ, и оно обез-
печить себя необходимой землей, скупивши главнымъ
образомъ земельныя территоріи изъ числа теперешнихъ
государственныхъ имуществъ. Цѣль этого конечно та,
чтобы воспрепятствовать „на новосѣлѣ“ искусственному
повышенію земельной цѣнности; равно и „на старосѣлѣ“
недвижимости будутъ продаваться на льготныхъ усло-
віяхъ, чтобы, напротивъ, способствовать болѣе скорой
реализаціи ея. Разъ Общество руководитъ поселеніемъ,
то ему нѣтъ надобности заботиться о разорительномъ и
безплодномъ увеличеніи земельной цѣнности, которая и
безъ того увеличится, правда при согласіи надзирающаго
за всѣмъ Еврейскаго Союза, заботящагося и о томъ,
чтобы съ этимъ предпріятіемъ не повторилась панамская
исторія.

Общество отведетъ своимъ служащимъ, на льгот-

ныхъ условіяхъ, землю для постройки на ней хорошихъ домовъ, разрѣшивъ имъ для этого кредитъ съ постепеннымъ погашеніемъ долга, который будетъ покрываться или вычетомъ изъ ихъ жалованія или тѣми суммами, которыя должны были набавляться къ жалованію. Кромѣ уваженія, которое ихъ ожидаетъ, это будетъ въ нѣкоторомъ родѣ вознагражденіемъ за ихъ честную и усердную службу.

Что же касается всей огромной выгоды отъ этой земельной спекуляціи, то, по моему мнѣнію, она должна всецѣло быть предоставлена Обществу, ибо послѣднее за свой рискъ, какъ и всякій свободный предприниматель имѣетъ право съ своей стороны на извѣстную выгоду, ибо участниковъ рискованныхъ предпріятій слѣдуетъ вознаграждать; но въ нашемъ дѣлѣ рискъ только терпимъ. Во взаимномъ соотношеніи риска съ выгодой заключается финансовая нравственность.

Постройки.

Итакъ, Общество будетъ обмѣнивать дома и имѣнія, причемъ непремѣнно должно выгадывать на землѣ. Это каждому понятно, кто гдѣ-либо или когда-либо наблюдалъ повышеніе цѣнности земли благодаря культурной обработкѣ ея. Самымъ лучшимъ и нагляднымъ образомъ это можно прослѣдить на чрезполосномъ владѣніи, т. е. на землѣ включенной въ другую, въ городахъ и деревняхъ. Необработанная равнина поднимается въ цѣнѣ, по мѣрѣ культурной обработки, которой она подверглась. Подобной гениальной земельной спекуляціей является „Парижское общество увеличенія городовъ“, которое, скупая смежные куски земли, застраивало ихъ внѣшній

кругъ, начиная не съ крайняго ряда городскихъ домовъ, а съ противоположной стороны купленной земли. Благодаря такому обратному ходу построекъ, неимоვნно быстро росла и земельная цѣнность небольшихъ домовыхъ участковъ; такъ что вмѣсто того, чтобы прекращать работу по мѣрѣ того, какъ они заканчивали кругъ своихъ построекъ, они снова начинали строить, но тогда уже ихъ постройки оказывались въ центрѣ города, т. е. на дорогахъ участкахъ.

На вопросъ же, будетъ ли Общество само строить или поручить это свободнымъ архитекторамъ, не трудно отвѣтить, что оно можетъ сдѣлать и то и другое, и конечно сдѣлаетъ, такъ какъ въ его распоряженіи будетъ. неимоვნный запасъ рабочихъ силъ, поставленныхъ въ счастливыя и удобныя условія жизни, такъ что имъ не придется платить арендной платы или какой-нибудь другой. О строительномъ же матеріалѣ позаботятся уже наши геологи, когда будутъ выбирать землю для постройки городовъ. Итакъ, какой будетъ принципъ при постройкахъ?

Помѣщенія для рабочихъ.

Помѣщенія для рабочихъ, подъ которыми я разумѣю жилища для всякаго рода ремесленниковъ, должны быть построены собственными силами. Я отнюдь не думаю о тѣхъ мрачныхъ рабочихъ казармахъ, которыя мы встрѣчаемъ въ европейскихъ городахъ, равно какъ и о жалкихъ хижинахъ, окружающихъ повсюду фабрики. Наши помѣщенія для рабочихъ должны быть правда тоже однообразны, ибо Общество должно заботиться о томъ, чтобъ постройки эти обошлись какъ можно де-

шевле, разъ имъ предстоитъ производить ихъ въ большомъ количествѣ, но эти отдѣльные домики, съ ихъ садиками кругомъ, будутъ въ каждомъ мѣстѣ объединены въ красивую группу. Естественныя красоты мѣстности воодушевятъ свободный духъ нашихъ молодыхъ архитекторовъ, не пропитанныхъ старой рутиной, и народъ нашъ, если даже не пойметъ всего величія нашего предприятия, будетъ по крайней мѣрѣ легко и свободно себя чувствовать въ этой милой и пріятной обстановкѣ. Храмъ будетъ выдѣляться, на общемъ фонѣ, далеко кругомъ, подобно тому, какъ въ тяжелую годину наша старая вѣра ярко выдѣлялась, соединяя насъ воедино и сохраняя насъ; кругомъ же будутъ высокія, свѣтлыя и здоровыя школы со всѣми новѣйшими пособіями для нашихъ дѣтей. А тамъ дальше—общеобразовательныя школы съ ремесленными классами, которыя приучатъ простыхъ ремесленниковъ къ извѣстнымъ специальностямъ, дадутъ имъ возможность приобрѣтать техническія знанія и ближе познакомиться съ машинами; а еще дальше мѣста—для разумнаго развлечения народа, о которомъ Еврейскій Союзъ долженъ будетъ позаботиться, охраняя его нравственность; впрочемъ, теперь слѣдуетъ говорить только о постройкахъ, а не о томъ, что въ нихъ будетъ происходить.

Итакъ, я говорю, что помѣщенія для рабочихъ не будутъ дорого стоить не только потому, что всѣ строительные матеріалы имѣются здѣсь въ огромномъ количествѣ, не только потому, что земля, на которой будутъ производиться постройки, принадлежитъ Обществу, но и потому, что ему не нужно будетъ платить рабочимъ за работу.

Чернорабочіе.

Наши чернорабочіе, которые прежде всего придуть изъ Румыніи и Россіи, должны себѣ строить свои дома на подобномъ же основаніи; но такъ какъ у насъ на первыхъ порахъ не будетъ желѣза, то намъ придется строить изъ дерева. Впослѣдствіи это все измѣнится, и необходимыя постройки, возведенныя на первыхъ порахъ, замѣнятся новыми, лучшими. Заранѣе конечно познакомившись съ тѣмъ, какъ надо строить, наши чернорабочіе сами себѣ построятъ свои будущія жилища, которыя перейдутъ въ ихъ собственность, если не тотчасъ, то во всякомъ разѣ впослѣдствіи, въ награду за то, что они въ теченіе трехъ лѣтъ были примѣрнаго поведенія. Такимъ образомъ мы создадимъ себѣ ревностныхъ людей, способныхъ и знающихъ свое дѣло, ибо человѣкъ, который работалъ въ теченіе трехъ лѣтъ при хорошей дисциплинѣ, навѣрно способенъ къ трудовой жизни.

Раньше я сказалъ, что Общество этимъ чернорабочимъ не заплатитъ за работу. Съ чего же они въ такомъ случаѣ будутъ жить? Хотя я и противъ подобной системы, однако я думаю, что при первой раздачѣ земельныхъ участковъ слѣдуетъ еще употребить ее, ибо Общество, заботясь столько о новопоселенцахъ, не откажется, на первое время, и объ ихъ продовольствованіи. Подобная система главнымъ образомъ должна существовать въ первые годы и будетъ для рабочихъ въ нѣкоторомъ родѣ благодѣяніемъ, такъ какъ она помѣшаетъ увеличенію арендаторовъ изъ числа мелкихъ торговцевъ, хозяевъ и т. п. Общество вмѣстѣ съ тѣмъ уничтожитъ возможность заниматься разноскою товара по домамъ, какъ это прак-

тиковалось раньше, исключительно вследствие исторических обстоятельств. Общество опять—таки позаботится о пьяницах и безпутныхъ. Какимъ же образомъ можетъ быть на первое время еще вознагражденіе за трудъ? Вѣдь это все уже чрезмѣрная плата!

Рабочія организаціи.

Помощь рабочимъ, какъ она существуетъ теперь въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи, Англіи, Швейцаріи и Америки, есть нѣчто жалкое, мизерное, между тѣмъ какъ изъ него можно было бы сдѣлать дѣйствительно грандіозное. Въ чемъ состоитъ собственно принципъ вспомошествованія черезъ доставку работы, принципъ Общества „Assistance par le travail“ въ Парижѣ? Онъ состоитъ въ томъ, чтобы каждому нуждающемуся чернорабочему дать легкую работу, не требующую особенныхъ знаній; такъ напримѣръ, пилить дрова, собирать хворостъ, при помощи котораго въ парижскихъ хозяйствахъ раскладывается огонь. Это какъ бы своего рода тюремная работа, но только до совершенія преступленія и не влекущая за собою безчестія. Никому поэтому не слѣдуетъ прибѣгать къ преступленію изъ-за нужды, если онъ хочетъ работать, никому не нужно лишать себя жизни изъ-за голода. Послѣднее есть самое позорное пятно для культурной страны, гдѣ со стола богатыхъ бросаютъ даже собакамъ самые вкусные куски.

Итакъ, рабочія организаціи даютъ всѣмъ работу. Но имѣютъ ли они возможность сбывать продукты этой работы? Нѣтъ. По крайней мѣрѣ не вполне. Вотъ причина постоянной нужды существующихъ организацій, вотъ почему онѣ постоянно работаютъ себѣ въ убытокъ.

Во всякомъ разѣ они подготовлены къ этимъ убыткамъ, ибо у нихъ имѣются спеціальныя суммы, составляющіяся изъ взносовъ, которые и покрываютъ разницу между стоимостью данной работы и продажной платой. Въсто того, чтобы нищему дать два су (одну копѣйку) они лучше даютъ ему какую-нибудь работу, на которой теряютъ эти два су. Что же касается несчастнаго нищаго, обратившагося въ интеллигентнаго рабочаго то онъ заработаетъ теперь одинъ франкъ 50 сантимовъ (60 коп.). За 10 сантимовъ—150! Это значитъ приличную и разумную благотворительность увеличить въ пятнадцать разъ. Это значитъ изъ одного милліарда сдѣлать пятнадцать милліардовъ.

Но въ то время какъ рабочія организаціи, безъ сомнѣнія, теряютъ эти десять сантимовъ, Еврейское Общество не потеряетъ этихъ милліардовъ, но напротивъ извлечетъ колоссальныя выгоды, такъ какъ оно имѣетъ возможность вполнѣ сбывать продукты трудовъ этихъ рабочихъ. Къ тому же присоединяется моральная сторона дѣла. Уже теперь мы наблюдаемъ, что существующія небольшія рабочія организаціи поднимаютъ и исправляютъ нравственность рабочаго, пока онъ, свободный или лишенный работы, ищетъ себѣ новой или какого-нибудь другого занятія. Ежедневно послѣ работы предоставляется ему нѣсколько часовъ для пріискиванія постоянной, и въ этомъ дѣлѣ рабочія организаціи съ своей стороны помогаютъ ему, являясь посредникомъ. Весь недостатокъ однако теперешнихъ маленькихъ организацій состоитъ въ томъ, что онѣ конкурируютъ съ торговцами лѣсомъ и др., которые поднимаютъ вполнѣ справедливо крикъ. Эта конкуренція ни въ коемъ случаѣ не должна быть терпима,

равно какъ не слѣдуетъ конкурировать и съ работами въ мѣстахъ заключенія, такъ какъ государство должно вѣдь заботиться о своихъ преступникахъ и давать имъ какую—нибудь работу. Впрочемъ, въ старомъ обществѣ вообще трудно установить рамки дѣятельности для подобныхъ рабочихъ организацій, но въ нашемъ новомъ—это вполне возможно. При нашихъ первыхъ земельныхъ работахъ, при устройствѣ улицъ, разсадкѣ растительности, обработкѣ земли, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ и телеграфовъ и пр., которые будутъ совершаться по правильному и твердо установленному плану, съ перваго же момента работы необходимо будетъ огромное число рабочихъ рукъ, такъ что некому будетъ, да и не для чего будетъ, конкурировать.

Семичасовой рабочій день.

Обыкновеннымъ рабочимъ днемъ считается семичасовой. Но это не значить, что ежедневно только въ продолженіе 7 часовъ будутъ рубить деревья, копать землю, возить камень и производить всякія другія работы. Нѣтъ, работа будетъ производиться въ теченіе 14 часовъ, но рабочія группы будутъ смѣнять другъ друга черезъ каждые $3\frac{1}{2}$ часа. Организациія будетъ совсѣмъ военная: съ чинами, повышеніями и пенсіями. Откуда возьмуться средства для пенсій, изложено ниже.

Въ продолженіе $3\frac{1}{2}$ часовъ, безъ перерыва, здоровый человѣкъ можетъ работать усиленно. Послѣ перерыва въ $3\frac{1}{2}$ часа, посвященнаго отдыху, семьѣ, дальнѣйшему образованію (о которомъ будутъ заботиться), онъ опять вполне бодръ. Такія рабочія силы могутъ совершать чудеса.

Семичасовой рабочій день! Онъ даетъ возможность

работать въ общемъ 14 часовъ — больше и невозможно требовать за день.

Намъ нуженъ семичасовой рабочій день какъ всемірный лозунгъ для собиранія нашихъ людей, которые вѣдь по собственной волѣ должны приходить къ намъ. Это должна быть въ самомъ дѣлѣ обѣтованная страна.

Тотъ, кто работаетъ болѣе 7 часовъ, получаетъ за добавочные часы и добавочное вознагражденіе въ деньгахъ. Такъ какъ всѣ его потребности удовлетворены, а о неспособныхъ къ труду членахъ его семьи заботятся тѣ филантропическія учрежденія, которыя туда переселились, то онъ можетъ и скопить себѣ кой-что. Мы хотимъ поощрять и безъ того присущую нашимъ соплеменникамъ склонность къ сбереганію, такъ какъ этимъ облегчается повышеніе рабочаго въ высшіе слои общества, и такъ какъ мы такимъ образомъ приготовимъ себѣ громадный запасный капиталъ для будущихъ займовъ.

Работа сверхъ положенныхъ 7 часовъ не должна продолжаться долѣе 3 часовъ, и то только послѣ медицинскаго осмотра рабочаго. Въ новой обстановкѣ наши соплеменники набросятся на работу, и тогда только міръ увидитъ, какой мы работающій народъ.

Какъ будетъ организована Trucksystem у поселенцевъ я теперь такъ же мало распространяюсь, какъ и о безчисленныхъ другихъ подробностяхъ, для того, чтобы не запутать въ мелочахъ. Женщины вообще не будутъ допускаться къ тяжелой работѣ и не должны работать сверхъ нормальнаго времени.

Беременные женщины освобождаются отъ всякой работы, и ихъ питаніе должно быть лучше обыкновеннаго. Ибо въ будущемъ намъ необходимы здоровыя поколѣнія.

Дѣти воспитываются съ самаго начала такъ, какъ мы желаемъ. Объ этомъ я теперь не стану распространяться.

То, что я говорилъ сейчасъ, начавъ съ рабочихъ жилищъ, о чернорабочихъ и ихъ образѣ жизни, такъ же мало утопія, какъ и все остальное. Все это встрѣчается и въ дѣйствительности, только въ безконечно малыхъ размѣрахъ, незамѣченнымъ, непонятымъ. Для рѣшенія еврейскаго вопроса большія услуги оказала мнѣ „Assistance par le travail“, съ которой я познакомился и которую научился понимать когда былъ въ Парижѣ.

Р ы н к и.

Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ мы начнемъ въ новой странѣ наши работы, мы одновременно съ этимъ вызываемъ къ жизни и рынки; при чемъ въ началѣ конечно будетъ спросъ только на необходимые житейскіе продукты, какъ на примѣръ: скоть, хлѣбъ, рабочее платье, инструменты, оружіе, которое придется покупать въ сосѣднихъ странахъ или въ Европѣ, а тамъ постараемся, по возможности скорѣе, самимъ это вырабатывать. Еврейскіе предприниматели и промышленники только диву дадутся отъ тѣхъ надеждъ и оборотовъ, которые тамъ откроются имъ. Вслѣдъ за тѣмъ постепенно будутъ проявляться болѣе утонченныя потребности чиновниковъ, на примѣръ, или служащихъ у Общества, къ которымъ отношу также и офицеровъ милиціи, составляющей десятую долю всего мужского населенія и необходимой противъ бунтовщиковъ и негодныхъ людей. хотя нужно надѣяться, что всѣ, или большинство по крайней мѣрѣ, будутъ вполне

миролюбивы. Эти утонченные потребности служащихъ, поставленныхъ въ лучшія условія жизни, вызовутъ, конечно, новый, постоянно увеличивающійся, спросъ на изящныя и удобныя вещи. Семейные люди выпишутъ свои семейства, а холостые своихъ родныхъ и сестеръ, какъ только „на новосѣлѣ“ будутъ для нихъ готовы дома. И это опять-таки увеличить спросъ и рынки. А что евреи, уже поселившіеся въ новой землѣ, не преминутъ выписывать своихъ родныхъ; это мы очень легко наблюдаемъ при эмигрированіи евреевъ же въ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты. Лишь только кто нибудь изъ нихъ заручился кускомъ хлѣба, онъ тотчасъ выписывалъ къ себѣ своихъ. Семейныя узы у евреевъ вообще очень крѣпки, а Еврейскій Союзъ и Еврейское Общество совмѣстно еще болѣе будутъ способствовать, чтобы узы скрѣплялись и семейства сближались. Но я здѣсь главнымъ образомъ имѣю въ виду матеріальную сторону дѣла, обходя совершенно моральную, которая подразумѣвается сама собою. Итакъ, съ увеличеніемъ населенія, увеличится и число браковъ и численность дѣтей, будущихъ работниковъ, ибо намъ нужны люди. Охотно принимаемъ мы тѣхъ, кто уже тамъ, и тѣхъ, кто намѣренъ туда поѣхать. Всѣ тамъ нужны, всѣ пригодятся, всѣ найдутъ себѣ „на новосѣлѣ“ работу и давно желанное отечество.

Другіе виды построекъ.

Говоря о постройкѣ помѣщеній для рабочихъ, я умышленно упустилъ главный видъ построекъ въ поселеніяхъ. Теперь же я возвращаюсь назадъ къ нимъ и хочу поговорить о другихъ видахъ построекъ для дере-

вень, напрімѣръ, для мелкихъ хозяевъ, для городовъ и пр. Построивъ при помощи своихъ архитекторовъ около ста типовъ домовъ и приготовивъ большое количество подобныхъ для окончательнаго переѣзда, Общество назначить цѣны на нихъ, чтобы потомъ или продавать за деньги или обмѣнивать. Эти прекрасные образцы будутъ съ одной стороны какъ бы способствовать пропагандѣ, ибо всякій лично сможетъ убѣдиться въ доброкачественности ихъ и въ томъ, что Общество ничего не желаетъ заработать при ихъ постройкѣ; а съ другой стороны, они будутъ способствовать болѣе быстрому переселенію, разъ заранѣе будетъ приготовлено все готовое и удобное.

Да, но гдѣ же будутъ стоять эти дома? Объ этомъ я поговорю въ главѣ о „Распланировкѣ территорій для поселеній“. Такъ какъ Общество ничего не желаетъ при этихъ постройкахъ заработать, но только на землѣ, то было бы желательно, чтобы многіе свободные архитекторы строили дома по частнымъ предположеніямъ. Такимъ образомъ увеличится цѣнность поселенія, и въ странѣ появится роскошь, которая необходима намъ для различныхъ цѣлей, а именно, для искусства, для промышленности, а впоследствии для раздробленія большихъ капиталовъ. Тѣ богатые евреи, которые теперь принуждены робко скрывать свои богатства и тайкомъ справлять, какъ бы при опущенномъ занавѣсѣ, свои скучные праздники, будутъ „на новосѣлѣ“ свободно наслаждаться всѣмъ. Когда же это переселеніе прочно установится и наши капиталы снова прочно реабилитируются, тогда мы изъ безпримѣрныхъ дѣлъ ясно поймемъ и увидимъ, насколько они необходимы; а когда богатые евреи начнутъ „на новосѣлѣ“ строить свои замки, на которые въ

Европѣ смотреть уже съ такой злобой и завистью, то будетъ почти вполнѣ современно поселяться „на новосѣлѣ“ и въ великолѣпныхъ домахъ.

Нѣкоторые виды ликвидаціи.

Итакъ, на Еврейское Общество слѣдуетъ смотрѣть, какъ на преемниковъ или, вѣрнѣе, правителей еврейскихъ недвижимыхъ имуществъ, „на старосѣлѣ“. Впрочемъ, эту задачу очень легко можно исполнить при управленіи домами или имѣніями, но какъ поступить при управленіи торговыми дѣлами? Здѣсь могутъ быть разнообразныя виды, которыхъ нельзя сгруппировать въ одно цѣлое; тѣмъ не менѣе однако это не создаетъ какихъ нибудь особенныхъ затрудненій, такъ какъ въ каждомъ единичномъ случаѣ владѣлецъ торговаго предпріятія, разъ онъ рѣшился окончательно переселиться, можетъ заключить съ филиальнымъ отдѣленіемъ Общества его округа такой видъ ликвидаціи, который для него является самымъ удобнымъ и выгоднымъ. Что же касается самыхъ мелкихъ торговцевъ, у которыхъ главнымъ образомъ играютъ роль личное занятіе и небольшое количество товара или необходимое при его дѣлѣ устройство, то въ данномъ случаѣ переселеніе можетъ опять таки совершиться самымъ легкимъ способомъ. Для личныхъ занятій такихъ переселенцевъ Общество создаетъ надежную сферу дѣятельности, а именно продажу машинъ или другихъ орудій, при которой ихъ небольшія матеріальныя средства могутъ „на новосѣлѣ“ послужить основой для первоначальнаго кредита. Новый родъ дѣятельности, въ началѣ совершенно неизвѣстный, скоро можетъ быть изученъ ими, такъ какъ евреи вообще легко все изучаютъ; и такимъ образомъ всѣ торговцы легко и

быстро превратятся въ мелкихъ промышленниковъ земельческими орудіями. Общество охотно должно согласиться принимать недвижимое имущество бѣдняковъ, въ родѣ торговли и пр., хотя бы съ очевидными убытками для себя, такъ какъ только такимъ образомъ достигается быстрая и свободная культивировка отдѣльныхъ участковъ, а благодаря этому поднимается и цѣнность остальныхъ участковъ.

Что же касается средняго класса, въ которомъ торговое устройство такъ же важно, какъ и личная дѣятельность владѣльца, если не важнѣе, и кредитъ котораго является очень затруднительнымъ, то тамъ опять-таки примѣнимы различные виды ликвидаціи, при чемъ главнымъ образомъ играетъ роль продажа или передача въ аренду христіанамъ. Это вызоветъ внутреннее переселеніе христіанъ, о которомъ я уже говорилъ. Всякій уѣзжающій еврей, оставляя „на старосѣлѣ“ подѣ охр-ной Общества дѣло, либо чтобы продать его, либо передать въ аренду, получаетъ „на новосѣлѣ“ личный кредитъ. Открывая ему „жиро-к-нто“, Общество тѣмъ самымъ имѣетъ возможность выжидать болѣе удобнаго момента для продажи его прежняго дѣла или выгодной передачи какому-нибудь управляющему или арендатору, который съ своей стороны сможетъ впослѣдствіи пріобрѣсти, либо внесши сразу всю причитающуюся сумму, либо постепенно выплачивая по частямъ. Такимъ образомъ Общество уже само заботится черезъ своихъ служащихъ и адвокатовъ о правильномъ веденіи оставленной торговли и объ аккуратномъ поступленіи подлежащихъ платъ, являясь въ нѣкоторомъ родѣ кураторами за отсутствующихъ. Но если какой-нибудь еврей не можетъ продать

своего дѣла или не желаетъ никому поручать или передавать, тогда онъ остается на своемъ прежнемъ мѣстѣ, ничуть не ухудшая своего положенія, ибо, благодаря отъѣзду многихъ собратьевъ, конкуренція уменьшится, и антисемитизмъ съ его пресловутымъ „не покупайте у евреевъ!“ прекратится. Если же съ другой стороны какой-нибудь торговецъ „на новосѣлѣ“ желаетъ открыть и заняться своимъ прежнимъ дѣломъ, то онъ можетъ это легко и свободно сдѣлать.

Такъ напримѣръ, нѣкто Х, владѣя большимъ моднымъ и галантерейнымъ магазиномъ, хочетъ переселиться. Онъ заявляетъ объ этомъ ближайшему отдѣленію Общества, указавъ на новое желательное мѣсто для жительства, передаетъ образцы своего товара, кліентами котораго „на новосѣлѣ“ будутъ бѣдные первые поселенцы; но постепенно туда переселяются лица, нуждающіяся въ лучшихъ модныхъ и галантерейныхъ товарахъ, тогда Х посылаетъ болѣе новые товары и, наконецъ, самые новые; и такимъ образомъ Х оказывается владѣльцемъ двухъ магазиновъ, изъ которыхъ онъ старый продастъ или передастъ въ управленіе своему христіанскому преемнику, а новый оставляетъ за собой, если только Общество находитъ этотъ новый магазинъ вполне устроеннымъ.

Вотъ другой, нѣсколько болѣе крупный примѣръ: „У и сынъ“ владѣютъ обширными угольными копями съ горными мастерскими и фабриками. Какъ ликвидировать подобное большое и сложное дѣло? Тутъ есть нѣсколько способовъ: во-первыхъ, копи со всѣмъ, что при нихъ находится, могутъ быть выкуплены тѣмъ государствомъ, въ которомъ они находятся; во-вторыхъ, Еврейское Об-

щество можетъ само приобрести ихъ, уплативъ частью наличными деньгами, частью землею „на новосѣлѣ“; въ-третьихъ, можно ликвидировать, основавши собственное акціонерное общество „У и сынъ“; въ-четвертыхъ, можно продолжать производство тѣмъ же порядкомъ, какъ и раньше, съ тѣмъ, однако, чтобы переселившіеся владѣльцы, когда они найдутъ для себя нужнымъ вернуться обратно для обревизованія своихъ владѣній, явились бы туда, какъ иностранцы, пользуясь тѣми же правами и защитой въ этой цивилизованной странѣ, какъ и всѣ остальные. Все это мы сплошь и рядомъ видимъ въ повседневной жизни. Наконецъ, пятымъ и особенно выгоднымъ и хорошимъ способомъ, по моему мнѣнію, могъ бы быть нижеслѣдующій, который я помѣстилъ послѣднимъ собственно потому, что въ жизни онъ мало примѣняется, не смотря на то, что онъ очень близокъ и симпатиченъ нашему современному сознанію. „У и сынъ“ передаютъ безвозмездно свое дѣло теперешнимъ служащимъ; эти, вступивъ во владѣніе съ круговой порукой. — уплачиваютъ имъ необходимую сумму, которую они могутъ достать или въ общественной кассѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ мѣстѣ, а затѣмъ постепенно погашаютъ свой заемъ.

Такимъ образомъ Еврейское Общество ликвидируетъ какъ малыя, такъ и большія дѣла, и одновременно съ тѣмъ, какъ евреи свободно эмигрируютъ, основывая себѣ новое отечество, оно, какъ большая юридическая особа, неизбежно стоитъ „на старосѣлѣ“, способствуя переселенію, охраняя покинутыя имѣнія, отвѣчая всѣмъ огромнымъ наличнымъ имуществомъ за правильную ликвидацію и, наконецъ, продолжая устраивать уже эмигрировавшихъ.

Операціи Общества.

Какимъ же образомъ Общество будетъ производить свои операціи безъ того однако, чтобы въ покидаемыхъ странахъ наступили обѣдненіе или экономическій кризисъ?

Нѣсколько выше уже было сказано, что слѣдуетъ привлечь къ этому дѣлу христіанъ, съ одной стороны для того, чтобы гарантировать себѣ полную и достойную независимость, а съ другой стороны, чтобы въ ихъ лицѣ имѣть національных контролеровъ. Но всякое государство имѣетъ кромѣ того фискальные интересы, которые могутъ пострадать. Теряя извѣстный классъ подданныхъ, неважныхъ въ социальномъ смыслѣ, но очень важныхъ, какъ финансовую категорію, вносящую крупную подать и пошлину, оно можетъ себѣ потребовать вознагражденіе. Охотно мы представимъ его, но только косвеннымъ путемъ. Развѣ недостаточное вознагражденіе то, что мы оставляемъ въ сторонѣ торговыя предпріятія, вполне благоустроенныя благодаря нашему еврейскому остроумію, благодаря нашему еврейскому прилежанію, что мы передаемъ христіанамъ наши насиженные мѣста, а затѣмъ безпримѣрными жертвами способствуемъ быстрому увеличенію благосостоянія огромныхъ массъ? Еврейское же Общество, напротивъ, готово принести явную пользу отдѣльнымъ государствамъ, ибо продажа оставленныхъ евреями имуществъ и имѣній можетъ быть упрочена на самыхъ выгодныхъ условіяхъ за правительствами тѣхъ государствъ, которыя (т. е. правительства) съ своей стороны могутъ воспользоваться оставленными земельными собственностями для крупнаго социальнаго улучшенія.

Еврейское Общество также охотно придетъ на по-

мощь и правительствамъ и парламентамъ, покровительствующимъ внутреннему переселенію христіанъ, равно какъ будетъ уплачивать большія неустойки.

Мѣстомъ главнаго правленія слѣдуетъ выбрать Лондонъ, такъ какъ Общество, будучи частнымъ предпринимателемъ должно непременно находиться подъ покровительствомъ и защитой большого государства, свободного отъ антисемитизма; но послѣ того, какъ его официально признаютъ готовымъ къ функціонированію, оно широко разрастется, захвативъ какъ можно большее поле дѣятельности. Устраивая повсюду отдѣленія и подотдѣленія, Общество станетъ функціонировать тамъ, гдѣ только возможно будетъ, безъ того однако, чтобы чѣмъ-нибудь повредить своему существованію. Повсюду оно конечно вступить въ сношенія съ министерствами финансовъ, которыя охотно помогутъ имъ и облегчатъ пути проведенія и исполненія ихъ огромнаго и сложнаго предпріятія, разъ они убѣдятся въ добрыхъ намѣреніяхъ его.

Затѣмъ Общество озаботится транспортировкой людей и имущества. Тутъ конечно опять есть два пункта, а именно: гдѣ желѣзныя дороги находятся въ рукахъ правительства, тамъ дѣло очень просто и ясно, гдѣ же онѣ въ рукахъ частныхъ предпринимателей, тамъ Общество получаетъ уступку, какъ и всякій крупный отправитель. Такимъ образомъ эмигрирующіе будутъ имѣть возможность проѣхать на собственный счетъ и перевести багажъ какъ можно дешевле. Общество, конечно, могло бы очень много выгадать на фрахтѣ и на проѣздной платѣ, если бы перевозило на свой счетъ, но въ основѣ этого дѣла долженъ быть принципъ, чтобы исключительно вернуть потраченное. Тутъ возникаетъ вопросъ объ экспедиціонныхъ

конторахъ, находящихся большей частью въ рукахъ евреевъ. Будучи главнымъ, что понадобится Обществу и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ же, что окажется ненужнымъ и будетъ ликвидировано, эти конторы, конечно, затрагиваютъ интересы ихъ владѣльцевъ, но эти послѣдніе могутъ либо поступить на службу къ Обществу, либо совершенно освободиться отъ нихъ и поселиться „на новосѣлѣ“, занявшись какимъ нибудь другимъ дѣломъ. Безъ сомнѣнія, въ желающихъ открывать экспедиціонныя конторы недостатка не будетъ, такъ какъ это очень хорошее и выгодное дѣло; впрочемъ, нѣтъ надобности подробно описывать всякую мелочь этого массоваго переселенія, такъ какъ все связано между собой, вытекая другъ изъ друга; къ тому же этимъ вопросомъ займуться спеціалисты, которые изыщутъ пути для лучшаго и удобнѣйшаго исполненія его.

Дѣятельность Общества.

Вся разнообразная дѣятельность Общества находится въ тѣсной связи между собой. Такъ, въ началѣ для нашихъ бѣдныхъ переселенцевъ нужны будутъ мануфактурныя издѣлія, платье, бѣлье, обувь и пр., ибо на ковенныхъ европейскихъ пунктахъ отправленія они всѣ будутъ вновь обмундированы, но на это не слѣдуетъ смотрѣть какъ на подарокъ. Смѣнивши имъ старое платье на новое, Общество ничего не потеряетъ, а если и будутъ кое-какіе убытки, то оно можетъ ихъ списать въ счетъ предпріятія, или, въ крайнемъ случаѣ, неимущіе сдѣлаются должниками его и выплатятъ рабочими часами сверхъ нормы, если это имъ будетъ разрѣшено въ награду за хорошее и примѣрное поведеніе. И нынѣ

существующіе уже эмиграціонные комитеты, продолжая свою дѣятельность по отношенію къ эмигрирующимъ евреямъ нашего Общества, могутъ оказать также существенную пользу, а за способами совмѣстной помощи недалеко ходить: ихъ легко можно изыскать.

Пусть въ перемѣнѣ одежды уѣзжающіе эмигранты увидятъ символъ, что отнынѣ для нихъ наступаетъ новая жизнь! Пусть, облакаясь въ новыя одежды, они вспомнятъ, что готовятся пойти на встрѣчу новой жизни! А Еврейскій Союзъ съ своей стороны уже позаботится о томъ, чтобы при помощи публичныхъ лекцій и бесѣдъ познакомить уѣзжающихъ далеко еще до отъѣзда, а также и въ пути, съ цѣлями предпріятія. давать совѣты относительно гигиеническихъ условій новыхъ мѣстъ для жительства, давать наставленія для предстоящихъ работъ, словомъ, Еврейскій Союзъ позаботится о томъ, чтобы повсюду замѣчалось серьезное, но и ликующее настроеніе, ибо обѣтованной страной можетъ быть только страна труда. Вмѣстѣ съ тѣмъ Союзъ позаботится о томъ, чтобы наши эмигранты, при вступленіи на новую землю, убѣдились, что имъ не надо завоевывать эту хваленную обѣтованную землю, чтобы эти бѣдные, несчастные люди увидѣли, что они уже у себя дома.

Съ другой стороны Общество должно позаботиться о томъ, чтобы развитіе мануфактурной промышленности и фабричнаго производства не совершалось зря, безъ опредѣленнаго плана; а этого легко достигнуть, если Еврейскій Союзъ, которому отдѣльные группы, отдѣльныя поселенія будутъ доставлять необходимыя свѣдѣнія, въ свою очередь будетъ заблаговременно извѣщать Еврейское Общество о числѣ эмигрирующихъ, о днѣ ихъ при-

бытія и объ ихъ потребностяхъ. ибо только въ такомъ случаѣ возможно заблаговременно о нихъ позаботиться и приготовить все необходимое.

Поощреніе промышленности.

Въ данномъ вопросѣ очень трудно отдѣлить задачи Еврейскаго Общества отъ задачъ Еврейскаго Союза, ибо фактически эти два органа будутъ идти рука объ руку. Если Общество постоянно будетъ пользоваться нравственнымъ авторитетомъ Союза и его покровительствомъ, то забота второго—постоянно изыскивать средства для него. Въ разумномъ развитіи, на примѣръ, мануфактурной промышленности можно видѣть нѣкоторый намекъ на опытъ избѣгнуть промышленнаго кризиса. И подобнымъ принципомъ слѣдуетъ руководиться въ каждой отдѣльной отрасли, въ которой Общество выступитъ, какъ промышленникъ; но рядомъ съ этимъ Общество не должно пользоваться превосходствомъ своихъ силъ, стѣсня частную предпріимчивость. Мы ничто иное, какъ коллективная корпорація, гдѣ того требуютъ непреодолимые трудности задачи; въ остальномъ же мы должны способствовать и поощрять единичную предпріимчивость со всѣми ея правами. Частная собственность должна у насъ такъ же свободно развиваться, какъ и основы независимаго земледѣльческаго труда. Вѣдь мы же допускаемъ нашихъ чернорабочихъ на первыхъ же порахъ превратиться въ собственниковъ? Пусть же духъ предпріимчивости царитъ въ каждомъ нашемъ дѣлѣ и пусть промышленность у насъ развивается, благодаря введенію разумной пошлины, дешевой доставки сырья и правильной статистики съ ея официальными отчетами.

А духъ предприимчивости легко можетъ быть поставленъ на здоровую почву, и тогда бессмысленная спекуляція исчезнетъ. Какимъ образомъ?—Возникаетъ новая отрасль промышленности. Объ этомъ Общество своевременно объявляетъ, такъ что предприниматель почему либо рѣшившійся только черезъ нѣкоторое время подыскать себѣ какой-нибудь видъ промышленности, можетъ легко за него взяться, не вызвавъ никакого кризиса. Разъ цѣль всякаго новаго начинанія будетъ объявляться Обществомъ, значить и условія полученія даннаго предпріятія могутъ каждому быть извѣстны во всякое время. Впослѣдствіи къ услугамъ предпринимателей будутъ также предоставлены и сконцентрированныя рабочія силы. Такъ напри- мѣръ, предприниматель, обратившись по телеграфу въ „бюро, подыскивающее занятіе для рабочихъ“, и представивъ при этомъ требуемую извѣстную плату въ кассу „Самосохраненія“, заявляетъ, что ему нужны на завтра, на три дня, три недѣли или три мѣсяца пятьсотъ черно-рабочихъ. И завтра же на его поляхъ или фабрикахъ уже работаютъ эти требуемые пятьсотъ человѣкъ, которыхъ центральное бюро сзываетъ отовсюду, гдѣ они только что оставили свою работу. Само собою разумѣется, что въ ихъ лицѣ не слѣдуетъ видѣть какихъ-нибудь рабовъ, а людей работающихъ въ теченіе дня только 7 часовъ и сохраняющихъ за собой свою рабочую организацію такъ, что при перемѣнѣ ими мѣста, время службы съ ея наградами, преимуществами и пенсіей протекаетъ по прежнему.

Правда, свободный предприниматель можетъ, если онъ захочетъ, и другимъ путемъ найти себѣ рабочихъ, но это ему будетъ нѣсколько трудновато, такъ какъ Союзъ

слѣдить за тѣмъ, чтобы въ страну не привлекались рабочіе изъ числа не-евреевъ, и постарается, благодаря ли строгому внушенію непослушнымъ и упрямымъ промышленникамъ или благодаря затрудненію обмѣна и проч., достигнуть своей цѣли, такъ что поневолѣ придется обращаться къ семичасовымъ рабочимъ и привыкнуть къ семичасовому труду, слѣдовательно, въ концѣ концовъ онъ все таки будетъ введенъ, хотя съ нѣкоторымъ трудомъ.

Распредѣленіе ремесленниковъ по поселеніямъ.

Совершенно ясно, что то, что удастся чернорабочему, еще легче удастся ремесленнику и фабричному рабочему, такъ что о нихъ опять таки позаботится центральное бюро.

Что же ждетъ тѣхъ самостоятельныхъ ремесленниковъ и мелкихъ мастеровъ, которыхъ мы такъ хотѣли познакомить съ успѣхами техники, которыхъ мы хотѣли ввести въ кругъ техническихъ знаній, даже если они уже въ пожиломъ возрастѣ, и которымъ слѣдовало бы передать въ завѣдываніе двигательную силу рѣкъ и электричество. Этихъ самостоятельныхъ работниковъ можно было бы распредѣлить и устроить при помощи того же центрального бюро Союза. Различныя поселенія, нуждаясь въ подобныхъ ремесленникахъ, обращаются въ центральное бюро съ заявленіями, что имъ нужно столько-то столяровъ, столько-то стекольщиковъ, столько-то слесарей и т. д. Бюро оповѣщаетъ объ этомъ—и подходящіе люди тотчасъ заявляются, и немедленно же отправившись со своими семействами въ тѣ мѣста, гдѣ въ нихъ нуждаются, остаются тамъ на постоянномъ жительствѣ, не тѣснимые никакой конкуренціей. Тамъ наконецъ они найдутъ давно желанную дорогую родину.

Денежные источники.

Какова же должна быть сумма, необходимая акціонерному Еврейскому Обществу? Можетъ быть феноменальная сумма?

Дѣйствительная необходимая сумма будетъ конечно точно вычислена и установлена финансистами, но во всякомъ случаѣ она огромна. Какимъ же образомъ и гдѣ достать ее? Для этого имѣются три источника, и Еврейскій Союзъ конечно приметъ ихъ въ соображеніе.

Еврейскій Союзъ, эта великая моральная особь, этотъ руководитель евреевъ будетъ состоять изъ нашихъ лучшихъ идеальнѣйшихъ людей, которые не превратятъ это дѣло въ общественный пирогъ, извлекая себѣ изъ него матеріальную выгоду. Они не будутъ въ этомъ нуждаться и не могутъ этого сдѣлать. Хотя обязанность Союза только вліять своимъ авторитетомъ, однако онъ также будетъ слѣдить за тѣмъ, кому изъ еврейскаго народа можно и должно оказать довѣріе, указывая на это Обществу, которое только въ томъ случаѣ и будетъ имѣть право разрѣшать какое-нибудь предпріятіе въ благопріятномъ смыслѣ, когда его, такъ сказать, уполномочить Союзъ. Это Общество, значить, не есть компанія нѣсколькихъ денежныхъ тузовъ, собравшихся полакомиться общественнымъ пирогомъ. Общество будетъ осторожно выбирать, пробовать, и наконецъ только рѣшить, что и какъ необходимо приготовить и сдѣлать для скорого и успѣшнаго выполненія плана. Опыты съ неудовлетворительными и недостаточными силами ни въ коемъ случаѣ не должны быть допущены; ибо это предпріятіе съ перваго же шага должно встрѣчать полный успѣхъ,

иначе неудачи на первых же порахъ могутъ скомпрометировать всю идею на десятки лѣтъ, или даже совершенно погубить, сдѣлавъ, ее навсегда невозможной. неисполнимой.

Эти три источника, благодаря которымъ можно достать необходимую сумму, суть: государственный банкъ, общественный банкъ и всеобщая подписка. Изъ нихъ, конечно, самымъ удобнымъ источникомъ является государственный банкъ, гдѣ деньги могутъ быть получены въ самый короткій срокъ, легко и быстро, если поручителями будетъ синдикатъ крупныхъ финансистовъ. Главная выгода и преимущество состоитъ въ томъ, что милліарды можно будетъ получать въ нѣсколько пріемовъ, хотя общая сумма будетъ выставлена сразу въ одинъ пріемъ; затѣмъ еще выгода въ томъ, что кредитъ этихъ крупныхъ финансистовъ обезпечить предпріятіе. Въ еврейскихъ финансовыхъ силахъ дремлетъ еще много политической способности, которой не воспользовались. Враги еврейства, конечно, представляютъ наши финансовыя силы такими, какими онѣ могли бы быть и пожалуй, должны были бы быть, но въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ. Бѣдные евреи чувствуютъ только ненависть, которая возникаетъ благодаря этой злосчастной финансовой силѣ, но ихъ страданія не уменьшаются, они не получаютъ той пользы, того облегченія, которыя они могли бы получить благодаря ей. Слѣдовало бы наконецъ, чтобы крупные финансисты — евреи воспользовались своимъ политическимъ значеніемъ и оказали бы своему несчастному племени какую-нибудь услугу, послужили бы національной идеѣ хоть чѣмъ-нибудь. Но если, несмотря на это, могутъ найтись лица, совершенно до-

вольные своимъ настоящимъ положеніемъ и пальцемъ о палецъ не намѣренныя ударить, чтобы помочь своимъ несчастнымъ собратьямъ, несправедливо тѣряющимъ изъ за сконцентрированія огромныхъ средствъ въ рукахъ единичныхъ личностей, то разрѣшеніе нашего плана дать возможность провести грань между ними и остальнымъ еврействомъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ требовать отъ государственнаго банка, чтобы онъ реализировалъ такую огромную сумму исключительно только во имя благотворительности. Это было бы, наконецъ, безумнымъ требованіемъ или даже предложеніемъ. Основатели и акціонеры Еврейскаго Общества гораздо большаго достигли бы, если бы, выпустивши извѣстное число акцій, такимъ образомъ создали бы капиталъ. Впрочемъ, Еврейскій Союзъ самъ основательно обсудить и разберетъ всѣ доводы и необходимыя средства, при помощи которыхъ легко можно будетъ познакомиться съ планами и соображеніями Общества. Въ особенности же Союзъ обратитъ вниманіе на то, какъ начать еврейскую эмиграцію и подробно изложить Обществу весь планъ и ходъ дѣйствій, въ которыхъ имъ придется принять участіе, и всѣ тѣ обстоятельства, съ которыми имъ придется встрѣтиться и считаться.

При помощи новѣйшей статистики о евреяхъ, охватывающей все, касающееся послѣднихъ, Союзъ позаботится о доставкѣ Обществу трудовъ лицъ, специально изучавшихъ данный вопросъ, подобно тому, какъ это практиковалось во Франціи, когда намѣревались составлять бюджетъ какого нибудь крупнаго предпріятія.

Пожалуй, со стороны нашихъ крупныхъ денежныхъ магнатовъ наше дѣло и не найдетъ денежной поддержки,

а напротивъ эти послѣдніе еще попытаются, черезъ своихъ тайныхъ -агентовъ и рабовъ, вызвать борьбу противъ еврейскаго движенія; тогда мы съ безпощадной жестокостью примемъ вызовъ и поведемъ ее, какъ и всякую другую, которую намъ пришлось бы вести.

Пожалуй, эти денежные магнаты удовольствуются, отнесшись только съ презрительной улыбкой къ нашему дѣлу. Но развѣ этимъ они уже освободились? Ничуть!...

Затѣмъ на сцену выступаетъ второй источникъ: евреи съ среднимъ состояніемъ. Еврейскій общественный банкъ во имя національной идеи долженъ изъ себя составить вторую грандіозную денежную силу въ противовѣсъ государственному банку. Но въ этомъ заключается тотъ недостатокъ, что въ началѣ оно будетъ только банковымъ дѣломъ, ибо миллиарды должны быть уплачены полностью, иначе не слѣдуетъ и начинать дѣла; но такъ какъ деньги будутъ поступать постепенно, а не сразу, не въ одинъ срокъ, то на первыхъ порахъ, т. е. въ первые годы существованія можно было бы производить различнаго рода банковыя операціи. Это не значитъ, что слѣдуетъ забывать о главномъ, что люди съ среднимъ состояніемъ нашли себѣ новое крупное дѣло, и проэктъ еврейскаго переселенія долженъ провалиться. Всякій отлично сознаетъ и понимаетъ, что подобный денежный источникъ не фантазія. Много разъ уже испытывали и испробовали противопоставить государственному банку собранныя католическія деньги; но что можно ему противопоставить еврейскія деньги, до этого никто не додумывался.

Но какія послѣдствія этого? Какіе кризисы! Какой матеріальный вредъ потерпятъ всѣ тѣ страны, гдѣ

производится подобная денежная игра? Какъ сильно при этомъ увеличится антисемитизмъ? Мнѣ лично все это крайне не симпатично, и я предлагаю это только потому, что оно вытекаетъ изъ логическаго разбора даннаго вопроса. Впрочемъ, я даже не знаю, воспользовалось ли бы наше Общество подобнымъ общественнымъ банкомъ, если бы онъ даже образовался. Во всякомъ случаѣ, тѣмъ, что общественные банки не подходящій, вопросъ еще не исчерпывается. Напротивъ, третій источникъ можетъ быть даже самымъ лучшимъ и самымъ удачнымъ. такъ какъ Еврейскій Союзъ не состоитъ изъ торговыхъ людей, то онъ можетъ попытаться основать Общество черезъ всеобщую подпись, имѣя весь народъ членами его, и необходимый акціонерный капиталъ Общества, такимъ образомъ можетъ получиться безъ содѣйствія различныхъ синдикатовъ изъ государственныхъ или общественныхъ банковъ. Не только мелкій бѣднякъ-еврей, но и христіане, которыхъ евреи хотятъ покинуть и освободить, примутъ участіе въ этой подпискѣ. Это будетъ своеобразный и новый видъ плебисцита, гдѣ каждый желающій сможетъ черезъ условную подписку высказаться о видахъ и способахъ разрѣшенія еврейскаго вопроса. И въ этомъ условіи лежитъ вся сила обезпеченія. Уплата полностью только въ томъ случаѣ можетъ быть начата и произведена, когда обозначена будетъ вся сумма, въ противномъ случаѣ будутъ возвращены поступившія уже деньги.

При этомъ необходима точная и рѣшительная помощь заинтересованныхъ правительствъ.

ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХЪ ПОСЕЛЕНІЙ.

Переселеніе.

До сихъ поръ я говорилъ и указывалъ только на то, какъ привести въ исполненіе такую массовую эмиграцію безъ того, чтобы вызвать экономическія колебанія, совершенно упустивъ изъ виду такіе факторы, какъ старыя привычки, душевныя волненія или глубокія воспоминанія, связанныя съ извѣстной мѣстностью. Тутъ находятся наши колыбели, которыхъ впрочемъ мы возьмемъ съ собою, ибо въ нихъ дремлетъ съ улыбкой на устахъ наша розовая будущность. но тутъ же и наши гробы, въ которыхъ покоится прахъ нашего прошлаго, нашихъ дѣдовъ. Ихъ мы должны будемъ оставить; съ ними намъ, алчному и жадному народу, хотя съ трудомъ, но придется разстаться, ибо такъ должно быть... Кто не знаетъ, какъ дороги эти гробы еврейскому сердцу, съ какимъ трудомъ еврей рѣшается съ ними разстаться. Но оставить ихъ, удалиться изъ нашихъ постоянныхъ мѣстъ для жительства, побуждаютъ насъ экономическое положеніе и нужда, политическій гнетъ и общественная ненависть. Уже и теперь евреи каждый день кочуютъ изъ страны въ страну. Каждый день мы можемъ наблюдать усиленное переселеніе черезъ океанъ въ Соединенные Штаты; но и тамъ, къ несчастію, насъ не охотно терпятъ. Впрочемъ, гдѣ насъ будутъ терпѣть, доколѣ у насъ не будетъ собственнаго отечества? Пора евреямъ подумать и поискать, но не такъ, чтобы насильственно оторваться отъ земли, на которой они выросли и съ которой свыклись, а, напротивъ, осторожно окопавъ корни, пересадить его въ новую лучшую почву. По-

добно тому какъ намъ желательнѣе создать новыя политическія и экономическія отношенія, такъ мы будемъ свято помнить даже при лучшихъ условіяхъ и обстоятельствахъ нашей жизни обо всемъ старомъ. Однако мимо. Здѣсь наибольшая опасность, что нашъ планъ можетъ кануть въ лету.

Тѣмъ не менѣе, все сказанное мною не химера, не фантазія, а совершенно исполнимое, возможное; оно только кажется чѣмъ-то туманнымъ, даже безпомощнымъ по своей грандіозности, но при правильной организаціи все можетъ быть правильно осуществлено.

Распредѣленіе группъ.

Эмиграція должна происходить по группамъ, состоящимся изъ членовъ родственныхъ фамилій и друзей. Никого не слѣдуетъ стѣснять или требовать, чтобы онъ участвовалъ именно въ той, а не въ другой группѣ. Покончивши всѣ счеты съ старыми пенатами, всякій можетъ ѣхать, куда онъ хочетъ и когда хочетъ, ибо онъ ѣдетъ на собственный счетъ и рискъ въ томъ классѣ желѣзной дороги и парохода, въ какомъ ему удобно и угодно. Впрочемъ, легко можетъ статься, что наши желѣзнодорожные поѣзда и пароходы будутъ состоять изъ одного только класса. Такая продолжительная поѣздка, благодаря имущественной разницѣ, очень обременительна для бѣдныхъ, такъ что если мы не можемъ поставить ихъ въ одинаковыя условія, то по крайней мѣрѣ постараемся не отравлять ихъ поѣздки. Во всякомъ случаѣ одинокимъ никто не поѣдетъ. Уже задолго до выселенія сговорятся другъ съ другомъ, какъ соединиться вмѣстѣ и сообща переѣхать, такъ какъ при лучшихъ даже

условіяхъ пройдетъ еще не одинъ годъ, пока тронется эта массовая волна изъ различныхъ классовъ. Ни для кого не тайна, что за исключеніемъ богатыхъ, почти всѣ евреи не имѣютъ никакихъ сношеній съ христіанами. Во многихъ странахъ бываетъ даже такъ, что еврей предпочитаетъ скорѣй быть окруженнымъ лизоблюдами и бездѣльниками изъ евреевъ, только бы не знаться съ христіанами; такъ глубоко гетто положило между ними свою роковую грань.

Итакъ, въ среднемъ классѣ къ этому переселенію будутъ готовиться и собираться очень долго и заботливо. Каждая мѣстность образуетъ свою группу, а въ большихъ городахъ эти группы будутъ составляться по участкамъ, при чемъ члены одной группы, какъ я уже говорилъ, могутъ свободно переходить въ другую, такъ какъ дѣленіе по участкамъ не есть нѣчто обязательное. Я собственно рекомендую подобное дѣленіе исключительно съ той цѣлью, чтобы легче могли составляться группы и чтобы уѣзжающіе, видя себя какъ бы у себя дома, окруженными знакомыми все лицами, не чувствовали особенной тоски или грусти. Но всякій, повторяю я, свободенъ и можетъ ѣхать, куда ему угодно и какъ угодно, или приписаться въ какую угодно группу. Условія, подраздѣленные на классы, для всѣхъ одинаковы. Когда же соберется достаточное число уѣзжающихъ, Общество имъ тотчасъ дастъ отдѣльный поѣздъ и паромъ, и затѣмъ позаботится о томъ, чтобы для бѣдныхъ были приготовлены спеціальныя квартиры; въ послѣдствіе же къ услугамъ переселяющихся свободными предпринимателями будутъ открыты гостиницы, въ которыхъ они смогутъ удовлетворить всѣ свои потребности. Впрочемъ.

почти всѣ будутъ имѣть свои дома заранее построенными и приготовленными, такъ что они прямо съ стараго пепелища смогутъ переѣхать во вновь построенные дома.

Что же касается нашихъ интеллигентовъ, то имъ объяснять наши чаянія и надежды намъ нѣтъ надобности. Всякій изъ нихъ, кому знакомо національное чувство, всякій, кто задумывался надъ нашей участью, отлично понимаетъ и знаетъ свое мѣсто въ общемъ планѣ работъ, отлично знаетъ, чѣмъ способствовать осуществленію и процвѣтанію ихъ. Особенно же я позволяю себѣ возлагать надежды на наше духовенство.

Наше духовенство.

Въ каждой группѣ долженъ непременно быть раввинъ, вокругъ котораго и собираются лица, желающія переселиться. Хотя группировка, какъ я уже говорилъ раньше, совершенно произвольна и составляется по собственному желанію, тѣмъ не менѣе однако группъ можетъ быть столько, сколько всѣхъ раввиновъ, которые, познакомившись съ сущностью дѣла, станутъ потомъ другимъ проповѣдывать идею переселенія, для чего не нужно спеціально устраивать собраній, въ которыхъ бы больше болтали, чѣмъ дѣло дѣлали, а всякій разъ, во время богослуженій, раввинъ пусть знакомитъ всю паству съ цѣлями нашего дѣла, и пусть вѣра нашихъ отцовъ опять соединитъ насъ воедино, какъ соединяла насъ во все время нашихъ странствованій, ибо только благодаря ей мы знаемъ другъ друга, несмотря на то, что давнымъ давно уже безвозвратно переняли языки тѣхъ національностей, у которыхъ мы нашли пріютъ.

Итакъ, равнины, получая своевременно свѣдѣнія отъ Общества и Союза, будутъ объ этомъ оповѣщать свою паству и дѣлиться полученными свѣдѣніями.

Довѣренныя лица группъ.

Когда отдѣльная группа уже образовалась, члены ея выбираютъ изъ своей среды довѣренныхъ лицъ, которыя составляютъ небольшую комиссію подѣ председательствомъ раввина. Здѣсь обсуждаются всѣ вопросы съ практической стороны и твердо устанавливаются потребности каждой группы.

Благодаря этимъ же группамъ быстро разростутся богоугодныя и благотворительныя учрежденія, которыя «на новосѣлѣ» будутъ основаны на тѣхъ же началахъ, на какихъ они существовали «на старосѣлѣ». Поэтому, на мой взглядъ, не слѣдуетъ продавать имѣющіяся благотворительныя учрежденія, а прямо передать во владѣніе нуждающимся изъ христіанъ покидаемыхъ городовъ. Общество приметъ это во вниманіе при раздѣленіи земельныхъ территорій, и, уступивъ безвозмездно землю для постройки, предоставитъ всякія другія льготы и облегченія.

Но такъ какъ наша теперешняя частная благотворительность сравнительно съ тѣми средствами, которыя она тратитъ, приноситъ очень мало пользы, а скорѣе даже вредитъ, то для блага всего человѣчества да позволено будетъ произвести опытъ, когда будутъ основываться новыя благотворительныя учрежденія, а именно, объединивъ ихъ, выработать особую систему. Конечно, въ старыхъ странахъ, гдѣ все ведется по одному образцу споконъ вѣковъ, очень трудно ввести что-нибудь новое, но въ новой стра-

нѣ это не такъ трудно сдѣлать; и все можетъ быть создано на основаніи новѣйшихъ требованій и данныхъ политической и соціальной наукъ. Мы особенно должны интересоваться этимъ вопросомъ, такъ какъ у насъ очень много нищихъ и бѣдняковъ, которыхъ главнымъ образомъ создаетъ наша теперешняя благотворительность. Слабѣя мало по малу въ борьбѣ за существованіе, болѣе малодушные падаютъ, сраженные неумолимой судьбой, и пополняютъ ряды пролетаріата, привлеченные туманными подачками богача, польза которыхъ очень и очень сомнительна. Союзъ нашъ, конечно, приложитъ всѣ старанія и позаботится о томъ, чтобъ пересоздать нашъ народъ; и въ этомъ ему охотно помогутъ всѣ заинтересованные въ этомъ дѣлѣ.

Для тѣхъ, кто могъ бы быть полезнымъ, но нищенствуютъ, будетъ создано обширное поле дѣятельности, и у кого только доброе и благое желаніе трудиться, тотъ найдетъ примѣненіе своему труду. Нищіе не будутъ терпимы. Кто будетъ лѣниться и не захочетъ на свободѣ работать, того попросятъ въ рабочій домъ. Что же касается стариковъ, то они не будутъ помѣщены въ богадѣльни, которыя для нихъ являются позорной тюрьмой, а не благотворительнымъ учрежденіемъ. И дѣйствительно, богадѣльни—это самое ужасное зло, которое оставило намъ въ наслѣдіе благотворительность. Тамъ старикъ страдаетъ, чувствуя себя заживо похороненнымъ и желаетъ себѣ дѣйствительной смерти. Мы должны постараться какъ можно дольше оставить ихъ въ пріятномъ невѣдѣніи и не давать имъ чувствовать, что они отжили свой вѣкъ. Кто не способенъ къ физическому труду, тому надо дать легкую службу. Что дѣ-

лать? Надо стремиться къ тому, чтобы вмѣстѣ съ исчезновеніемъ этого слабаго и вымирающаго поколѣнія были покончены всѣ счеты съ прошлымъ, но пока они имѣются, съ ними, конечно, приходится считаться, но за то слѣдуетъ позаботиться о подроставшемъ поколѣніи и постараться, чтобы оно воспитывалось иначе уже въ духѣ свободы и ради свободы.

Мы стараемся, чтобы всякій трудящійся, къ какому бы возрасту онъ ни принадлежалъ, всегда находилъ въ своемъ трудѣ нравственное удовлетвореніе. И, такимъ образомъ, нашъ народъ въ новой странѣ снова почувствуетъ свою пригодность.

Распланировка мѣстности.

Каждая группа отправитъ своихъ делегатовъ, предоставивъ имъ всѣ полномочія для выбора мѣста, такъ какъ на это будетъ обращено особое вниманіе при распредѣленіи земли. Въ распоряженіи делегатовъ и ихъ группъ будутъ всѣ планы мѣстностей, такъ что они въ состояніи будутъ легко и свободно выбирать себѣ мѣсто для жительства, зная напередъ, куда имъ надо будетъ направиться, гдѣ будутъ расположены ихъ города и дома, въ которыхъ они будутъ жить. Но я выше коснулся уже плановъ, пояснительныхъ рисунковъ, и чертежей, которые нужно будетъ передать отдѣльнымъ группамъ и которые будутъ конечно заготовлены въ большомъ количествѣ. Какъ при управленіи необходима строгая централизація, такъ при образованіи и распредѣленіи группъ — полнѣйшая автономія, такъ какъ только въ такомъ случаѣ переселеніе можетъ совершиться безпрепятственно и успѣшно.

Но не закрывая глаза предъ дѣйствительностью и отлично сознавая всю трудность нашего предпріятія, я, тѣмъ не менѣе, твердо убѣжденъ, что его не слѣдуетъ представлять себѣ слишкомъ труднымъ или неисполнимымъ.

Переселеніе средняго класса.

Средній классъ невольно тронется въ путь, незамѣтно вовлеченный въ общее движеніе, такъ какъ у однихъ сыновья служатъ въ Обществѣ или состоятъ при Союзѣ, у другихъ дочери замужемъ; одни пошлутъ за своими семействами, другіе за своими родителями и сестрами; тамъ юристы, врачи, техники различныхъ спеціальностей, инженеры, молодые купцы и всѣ тѣ, кого негостепріимное отечество заставило на чужбинѣ искать знаній или счастья, соберутся, надѣясь въ новой многообѣщающей странѣ найти свое отечество. Словомъ, въ среднемъ классѣ каждый переселенецъ потянетъ за собой другого, и болѣе энергичный, конечно, достигнетъ лучшаго въ новой странѣ.

Итакъ, если намъ на самомъ дѣлѣ удастся разрѣшить еврейскій вопросъ; если, затѣмъ, изъ всего вышеизложеннаго дѣйствительно явствуется, что еврейское государство есть міровая необходимость; наконецъ, если мы при помощи нынѣшнихъ правительствъ получимъ въ сюзеренство нѣкоторую территорію,—удастся ли намъ тогда перевести евреевъ безъ труда и принужденій изъ ихъ теперешнихъ мѣстъ для жительства въ эту новую страну? Можно-ли допустить, что переселеніе будетъ не принужденное, вольное?

Численность переселенцевъ.

Мнѣ кажется, что совершенно лишнее пріохочивать и принуждать кого-либо къ переселенію. Сами антисемиты объ этомъ позаботились и позаботятся. Стоитъ имъ только продолжать свою дѣятельность въ томъ же духѣ и видѣ, какъ было до сихъ поръ, и охота къ переселенію быстро проснется въ евреяхъ тамъ, гдѣ ея еще не было, и окрѣпнетъ тамъ, гдѣ она уже существовала. Если же евреи останутся теперь въ антисемитическихъ странахъ, то это случится главнымъ образомъ потому, что даже незнакомые съ исторіей отлично знаютъ, что мы ничего не достигли въ своихъ безчисленныхъ переселеніяхъ, продолжавшихся вѣками. Пусть случится страна, гдѣ евреямъ дали бы значительно меньше того, что сулить имъ Еврейское Государство или въ дѣйствительности ждетъ ихъ, когда оно будетъ основано, лишь бы только ихъ оставили въ покоѣ, и я убѣжденъ, что туда двинулась бы моментально могучая волна. Сначала потянутся, конечно, бѣдные, которымъ нечего терять. Но я увѣренъ, и всякій со мной согласится въ томъ, что и въ высшихъ и среднихъ сферахъ существуетъ рѣшеніе переселиться, вызванное исключительно гнетомъ, тяготѣющимъ надъ нами.

По мѣрѣ того, какъ наши несчастные бѣдняки и нищіе, потерявшіе всякую надежду на лучшую будущность, появятся въ новой странѣ и поднимутъ земельную цѣнность, благодаря потраченному труду, мало по малу совершенно исчезнетъ и мысль о томъ, чтобы покинуть новое отечество, а для высшихъ классовъ возникнетъ интересъ къ переселенію. Конечно, Союзъ и

Общество будутъ руководить первымъ потокомъ — первой партіей, состоящей изъ бѣднѣйшихъ евреевъ, и придуть имъ на помощь. Но какъ направить такую массу безъ принужденія, безъ приказа, именно въ одно мѣсто, въ одинъ пунктъ?

Должно быть, тѣ единичные еврейскіе благотворители и благодѣтели, которые хотѣли помочь имъ или облегчить ихъ страданія различными опытами, занимались этимъ вопросомъ и, исходя изъ того положенія, что „я плачу съ тѣмъ, чтобы они туда пошли“, заключили, что если они дадутъ переселяющимся деньги на руки, то помогутъ имъ.

Но никакими деньгами въ мірѣ нельзя этого достигнуть.

Общество же будетъ руководиться слѣдующимъ принципомъ: „мы не платимъ имъ, но заставляемъ ихъ платить; на первыхъ же порахъ мы приходимъ имъ только на помощь, мы будимъ ихъ“. Я хочу объяснить это на примѣрѣ. Допустимъ, что одинъ изъ такихъ благотворителей и благодѣтелей рода человѣческаго, котораго мы, примѣрно, назовемъ Z, захотѣлъ въ одно прекрасное воскресенье послѣ обѣда, когда солнце сильно парило, собрать на поляхъ близъ Парижа огромную толпу, обѣщая каждому по десяти франковъ. Онъ за 200.000 франковъ можетъ собрать толпу несчастныхъ людей въ 20.000 человѣкъ, которые, потѣя подъ палящими лучами солнца, терпя отъ неимовѣрной давки и глотая цѣлые столбы пыли, будутъ проклинять его, такъ какъ онъ выдумалъ имъ эти мученія.

Я же съ своей стороны, поставивъ эти 200.000 франковъ призомъ лучшей лошади, устроилъ бы скачки

на тѣхъ же поляхъ, которыя были въ распоряженіи Z, и впускалъ бы только тѣхъ изъ желающихъ, кто уплатилъ одинъ, пять или двадцать франковъ, смотря по состоянію. Конечно, поглядѣть собралась бы огромная масса, такъ что я могъ бы смѣло рассчитывать на полъ милліона людей. Самъ президентъ республики удостоилъ бы скачки своимъ посѣщеніемъ. Толпа все время шумѣла и веселилась бы сама собой, забывъ совершенно про зной и пыль. Пріятное зрѣлище и масса всегда магически дѣйствуютъ на толпу; и я за свои 200.000 франковъ собралъ бы съ продажи входныхъ билетовъ и за право играть на тотализаторѣ кругленькую цыфру въ одинъ милліонъ рублей. Мало того, я эту самую толпу могу снова собрать, если захочу, а Z не можетъ... даже ни за какія деньги.

Вотъ другой примѣръ, указывающій какимъ образомъ можно собрать безъ принужденія цѣлыя массы народа. Однажды на улицахъ большого города пробовали объявлять, что тотъ получить 4 франка, 2 рубля или что ему угодно, кто, стоя цѣлый день на ногахъ въ открытомъ желѣзномъ павильонѣ и не взирая на сильнѣйшіе зимніе морозы или лѣтній зной будетъ предлагать проходящимъ различные товары, рыбу или овощи.

Какъ вы думаете, на какое количество людей можно тамъ рассчитывать? Или если ихъ туда голодъ и погналъ, то много ли дней они выдержатъ эту пытку? Наконецъ, если они уже выдержатъ эту пытку, то съ какимъ усердіемъ они будутъ исполнять свои обязанности, предлагая проходящимъ рыбу, овощи и пр.?

Я съ своей стороны видоизмѣнилъ бы этотъ опытъ. На площади, гдѣ имѣется большой рынокъ, а такую

площадь легче найти, чѣмъ самому создать рынокъ, гдѣ намъ вздумается, я построилъ бы нѣсколько павильоновъ, которые и назовемъ базарами. Несмотря на то, что эти павильоны были бы хуже построены и болѣе вредны для здоровья, хотя я постараюсь устроить ихъ какъ можно удобнѣе и красивѣе, словомъ, сдѣлать все, что только возможно будетъ, и несмотря на то, что я имъ ничего не обѣщалъ,—ибо не могу этого,—все таки народъ устремится туда, и эти бодрые и веселые люди создадутъ такой оживленный базаръ, о которомъ никто и не мечталъ. Безъ устали они будутъ зазывать покупателей и предлагать имъ товары. Они цѣлый день будутъ стоять на ногахъ и не устанутъ. Они не только ежедневно будутъ спѣшить сюда, чтобы попасть первыми, но употребятъ все возможное, чтобы безпрепятственно добывать себѣ свой заработокъ. И если по окончаніи недѣли они въ итогъ этой молодецкой работы подсчитаютъ только три франка за день, полтора рубля, то они съ надеждой будутъ ожидать слѣдующей недѣли, авось она окажется лучшей.

Кто же одарилъ ихъ этой надеждой? Кто научилъ ихъ надѣяться? Кто вселилъ имъ вѣру въ лучшее будущее?

Мы... Мы одарили ихъ... „Блаженъ кто вѣруетъ!“

Но меня могутъ спросить, откуда появятся потребности? Кто будетъ потребителями на этихъ базарахъ?... Слѣдуетъ ли еще объ этомъ говорить?...

Раньше я указалъ на то, что, благодаря` вспомоществованію черезъ доставку работы, замѣчается, что 10 су превращается въ 150, что заработокъ увеличивается въ пятнадцать разъ. Прослѣдимъ же теперь, вѣр-

но ли это тоже и въ большомъ, какъ и въ маломъ. Обыкновенно говорятъ, что, чѣмъ капиталъ больше, тѣмъ прогрессивно меньше барышъ, получаемый съ него. Да, если капиталъ бездѣтеленъ или робко упрятанъ, то дѣйствительно такъ, но капиталъ, который работаетъ, всегда приноситъ большой барышъ; въ этомъ то и замѣчается вся суть социальнаго вопроса. Но правъ ли я, мы сейчасъ увидимъ. Я приглашаю для этого въ качествѣ свидѣтелей богатѣйшихъ евреевъ и покорнѣйше прошу ихъ объяснить мнѣ, почему они занимаются столькими дѣлами, почему они за ничтожную плату посылають въ нѣдра земли людей рисковать своей жизнью и подвергаться различнымъ опасностямъ, добывая уголь. Я думаю, что наши богачи дѣлають это не для удовольствія рудокоповъ. Я далекъ отъ обвиненія капиталистовъ въ безсердечности и даже не допускаю этого. Я также не намѣренъ шутить, такъ какъ я искренно желаю, чтобы между всѣми евреями существовали миръ и согласіе, но...

Такъ вотъ, нужно ли мнѣ еще разъяснять толпѣ цѣль нашего переселенія и указывать на средства, какъ привлечь ее въ одно мѣсто?

Я никого не стану и не хочу въ чемъ либо увѣрять; ибо если я стану лгать, то ложь сама всплыветъ, въ истинѣ же моихъ словъ только со временемъ убѣдятся. Я хочу только напомнить и указать, какое значеніе имѣетъ для магометанина путешествіе въ Мекку, или для католика въ Лурдъ и другія мѣста,—а такихъ пунктовъ очень много, гдѣ люди находятъ утѣшеніе во имя вѣры.—Постараемся же указать и нашимъ собратьямъ конечный пунктъ ихъ вѣковыхъ страданій и стран-

ствованій, пунктъ, гдѣ бы они могли утѣшиться. Наше духовенство насъ пойметъ и пойдетъ съ нами рука объ руку.

Пусть всякій задается цѣлью найти свое новое отечество, создать государство и сохранить въ немъ необходимый порядокъ, который будетъ зависѣть не отъ прихоти одного или нѣсколькихъ лицъ, а твердо будетъ покоиться въ установленіяхъ и законахъ, и можно съ увѣренностью сказать, что такой пунктъ будетъ найденъ. Итакъ, если согласятся съ моими примѣрами, что толпа можетъ быть побуждаема къ переселенію только во имя вѣры въ нѣчто лучшее, только во имя вѣры въ пріобрѣтеніи спокойствія и свободы, то мотивы даннаго переселенія очень просты. Подобная цѣль можетъ только соблазнить толпу и способствовать тому, чтобы соединить ее воедино. Все это, взятое вмѣстѣ, образуетъ одно великое цѣлое, именно свободное отечество, котораго нашъ народъ не переставалъ искать, для котораго нашъ народъ перенесъ всѣ лишенія и притѣсненія. Когда движеніе начнется, однихъ перевезутъ, другіе сами поѣдутъ, третьи пристанутъ, четвертые будутъ вовлечены по необходимости и общимъ потокомъ, а пятыхъ заставятъ; и кто отправится въ новую страну съ вѣрой, съ воодушевленіемъ, кто изъ первыхъ примется энергично за работу, того ждетъ блестящая будущность.

Наши способности.

Ни объ одномъ народѣ не распространено столько ложныхъ и неправдоподобныхъ мнѣній, какъ объ еврейскомъ. Насъ до того угнетали и притѣсняли; благодаря историческому ходу вещей, мы до того упали духомъ,

что сами теперь увѣровали въ свою неспособность и въ справедливость прочихъ обвиненій, и повторяемъ объ этомъ ежедневно. Между тѣмъ, если бы наши притѣснители, обвиняя насъ, напримѣръ, въ неспособности къ труду и стремленію къ торговлѣ, должны будутъ согласиться въ томъ, что тамъ, гдѣ только есть возможность, евреи уже давно стараются и непрерывно спѣшатъ избѣгать торговли. Еврейскіе купцы въ большинствѣ случаевъ даютъ своимъ дѣтямъ среднее образованіе, а также посылаютъ въ университеты, вызывая новыя нареканія и обвиненія въ томъ, что они переполняютъ всѣ высшія и среднія учебныя заведенія. Но даже и въ болѣе мелкихъ сельско-хозяйственныхъ классахъ наши стремленія къ торговлѣ никоимъ образомъ не такъ велики, какъ о томъ думаютъ. Въ восточныхъ странахъ Европы имѣется огромное количество евреевъ, не занимающихся никакой торговлей и тѣмъ не менѣе не избѣгающихъ тяжелой физической работы. Стоитъ только Еврейскому Союзу собрать статистическія данныя о нашихъ евреяхъ, и онъ убѣдится, что всякія виды фабрично-заводской дѣятельности, которые ждуть евреевъ въ новой странѣ, вполне удовлетворяютъ теперешнихъ ремесленниковъ и мигомъ превратятъ многихъ мелкихъ теперешнихъ торговцевъ въ отличныхъ работниковъ. Еврей вообще очень бережливъ, находчивъ, исполнительенъ и быстро свыкается со всякой работой и специальностью, такъ какъ онъ преданъ своему семейству и готовъ для него пойти хоть въ огонь и въ воду.

Мнѣ кажется, что разносчикъ, бродящій цѣлую недѣлю по окрестностямъ съ тяжелой ношей на плечахъ, не чувствуетъ себя такъ хорошо, какъ о томъ думаютъ

его преслѣдователи, а между тѣмъ онъ очень честный и порядочный человѣкъ, котораго только обстоятельства и нужда заставили «гандлевать». Всѣ эти люди легко и охотно займутся какимъ-нибудь ремесломъ, если имъ дадутъ возможность сбывать продукты своей работы, и Еврейскому Союзу удастся совершенно уничтожить эту мелочную торговлю и превратить въ добрыхъ и честныхъ тружениковъ-ремесленниковъ всѣхъ разносчиковъ и лицъ безъ опредѣленныхъ занятій, давши имъ постоянный заработокъ. Къ тому же мелкая торговля вообще начала падать, тѣснимая крупными универсальными магазинами и складами, возникновеніе которыхъ слѣдовало бы намъ въ новыхъ странахъ поощрять, такъ какъ они способствуютъ болѣе легкому удовлетворенію необходимыхъ требованій быстро нарастающаго населенія.

ЕВРЕЙСКИЙ СОЮЗЪ и ЕВРЕЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Глава государства.

Еврейскому народу для внутреннихъ и внѣшнихъ сношеній и тому подобныхъ надобностей необходимо, конечно, какой-нибудь правитель, какой-нибудь глава, который бы вершилъ всѣ дѣла его. Но такимъ главой не можетъ быть одна личность; здѣсь необходима извѣстная моральная особь, которой можетъ быть только Еврейскій Союзъ. Этотъ созидательный органъ народнаго переселенія, задачи и обязанности котораго мы уже неоднократно излагали и изъясняли, тѣмъ болѣе имѣетъ всѣ преимущества предъ остальными видами правленія, что составить его очень легко и просто, ибо, возникнувъ

изъ среды тѣхъ англійскихъ евреевъ, заслуживающихъ
полнаго довѣрія, которымъ я въ Лондонѣ изложилъ свой
планъ и соображенія, онъ и явится центромъ предпри-
нятаго переселенія евреевъ.

Задавшись учеными и политическими цѣлями, Со-
юзъ прежде всего, по моему мнѣнію, долженъ будетъ
познакомиться съ современными научными данными и
предположеніями, ибо переселеніе не можетъ совершить-
ся такъ просто, какъ это было въ доброе старое время,
когда наши предки выходили изъ Египта. Собравши всѣ
данныя относительно численности и силы еврейскаго на-
рода, онъ будетъ для евреевъ тѣмъ же, чѣмъ нѣкогда
былъ нашъ великій старецъ, Моисей, избавитель нашъ
отъ ига египетскаго, исходъ котораго такъ же напомина-
етъ намъ наше теперешнее переселеніе, какъ прелестная
старая музыка—современную оперу. Наше переселеніе бу-
детъ такъ же покоиться на научныхъ соображеніяхъ, дан-
ныхъ статистики и другихъ цѣнныхъ приобрѣтеніяхъ науки,
какъ современную оперу сопровождаетъ блестящая обста-
новка, электрическое освѣщеніе, чудныя декораціи, гдѣ
тотъ же мотивъ исполняется съ огромнымъ числомъ скри-
покъ, флейтъ, арфъ, съ прекрасными хорами и перво-
классными артистами.

Пусть это сочиненіе возбудитъ ученыхъ изслѣдо-
ванія и споры относительно еврейскаго вопроса; пусть
этимъ вопросомъ займутся друзья и недруги—и я на-
дѣюсь, что исчезнутъ всѣ сентиментальныя защиты и
злые нареканія, лишеныя всякаго основанія; я надѣюсь,
что споры перейдутъ на научную почву, гдѣ нѣтъ мѣс-
та голословнымъ обвиненіямъ, что спорящіе будутъ ис-
кренно обмѣниваться своими соображеніями, вооружив-

шись научными и политическими данными. Союзъ же, собравъ и изучивъ всѣ эти рѣчи и мысли, высказанныя въ парламентахъ и собраніяхъ, на митингахъ и сходкахъ, все напечатанное въ газетахъ и книгахъ, основательно рѣшить, хотять ли и должны ли евреи переселиться въ собственную страну. Онъ займется тѣми данными о численности евреевъ на всемъ земномъ шарѣ и ихъ имущественномъ и политическомъ значеніи, которыя добыты точной статистикой.

Послѣдующія же задачи Союза, какъ-то: научныя изслѣдованія новой страны и ознакомленіе съ ея естественными богатствами, выработка общаго плана переселенія и поселенія, подготовительныя работы для составленія законовъ и управленія и т. п. будутъ, конечно, исполняться постепенно, по мѣрѣ того, какъ въ нихъ почувствуется надобность. Но прежде всего, какъ я уже говорилъ въ „Общей Части“, Союзу предстоитъ, съ одной стороны, попытаться, чтобы теперешнія правительства признали его извѣстнымъ органомъ, созидающимъ государство, что можетъ произойти только при быстромъ и свободномъ присоединеніи многихъ евреевъ къ его плану, ибо только въ такомъ случаѣ онъ можетъ пріобрѣсти извѣстный авторитетъ въ глазахъ нынѣшнихъ правительствъ, съ другой же стороны, т. е. по отношенію къ еврейскому народу, явиться тѣмъ необходимымъ на первыхъ порахъ учрежденіемъ или, выражаясь научнымъ терминомъ, тѣмъ зародышемъ, тѣмъ зачаткомъ, изъ котораго впослѣдствіи образуются официальные учрежденія еврейскаго государства. Слѣдовательно, первой, такъ сказать, заботой его будетъ пріобрѣтеніе неотъемлемыхъ правъ на достаточную земель-

ную территорію, необходимую для нашихъ справедливыхъ надобностей.

Вводъ во владѣніе.

Когда историческіе народы странствовали, они шли безъ опредѣленной цѣли, безъ опредѣленнаго плана и пути, куда, такъ сказать, глаза глядѣли. Не зная географическаго положенія земнаго шара, они блуждали, располагаясь тамъ, гдѣ застигала ихъ ночь, или гдѣ они находили для себя удобнымъ. Но въ наше время, когда все покоится на научныхъ данныхъ, эмиграція не можетъ происходить зря, а должна и будетъ руководиться точными научными основаніями.

Еще недавно, сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ странахъ, гдѣ добывалось золото, переселеніе совершалось примитивнымъ способомъ. Какъ странно, на примѣръ, происходило оно въ Калифорніи? На основаніи одной только молвы толпы людей стекались туда со всѣхъ концовъ земнаго шара, разоряли почву, воруя золото, какъ попало, и тутъ же теряя его подобнымъ же разбойническимъ образомъ въ проигрышахъ и попойкахъ. Но теперь! Можетъ ли подобное случиться въ наше время? Наблюдая сейчасъ, на примѣръ, какъ въ Трансваалѣ добывается золото, мы видимъ повсюду опытныхъ инженеровъ и геологовъ, изучающихъ почву и завѣдующихъ этой отраслью промышленности, мы видимъ превосходныя машины, очищающія золото изъ добытыхъ жилъ.... Случайности здѣсь не играютъ никакой роли.

Не слѣдуетъ пропускать мимо ушей этотъ примѣръ, но напротивъ, надо руководствоваться имъ и поступать при изслѣдованіи и культивировкѣ новой страны для ев-

реевъ такимъ же точно образомъ, какъ поступали въ Трансваалѣ, а не такъ какъ въ Калифорніи.

Какъ только территорія будетъ указана и назначена къ передачѣ, туда выѣзжаетъ спеціальный пароходъ съ уполномоченными отъ Союза, Общества и Отдѣльныхъ Группъ, задачи которыхъ будутъ, во-первыхъ, произвести научныя изслѣдованія естественныхъ богатствъ страны, во-вторыхъ, организовать центральное управленіе и, въ-третьихъ, распланировать и раздѣлить землю на участки. Всѣ эти задачи тѣсно связаны между собой и ведутъ къ одной опредѣленной цѣли, о которой мы уже достаточно говорили. Остается еще говорить только о томъ, какимъ образомъ земельная собственность будетъ раздѣлена между отдѣльными группами. Въ Америкѣ, напри-мѣръ, очень странно и даже смѣшно овладѣваютъ территоріей, которая должна перейти въ чье-либо владѣніе. Уполномоченные собираются на границѣ и врываются въ нее въ опредѣленный часъ, одновременно и насильно. Но въ новой странѣ евреямъ нѣтъ надобности такъ поступать. Разъ земельные участки въ провинціяхъ и городахъ будутъ продаваться съ аукціона, правда не за деньги, но за извѣстныя повинности, для чего же врывать? Всѣ работы будутъ распределены по провинціямъ, по заранѣе составленному всеобщему плану, затѣмъ будетъ строго установлено, гдѣ нужно строить улицы, мосты, водопроводы и прочее, необходимое для правильныхъ сношеній, и представители отдѣльныхъ группъ возьмутъ на себя обязательство все выполнить въ точности, на собственный, конечно, счетъ. Союзъ позаботится только о томъ, чтобы отдѣльныя группы не должны были много тратиться и жертвовать на общественныя учрежденія. Такимъ обра-

зомъ, небольшія группы получаютъ небольшіе участки, большимъ же группамъ или цѣлымъ обществамъ будутъ отданы большіе участки. Сообразно съ этимъ, конечно, небольшимъ группамъ придется носить меньше повинностей при постройкахъ общественныхъ учрежденій; большія же группы будутъ носить и большія повинности; что же касается государственныхъ учрежденій, въ родѣ университетовъ, специальныхъ или общеобразовательныхъ школъ, различныхъ ученыхъ комиссій и институтовъ, которые могутъ и не быть въ главномъ городѣ, но будутъ распределены и построены по всей странѣ, то въ данномъ случаѣ Союзъ придетъ на помощь своими средствами. Гарантіей же за правильное исполненіе принятаго является собственный интересъ владѣльцевъ, и, въ крайнемъ случаѣ, мѣстныя власти, ибо, не будучи въ состояніи, да и не желая считаться съ каждымъ въ отдѣльности, мы охотно будемъ вѣдаться съ отдѣльными группами. Все создастся и устроится такимъ образомъ само собой; всѣ благопріобрѣтенныя права будутъ защищаться, а всякое новое начинаніе—поощряться и получать достаточное поле для своей дѣятельности. Впрочемъ, всѣ условія будутъ хорошо извѣстны всѣмъ и каждому, и мы не обманемъ самихъ себя, подобно тому, какъ не хотимъ обижать или подводить другихъ; все будетъ создаваться по плану, который, насколько я въ единственномъ числѣ въ силахъ обнять его,—будетъ выработанъ и составленъ нашими опытными специалистами, юристами, учеными и купцами. Не будутъ забыты, конечно, и успѣхи, достигнутые въ соціальныхъ и техническихъ наукахъ по сію пору и ожидаемые въ будущемъ, когда нашъ планъ будетъ только приводиться въ

исполненіе; все будетъ употреблено съ пользою. Не будутъ, конечно, забыты и всѣ счастливыя и удачныя изобрѣтенія и открытія, которыя намъ уже извѣстны, и которыя ученый міръ еще готовится обнародовать. Такимъ образомъ и культивировка страны и основаніе городовъ сможетъ произойти съ небывалыми шансами на успѣхъ.

Конституція.

Союзъ значительно облегчить себѣ задачу устройства государства, если поручить комиссіи изъ опытныхъ юристовъ составить образцовую и умѣренную конституцію въ современномъ духѣ, ибо только такая, по моему мнѣнію, можетъ быть самой лучшей. Что же касается формы правленія, то лучшей нужно признать либо демократическую монархію либо аристократическую республику, такъ какъ форма правленія должна вполне соответствовать принципу управленія.

Я лично большой поклонникъ и другъ монархическаго правленія, ибо только въ такомъ случаѣ возможна болѣе или менѣе постоянная политика, связанная своими интересами съ однимъ, исторически прославленнымъ, родомъ, члены котораго рождены и воспитаны для власти. Но наша исторія, къ сожалѣнію, претерпѣла такую массу превратностей, что думать о какомъ-нибудь царскомъ родѣ невозможно, да и было бы смѣшно, если бы мы попытались его отыскивать. Демократическое же правленіе безъ полезнаго противовѣса со стороны монарха, кромѣ того что страдаетъ во время рѣшенія какихъ-нибудь вопросовъ, вслѣдствіе своей огромности и массы противорѣчивыхъ мнѣній, къ тому же всегда ведетъ въ парламентахъ къ безплодному переливанію „изъ пустого въ

порожнее“ и создаетъ постыдную клику досужихъ „политиковъ по обязанности“. Современные народы, впрочемъ, и не способны къ неограниченному демократическому правленію, и я думаю, что и въ будущемъ они не будутъ способны къ нему. Настоящая демократія всегда требуетъ простыхъ нравовъ, между тѣмъ какъ наши нравы созданы культурой и зависятъ отъ сношеній съ сосѣдями. „Le ressort d'une démocratie est la vertu“, сказалъ мудрый Монтескье. Но гдѣ же найти эту добропорядочность, конечно, политическую? Я думаю, что не въ насъ, ибо мы ничѣмъ не отличаемся отъ остальныхъ современниковъ, и, на первыхъ же порахъ, мы будемъ такъ же пѣтушиться отъ избытка свободы, какъ и всякій другой народъ. Къ тому же я не допускаю, чтобы масса рѣшала различные вопросы, подлежащіе докладу, такъ какъ въ политикѣ нѣтъ такихъ односложныхъ вопросовъ, которые можно было бы рѣшать однимъ только „да“ или „нѣтъ“, какъ это было въ древности. Если парламентъ нельзя признать однимъ изъ лучшихъ видовъ конституціоннаго правленія, то тѣмъ менѣе можно массу признать способной здраво рѣшать политическіе вопросы, массу, которая очень часто подвержена ложнымъ слухамъ и ошибкамъ и которая очень легко поддается на удочку всякому крикуну. Тѣмъ менѣе можно требовать разумнаго веденія внѣшней и внутренней политики отъ народа, собраннаго со всѣхъ концовъ свѣта. Этимъ должны заниматься высшіе классы, что, во всякомъ разѣ, не устраняетъ низшій классъ, такъ сказать, отъ управленія. Разъ въ еврейскомъ государствѣ никто не будетъ порабощенъ и всякому будетъ предоставлена полная свобода къ самоусовершенствованію, то, слѣдователь-

но, всякій еврей будетъ имѣть право надѣяться и также сможетъ сдѣлаться спицей въ главномъ колесѣ государственнаго механизма. Всякій и каждый въ отдѣльности, слѣдовательно, будетъ думать только о томъ, какъ себя самого усовершенствовать, а тѣмъ самымъ и весь народъ *in toto* будетъ совершенствоваться, въ нравственномъ смыслѣ, на пользу государства и на благо нашей народной идеи. Итакъ, я склоняюсь скорѣе въ пользу аристократической республики, тѣмъ болѣе, что оно вполне согласуется съ честолюбивымъ сознаніемъ нашего народа, принужденнаго теперь влачить жалкое существованіе.

Мнѣ, правда, приходятъ на память нѣкоторыя учрежденія Венеціи, благодаря которымъ она погибла, но вѣдь это все можно будетъ измѣнить. Воспользовавшись историческими ошибками, мы тѣмъ самымъ избѣгаемъ ихъ, а нашъ народъ, которому Союзъ даетъ новую страну, съ благодарностью приметъ и его конституцію. Всякое же сопротивленіе будетъ строго преслѣдоваться и уничтожится, ибо не можетъ же Союзъ давать волю различнымъ единичнымъ личностямъ, недовольнымъ или несогласнымъ.

Я з ы к ъ.

Можетъ быть—кому нибудь приходитъ на умъ, что затрудненія произойдутъ отъ того, что у насъ нѣтъ единого языка, на которомъ бы всѣ могли изъясняться, ибо древне-еврейскимъ языкомъ мы не можемъ пользоваться. Развѣ есть кто-нибудь, кто, пользуясь имъ, могъ бы купить себѣ, напримѣръ, хотя-бы желѣзнодорожный билетъ? Вѣдь нѣтъ!

Тѣмъ не менѣе все очень легко и исполнимо. Всякій сохранить тотъ языкъ, которому онъ научился въ

своёмъ отечествѣ. Стоитъ только вспомнить Швейцарію, въ которой нѣтъ господствующаго языка, что не мѣшаетъ ей между тѣмъ быть самостоятельнымъ государствомъ, и всякій тотчасъ согласится, что съ этой стороны не можетъ быть препятствій. Мы останемся „на новосѣлѣ“ тѣмъ же, чѣмъ мы были до сихъ поръ, подобно тому какъ, затаивъ боль въ сердцѣ, мы не перестанемъ любить своего отечества, изъ котораго насъ вытѣснили, изъ котораго мы принуждены были уйти. Что же касается того жалкаго и несчастнаго жаргона, которымъ мы теперь пользуемся; того проклятаго языка, который мы приобрѣли, заключенные въ нашихъ смрадныхъ гетто, то наши народные учителя, конечно, уже обратятъ все свое вниманіе и приложатъ всѣ старанія, чтобы изгнать его, а тѣмъ временемъ приобрететъ права гражданства и сдѣлается главнымъ языкомъ тотъ, который мало по малу окажется самымъ полезнымъ и общеупотребительнымъ. Нашъ народъ, по истинѣ, какой-то своеобразный и особый, познающій своихъ единовѣрцевъ только благодаря единой церкви, благодаря единой религіи своихъ предковъ.

Т е о к р а т і я .

Но можетъ быть въ концѣ концовъ у насъ будетъ теократическое правленіе? На это, положимъ, можно отвѣтить отрицательно. Религія насъ соединяетъ, но совѣсть—освобождаетъ. Мы не дадимъ даже возникнуть безсильнымъ желаніямъ нашего духовенства. Предоставивъ имъ наши храмы, какъ предоставляемъ нашей милиціи казармы, мы настолько удѣлимъ имъ права и уваженіе, насколько того заслуживаютъ и требуютъ обязанности того и другаго.

Всякій можетъ свободно исповѣдывать какую ему угодно религію, или вовсе никакой не исповѣдывать подобно тому, какъ онъ ничѣмъ не связанъ съ той или другой національностью. И если случится, что среди насъ будутъ жить лица другихъ исповѣданій, или другихъ національностей, то они будутъ также пользоваться всѣми правами и покровительствомъ государства, какъ и аборигены страны. Насъ въ Европѣ научили терпимости, въ самомъ серьезномъ смыслѣ этого слова; говоря это, я не думаю иронизировать. Разсматривать же нашъ те- перешній антисемитизмъ, какъ религіозную нетерпимость, можно только въ нѣкоторыхъ странахъ; въ большинствѣ же случаевъ онъ является для культурныхъ народовъ только орудіемъ, при помощи котораго они хотѣли бы предотвратить грозный призракъ ихъ собственной старины.

З а к о н ы.

Когда мысль объ образованіи государства постепенно перейдетъ изъ области предположеній въ область фактовъ. Союзъ поручить коллегіи юристовъ приготовить предварительныя работы для составленія свода законовъ, а эмигрирующие тѣмъ временемъ будутъ подчиняться и руководствоваться законами своего отечества. Вскорѣ, впрочемъ, будетъ составленъ и кодексъ, заключающій въ себѣ законы, вполне соотвѣтствующіе современнымъ требованіямъ.

В о й с к о.

Такъ какъ предполагается создать еврейское государство нейтральнымъ, то для охраны порядка извнѣ и извнутри ему необходима только милиція, вооруженная, тѣмъ не менѣе, по всѣмъ современнымъ требованіямъ военнаго искусства.

Знамени у насъ нѣтъ никакого, между тѣмъ какъ мы въ таковомъ нуждаемся, ибо если собирають огромное число людей, то надъ ихъ предводителями или начальниками долженъ развиваться какой-нибудь символическій знакъ. Въ данномъ, именно, случаѣ я предложилъ бы бѣлый флагъ съ семью золотыми звѣздами, гдѣ бѣлое поле символически обозначало бы собою новую свѣтлую жизнь, а звѣзды — нашъ семичасовой рабочій день, ибо во имя труда евреи идутъ въ новую страну.

Взаимная солидарность и международные договоры.

Стремясь къ тому, чтобы еврейское государство, созданное какъ можно лучше, пользовалось въ будущемъ всемірнымъ уваженіемъ, мы должны позаботиться о томъ, чтобы всѣ обязательства были исполнены „на старосѣлѣ“ со всевозможной точностью, ибо дешевый проѣздъ и всякія другія льготы и удобства для поселенія будутъ предоставлены Еврейскимъ Союзомъ и Обществомъ только тѣмъ изъ эмигрирующихъ, кто будетъ снабженъ свидѣтельствомъ отъ прежняго начальства, что „все въ порядкѣ и переѣздъ разрѣшенъ“. Что же касается частныхъ требованій, могущихъ возникнуть тамъ и сямъ „на старосѣлѣ“, то и ихъ мы охотно въ новомъ государствѣ станемъ удовлетворять, не дожидаясь даже взаимной солидарности, ибо мы стремимся заслужить уваженіе и довѣріе. Изъ всего предыдущаго само собой понятно, что до того момента, когда нашъ кодексъ будетъ принятъ и мы станемъ пользоваться такими же законами, какъ и всякій другой цивилизованный народъ, мы сможемъ легче, чѣмъ какое-либо другое государство, получить и

своихъ преступниковъ. Чтобы избавить нашихъ преступниковъ отъ заслуженнаго наказанія, мы воспользуемся этимъ переходнымъ временемъ даже и въ томъ случаѣ, если они уже потерпѣли наказаніе за свою вину. Мы примемъ ихъ и дадимъ возможность начать среди насъ обновленную жизнь, такъ что для многихъ евреевъ переселеніе явится счастливымъ исходомъ. Ужасныя внѣшнія условія жизни, которыя, испортивъ ихъ характеръ, можетъ быть, были причиной ихъ гибели, теперь будутъ устранены, и погибшіе или погибающіе смогутъ спастись.

Мнѣ вспоминается одинъ случай изъ жизни золотоискателей, который я позволю себѣ здѣсь вкратцѣ изложить. Однажды на золотые пріиски явился какой-то человѣкъ; попыталъ счастье то въ томъ, то въ другомъ, но не въ добываніи золота, и, наконецъ, устроилъ фабрику льда, которая стала очень успѣшно работать. Очень скоро, благодаря своей благотворительности и другимъ качествамъ, онъ приобрѣлъ всеобщее уваженіе, какъ вдругъ черезъ нѣкоторое время его арестовали, обвиняя въ томъ, что, будучи во Франкфуртѣ банкиромъ, онъ что-то сплутовалъ, кого-то обманулъ, затѣмъ исчезъ. И вотъ, явившись сюда подъ чужимъ именемъ, началъ новую жизнь. Но когда его арестованнаго провезли по городу и доставили на вокзалъ, туда явились самые уважаемые люди пріисковъ, дружески съ нимъ разстались и на прощанье пожелали ему искренняго „до свиданія!“, ибо они были увѣрены, что онъ вернется назадъ.

Какой же отсюда выводъ? А тотъ, что новая жизнь очень часто исправляетъ преступниковъ, превращая ихъ въ полезныхъ гражданъ. Впрочемъ, у насъ вообще очень

мало преступниковъ, въ чемъ легко можно убѣдиться изъ интересной статистики д-ра П. Натана въ Берлинѣ „Уголовность евреевъ въ Германіи“, составленной на основаніи офіціальныхъ данныхъ, по порученію комитета „для защиты противъ антисемитическихъ нападокъ“. Эта работа, переполненная цыфрами, увидѣла свѣтъ, какъ и многія другія „защиты“, только благодаря тому ошибочному мнѣнію, что можно опровергнуть и уничтожить антисемитизмъ, опираясь на статистику. Не отрицая всей цѣнности, которую она будетъ имѣть въ исторіи уголовности евреевъ, я тѣмъ не менѣе сомнѣваюсь, чтобы она въ данномъ случаѣ принесла какую-нибудь пользу. Насъ одинаково ненавидятъ и презираютъ, какъ за наши успѣхи и преимущества, такъ и за наши ошибки.

Выгоды отъ переселенія евреевъ.

Я надѣюсь, что нынѣшнія правительства, добровольно ли, или принужденные своими антисемитами, непременно обратятъ вниманіе на этотъ проэктъ. Можетъ быть, съ самаго начала онъ тамъ и сямъ будетъ радушно встрѣченъ, особенно въ тѣхъ странахъ, гдѣ теперь господствуетъ антисемитизмъ, ибо не опасность угрожаетъ экономическому состоянію государствъ отъ переселенія евреевъ согласно моему проэкту, но, напротивъ, ихъ ждетъ продолжительное благополучіе. Тотъ вредъ, котораго такъ боятся и который имѣлъ произойти, либо совершенно не случится, или въ крайнемъ случаѣ, будетъ очень незначителенъ.

Мысль, что должно наступить обѣдненіе въ покидаемыхъ евреями странахъ, лишена всякаго основанія,

чтобы не сказать больше... Нельзя же въ самомъ дѣлѣ сравнить отъѣздъ вслѣдствіе травли,—когда всякій бѣжитъ, какъ во время войны, куда глаза глядятъ, покидая свое имущество, какъ попало, вслѣдствіе чего наступаетъ опустошеніе и бѣдность,—съ правильнымъ и добровольнымъ переселеніемъ мирныхъ колонистовъ, когда все совершается при полномъ сохраненіи благопріобрѣтенныхъ правъ, вполне законно, открыто и свободно, среди бѣла-дня, на глазахъ начальства и подъ контролемъ общественнаго мнѣнія; къ тому же вѣдь начнется то внутреннее переселеніе, о которомъ я уже говорилъ, и хрістіане постепенно и въ полномъ порядкѣ займутъ торговли и другія предпріятія, оставленныя евреями. Легко теперь понять, что такимъ образомъ выселеніе хрістіанъ-бѣдняковъ въ другія страны прекратится, такъ какъ для нихъ откроется поле дѣятельности въ мѣстахъ, покинутыхъ евреями. Слѣдовательно, если только намъ не будутъ препятствовать, а напротивъ покровительствовать и помогать, то переселеніе наше будетъ имѣть безусловно благотворное вліяніе.

Кромѣ того, европейскія государства ждутъ еще та выгода, что чрезвычайно увеличится вывозъ товаровъ, такъ какъ переселившіеся евреи, привыкшіе къ европейскому образованію, еще долго будутъ „на новосѣлѣ“ лнуть къ Европѣ и, по необходимости, выписывать оттуда все нужное для удовлетворенія своихъ потребностей. Правда, представители отдѣльныхъ группъ позаботятся о мѣстной выработкѣ продуктовъ, для правильнаго и своевременнаго удовлетворенія возникающихъ потребностей, но все-таки потребности, къ которымъ привыкли, еще долго должны будутъ быть удовлетворяемы изъ тѣхъ мѣстъ, откуда мы вышли.

Но самой существенной и самой важной выгодой будетъ, безъ сомнѣнія, разрѣшеніе соціальнаго вопроса, или, по крайней мѣрѣ, облегченіе его на продолжительное время, во всякомъ случаѣ, лѣтъ на двадцать или даже больше, словомъ, до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться еврейское переселеніе и долго еще потомъ. Въдѣ причины возникновенія соціальнаго вопроса зависятъ только отъ развитія техническихъ пособій. Такъ напри-мѣръ, отовсюду паръ стянулъ людей къ машинамъ на фабрикахъ, гдѣ давить ихъ и дѣлаеть несчастными, такъ какъ продукты фабричной дѣятельности огромны, предложеніе превышаетъ спросъ, все дѣлается безъ опредѣленнаго плана, безъ предварительнаго ознакомленія съ статистическими данными, никто не справляется съ тѣмъ, требуется или не требуется данный продуктъ въ такомъ огромномъ количествѣ, а слѣдствіемъ подобнаго положенія дѣлѣ являются тяжелые крахи и экономическіе кризисы, влекущіе за собою неминуемо въ ужасную пропасть нищеты и невѣжества и несчастныхъ рабочихъ. Паръ сдавилъ ихъ, а электричество ихъ, вѣроятно, опять разсѣть и поставить, можетъ быть, въ лучшія условія рабочей жизни. Во всякомъ случаѣ технологи, эти благодѣтели рода человѣческаго, будутъ работать и при переселеніи евреевъ, и да позволено намъ будетъ надѣяться, что они откроютъ еще много чудеснаго, какъ и до сихъ поръ, или даже еще болѣе чудесное. Уже близко то время, когда исчезнетъ изъ языка технологовъ слово „невозможно“. И если бы всталъ изъ гроба современникъ прошлаго столѣтія, то онъ былъ бы очарованъ, назвавъ нашу теперешнюю жизнь цѣлымъ рядомъ волшебныхъ картинъ. Гдѣ мы, современные люди,

появляемся съ нашими пособіями, тамъ пустыня превращается въ роскошный садъ, а тряское, гніющее болото въ плодороднѣйшія поля. Чтобы создать города, теперь нужны только годы, въ то время какъ въ прежнія историческія эпохи требовались вѣка, примѣромъ чему служить Америка. Громадныя пространства и огромныя моря теперь уже не служатъ помѣхой при сообщеніи. Современные духовныя богатства уже теперь огромны, каждый новый день еще умножаетъ; сотни тысячъ людей ежедневно думаютъ, ищутъ, изслѣдуютъ во всѣхъ концахъ земного шара, и, что одинъ открываетъ или изобрѣтаетъ, то въ самое непродолжительное время дѣлается достояніемъ всего міра. А такъ какъ и мы имѣемъ право производить опыты и изслѣдовать, усовершенствовать и быть полезными человѣчеству, то произведемъ на первыхъ порахъ опытъ съ семичасовымъ рабочимъ днемъ, на пользу и благо всего человѣчества, и позаботимся о лучшей организаціи общественной благотворительности.

Все, что было заведено и устроено евреями, останется „на староселѣ“, конечно, такъ, какъ оно было. Еврейская предприимчивость будетъ витать тамъ, гдѣ ей будутъ рады; и еврейскіе капиталы будутъ себѣ искать примѣненія тамъ, гдѣ благополучно обрѣтаются ихъ владѣльцы. И если теперь повсюду презираютъ наши деньги, заставляя ихъ искать на чужбинѣ самыхъ неподходящихъ помѣщеній, то при мирномъ и благополучномъ разрѣшеніи еврейскаго вопроса, при помощи предлагаемаго проекта, все измѣнится, и они будутъ способствовать дальнѣйшему процвѣтанію теперешняго мѣстопробыванія евреевъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Какъ много еще недосказано, сколько недостатковъ, вредныхъ колебаній и безполезныхъ повтореній заключается въ этомъ сочиненіи, несмотря на то, что я очень долго обдумывалъ и часто передѣлывалъ его.

Искренній и сочувствующій читатель, понимающій и недосказанное, не оставитъ этой книжки изъ-за ея недостатковъ и недомолвокъ, но напротивъ самъ поставится ихъ исправить и принять участіе своими умственными и нравственными силами въ дѣлѣ, которое принадлежитъ не одному лицу. Что же касается меня, то я кажется вполне выяснилъ суть дѣла и главные условія для его удачнаго выполненія.

Нѣкоторыя возраженія я правда предвидѣлъ. но я знаю, что есть еще очень много другихъ, менѣе важныхъ и болѣе важныхъ, изъ которыхъ довольно видное мѣсто занимаетъ возраженіе, что на свѣтѣ существуетъ не одна только нужда и бѣдственное положеніе евреевъ;—но я думаю, что о своихъ мы обязаны какъ можно скорѣе позаботиться, ибо, если мы сами не будемъ стремиться къ самостоятельности и заботиться о себѣ, кто же посторонній позаботится о насъ? Впрочемъ, намъ могутъ сказать, что лучше сгладить или, вѣрнѣе сказать, стереть съ лица земли границы, отдѣляющія насъ отъ остальныхъ людей, чѣмъ заботиться о томъ, чтобы создать еще болѣе рѣдкія отличія, но я думаю, что такъ могутъ говорить только милые мечтатели, память о которыхъ давно исчезнетъ съ лица земли, когда идея объ отечествѣ будетъ еще въ полномъ расцвѣтѣ. Всеобщее братство есть только пріятная мечта, а вражда не-

обходима, хотя бы для высшихъ эгоистическихъ цѣлей. Но какъ же? Разъ евреи не будутъ имѣть враговъ въ своемъ собственномъ государствѣ, то они сдѣлаются слабыми, постепенно станутъ вымирать, еврейской націи въ скоромъ времени угрожаетъ совершенное исчезновеніе?— Я думаю, что евреи, какъ и всякая другая нація, будутъ всегда имѣть достаточное количество враговъ и недруговъ, но, какъ только у нихъ будетъ своя собственная земля, они уже не смогутъ снова разсѣяться по всему свѣту. Не можетъ государство быть предано уничтоженію, разъ будетъ существовать всемірная культура. Нынѣшняя же культура достаточно могущественна и обладаетъ всѣмъ необходимымъ для своей самозащиты, такъ что только ограниченный человѣкъ можетъ въ наше время страшиться за благосостояніе государства и бояться его уничтоженія.

Что же касается менѣе важныхъ возраженій, то имъ числа нѣтъ, подобно тому, какъ нѣтъ числа зау-ряднымъ людямъ въ сравненіи съ выдающимися; но нѣкоторыя изъ нихъ я все таки попытаюсь опровергнуть. Всякій, кто хочетъ стать подъ бѣлымъ знаменемъ съ семью звѣздами, долженъ мнѣ помочь въ этомъ, ибо очень легко можетъ случиться, что придется бороться съ злыми, малодушными и ограниченными людьми, къ сожалѣнію, съ нашими же собратьями.

Но, можетъ быть, скажутъ, что я даю антисемитамъ оружіе въ руки, потому ли что я подношу голую правду, или потому, что я не провозглашаю, что мы всѣ безъ исключенія превосходные люди и что между нами нѣтъ дурныхъ? Или, можетъ быть, скажутъ, что я указываю антисемитамъ путь, благодаря которому намъ

могутъ вредить? Такъ я рѣшительнымъ образомъ отрицаю это. Все, что я предлагаю, можетъ быть исполнено только въ томъ случаѣ, если евреи охотно и въ огромномъ числѣ примкнутъ къ моему проэку. Можно говорить противъ единичныхъ личностей и вредить обществамъ, составленнымъ нынѣшними могущественными евреями, но никто никогда и ни въ какомъ случаѣ не станетъ говорить противъ цѣлаго государства и всѣхъ евреевъ. Равноправіе евреевъ въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь существуетъ и санкціонировано закономъ, не можетъ быть увеличено; неоднократно мы въ этомъ убѣждались хотя бы изъ того, что подготовительныя работы и попытки къ увеличенію ихъ правъ уже обрекаютъ всѣхъ евреевъ, бѣдныхъ и богатыхъ, произволу различныхъ гибельныхъ партій; официальное же уменьшеніе ихъ правъ повсюду имѣло своимъ слѣдствіемъ экономическіе кризисы. Слѣдовательно, ничего существеннаго противъ насъ нельзя предпринять, если не желаютъ причинить самому себѣ вреда. Между тѣмъ ненависть все растетъ и растетъ. Богачи очень мало это замѣчаютъ и чувствуютъ, но наши бѣдняки! Пусть спросятъ ихъ, увеличивающихъ собой ряды пролетаріата пропорціонально возникновенію и увеличенію антисемитизма, и тогда все станетъ ясно. Но, можетъ быть, нѣкоторые изъ тѣхъ, кто пользуется теперь благосостояніемъ, думаютъ, что гнетъ не столько великъ, чтобы нужно было эмигрировать, и укажутъ на то, что евреи не охотно уходятъ даже при насильственномъ изгнаніи ихъ? Такъ это происходитъ оттого, что они не знаютъ куда идти; что они принуждены переходить изъ одной чужбины въ другую! Мы же имъ указываемъ путь въ давно-желанную

страну, хотя при этомъ не скрываемъ, что могущественной силѣ воодушевленія придется бороться съ страшной силой привычки.

Могутъ сказать, что преслѣдованія далеко не такія ужасныя, какъ это было въ средніе вѣка? Да, оно-то такъ, но за это время наша чувствительность возросла настолько, что мы не видимъ никакого уменьшенія нашихъ страданій. Долгія, многовѣковыя преслѣдованія слишкомъ разстроили наши нервы.

Наконецъ, могутъ сказать, что предпріятіе это безцѣльно и безнадежно, даже въ томъ случаѣ, если мы уже получимъ страну и самостоятельность, такъ какъ туда послѣдуютъ только бѣдники! Но они то намъ и нужны! Отчаявшіеся и потерявшіе надежды только и годятся для завоеваній и пріобрѣтеній. Намъ можетъ еще кто-нибудь замѣтить, что если бы это было возможно, то давнымъ-давно бы сдѣлали это? Такъ вѣдь раньше этого нельзя было сдѣлать, а теперь возможно. Только сто, пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ на это посмотрѣли бы, какъ на несбыточную мечту, на пустую бредню, теперь же это все—насущная необходимость. Богатые люди отлично сознаютъ, что съ деньгами все можно сдѣлать, и тѣ бѣдники и простолюдины, которые и неподозрѣваютъ всего значенія естественной силы человѣка, безъ сомнѣнія, увѣруютъ въ новую миссію, такъ какъ они не потеряли еще надежды на полученіе новой страны.

Такъ оно, собратья! Не сказка и не обманъ! Всякій можетъ въ этомъ легко убѣдиться, такъ какъ всякій изъ насъ носитъ въ себѣ мысль объ этой давно желанной странѣ и составляетъ часть обширнаго государ-

ственного механизма, кто своими умственными силами, кто физическими, а кто материальными. Но, можетъ быть, кто-нибудь думаетъ, что это дѣло очень продолжительное, что на образованіе государства потребуются, даже въ лучшемъ случаѣ, очень много лѣтъ, а тѣмъ временемъ надъ евреями будутъ насмѣхаться, евреевъ будутъ тѣснить, обирать, грабить, убивать,—тотъ глубоко заблуждается. Лишь только мы рѣшимся выполнить нашъ планъ, какъ тотчасъ утихнетъ и исчезнетъ антисемитизмъ, такъ какъ это рѣшеніе принесетъ съ собой и окончательный миръ.

Вѣсть объ основаніи Еврейскаго Союза, какъ молнія, облетитъ по телеграфу весь міръ, а одновременно съ этимъ наступитъ и облегченіе. Тотчасъ уѣдетъ излишекъ нашей интеллигенціи, въ лицѣ котораго мы будемъ имѣть необходимый составъ нашихъ первыхъ организацій. Тутъ будутъ начальники и чиновники, учителя и юристы, техники и врачи, и дѣло наше будетъ подвигаться впередъ поспѣшно, безъ какихъ-либо опасныхъ экономическихъ сотрясеній. За успѣхъ нашего дѣла будутъ молиться не только въ синагогахъ, но и въ церквахъ, ибо это есть освобожденіе отъ стараго гнета, отъ котораго равно терпѣли и терпятъ всѣ.

Но прежде всего съ нашимъ проэктомъ должны близко познакомиться тѣ, кому дороги интересы еврейства; мысль объ основаніи государства должна проникнуть въ самыя отдаленныя мѣста, гдѣ только живутъ наши братья, и всѣ евреи, наконецъ, откажутся отъ своего безполезнаго выжиданія, такъ какъ наша жизнь вступитъ въ новую фазу. Всякій будетъ заботиться о самомъ себѣ, и число желающихъ само собою возрас-

теть. Какая слава ждетъ самоотверженныхъ борцовъ за наше правое дѣло! И я убѣжденъ, что изъ земли явятся необходимые люди. Маккавеи снова воскреснуть, и духъ ихъ и отвага будутъ витать надъ нами!

Еще разъ я повторяю, что евреи, которые захотятъ, будутъ имѣть свое отечество. Пора уже намъ, наконецъ, жить, какъ свободнымъ гражданамъ въ своей собственной странѣ, и умереть въ своемъ собственномъ отечествѣ. Нашей свободой освободится міръ, нашими богатствами онъ обогатится. Все, что мы будемъ принимать для своего собственного благосостоянія, будетъ принадлежать всему человѣчеству и способствовать его процвѣтанію.

РѢЧЬ,

произнесенная д-мъ Теодоромъ Герцлемъ въ Лондонѣ, въ Маккавейскомъ клубѣ, 6-го іюля 1896 года.

Перев. М. Базилевскаго.

Милостивые Государи!

Съ тѣхъ поръ, какъ я въ послѣдній разъ имѣлъ честь говорить предъ вами, еврейское дѣло подвинулось впередъ. Сегодня не могу вамъ сказать все, потому что важнѣйшія дѣла, которыя произошли, требуютъ чрезвычайно деликатнаго обращенія съ ними. Но я даю о нихъ конфиденціальныя объясненія тремъ уважаемымъ вами лицамъ, а именно: полковнику Гольдсמידу, серу Самуилу Монтегю и почтенному Зингеру.

Поэтому все, на что могу только указать, или о чемъ я долженъ умалчивать, подлежитъ нравственной отвѣтственности этихъ трехъ лицъ.

Значительнымъ шагомъ впередъ слѣдуетъ считать уже то, что планъ основанія еврейскаго государства самымъ серьезнымъ образомъ былъ рассмотрѣнъ вмѣстѣ со мною царствующими особами. Это немало удивить тѣхъ, которые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ смотрѣли на меня и на мою—по ихъ выраженію—сумасбродную идею съ иронической улыбкой. Смѣхъ, оскорбленія и подозрѣнія сопровождаютъ всякую идею на ея скорбномъ пути. Не было недостатка въ нихъ и въ нашемъ дѣлѣ. Но мы, не обращая на нихъ вниманія, продолжаемъ нашъ путь.

Когда я писалъ свое небольшое сочиненіе о еврейскомъ государствѣ, я попытался напередъ устранить всѣ возраженія. Но это не повело ни къ чему. Всѣ возраженія, которыя я старался въ моемъ сочиненіи предварительно и логично опровергнуть, несмотря на это, все-таки были мнѣ выставлены. Замѣчательно, что мои принципы не оспаривались, а были оставлены вовсе безъ вниманія. Многіе читаютъ въ книгѣ не то, что написано, а то, что имъ желательно видѣть въ ней. А тѣ, которые знали мою книгу только по заглавію! Тѣ произнесли надъ ней самый строгій судъ. Еврейское государство! Какая глу-

пость! Какое безуміе! Не есть-ли эта книга горькая насмѣшка со стороны ея автора надъ его несчастнымъ народомъ?

Рѣзкихъ возраженій противъ моей книги было безчисленное множество. Нѣкоторыя я сохранилъ, и они будутъ служить прекраснымъ памятникомъ для ихъ авторовъ, когда возникнетъ еврейское государство. Моя философія стала ясной и занимательной тѣмъ болѣе, что мои критики противорѣчили другъ другу болѣе рѣзко, чѣмъ мнѣ. Я стоялъ съ моимъ сочиненіемъ, какъ сказать, въ срединѣ. Одинъ объявилъ меня глупымъ оптимистомъ, другой—мрачнымъ пессимистомъ. На мой планъ смотрѣли, то какъ на обманчивое сновидѣніе, то какъ на сложную торговую операцію. Народы, между которыми мы живемъ, говорили одни, были-бы рады нашему уходу, но мы не уйдемъ; нѣтъ, утверждали другіе, намъ не дадутъ уйти, хотя-бы мы желали этого. Конечно и моей особы не оставили безъ вниманія и повсюду утверждали, что въ предполагаемомъ еврейскомъ государствѣ я намѣренъ сдѣлаться царемъ или министромъ. Другіе утверждали, что я разсчитываю занять постъ еврейскаго посланника въ Вѣнѣ. *On ne peut pas contenter tout le monde et son pere.*

Не вѣрьте тому, что каждое слово, встрѣчающееся въ моей брошюрѣ, высказано съ извѣстною цѣлью. Въ ней излагается политическая идея и въ политикѣ часто приходится руководствоваться принципомъ полезности.

Я пользовался различными указаніями для исправленія моихъ ошибокъ. Въ планѣ сдѣланы важныя измѣненія, требуемыя для практическаго осуществленія его. Я только хотѣлъ указать, какъ можно помочь глубокому, старому горю нашего народа. Но мои ошибки были полезны для нашего дѣла. Многіе глубокіе умы, желая исправить мои ошибки, приняли участіе въ нашей работѣ. Словомъ и печатью планъ еврейскаго государства былъ окончательно выработанъ лучшими му-
жиками и теперь онъ облетитъ по всѣмъ краямъ свѣта.

Клики живѣйшаго сочувствія поднялись во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ евреи терпятъ гоненія. Такого одушевленія я самъ не ожидалъ, хотя меня считаютъ оптимистомъ. Въ многочисленныхъ резолюціяхъ разныхъ обществъ и собраній отъ меня требовали, чтобы я, не откладывая въ долгій ящикъ, немедленно перешелъ отъ слова къ дѣлу. И точно, я рѣшился дѣйствовать, хотя меня считаютъ пессимистомъ.

Я тщательно собиралъ всѣ эти сообщенія, записки, резолюціи и газетные отзывы. Сначала я хотѣлъ было при первой публичной рѣчи моей предать ихъ гласности, но это могло произвести впечатлѣніе самовосхваленія моей особы, хотя они касаются самого дѣла. Собраніе этихъ письменныхъ документовъ я всецѣло передамъ въ распоряженіе имѣющаго образоваться общества «Society of Jews». Изъ этого можно вполнѣ убѣдиться, что мысль о еврейскомъ государствѣ не праздная мечта единичной личности, но раздѣляется очень многими. Я уже сегодня знаю, а завтра всѣ будутъ знать, что евреи хотятъ имѣть свое государство, гдѣ наконецъ имъ возможно было бы жить и дѣйствовать, какъ свободные люди. Многіе смущенно протираютъ еще себѣ глаза и спрашиваютъ: грезятъ ли они, или я грежу? Мы столько лѣтъ повторяемъ ежегодно: «Лешана габаа бирусалаимъ» и привыкли считать эти слова только выраженіемъ вздоха. Какъ же вдругъ явится возможность осуществленія ихъ! Но это такъ же возможно, какъ пробужденіе спящаго, какъ выздоровленіе больного. Это возможно, какъ освобожденіе заключеннаго, не осужденнаго на вѣчное заточеніе.

Евреи хотятъ избавиться отъ опасенія повторенія преслѣдованій. Ибо даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ евреи не подвергаются преслѣдованіямъ, ихъ радость сопровождается трепетомъ. Я имѣю на это много доказательствъ. Это доказываетъ каждый протестъ противъ моего плана со стороны полноправныхъ евреевъ. Они несправедливо думаютъ, что онъ можетъ подвергать опасности терпимость, которой они пользуются. И при первомъ іудеобоскомъ призывѣ какого-либо іудеоба нарушается ихъ жалкое спокойствіе и, съ ужасомъ озираясь, спрашиваютъ: уже начинается?

ВТОРОЙ КОНГРЕССЪ.

І. Рѣчь къ открытію 2-го конгресса въ Ба- зелѣ.

(16/25 августа 1898 г.).

Уважаемые члены конгресса!

Съ тѣхъ поръ какъ мы собрались въ первый разъ, сіонизмъ прошелъ уже годъ существованія. Нынѣ мы вторично съѣхались сюда, потому что мы не могли найти лучшаго мѣста и потому что насъ связываютъ узы признательности съ этимъ городомъ, въ которомъ наше, до тѣхъ поръ бездомное, движеніе могло высказать всѣ желанія и жалобы гонимыхъ людей.

Новое еврейское движеніе появилось въ свѣтъ чужимъ, для многихъ непостижимымъ. Нѣкоторымъ оно показалось привидѣніемъ прошлыхъ временъ. Еврейскій народъ былъ мертвъ и преданъ забвенію. Но мы смутно чувствовали, прежде чѣмъ это вошло въ наше сознаніе, что это невѣрно. Смерть—конецъ всѣхъ страданій; почему же мы продолжаемъ страдать? Изреченіе философа для насъ мѣняется такимъ образомъ: „Я страдаю, слѣдовательно я существую!“ И постепенно, съ каждой новой несправедливостью, это сознаніе принимало болѣе ясныя формы, пока не сложилось народное самосознаніе, не ставшее еще хотя общимъ достояніемъ, но одаренное способностью сообщаться другимъ. И дѣйствительно, оно проникало все дальше, возбуждая умы и сердца, вербуя старыхъ и молодыхъ, и первый конгрессъ сіонистовъ былъ уже проявленіемъ

этого возрожденнаго народнаго самосознанія. Но явились нѣкоторыя серьезныя опасенія для созыва нашего собранія изъ гражданъ различныхъ странъ. Не обвинять-ли насъ враги, что мы вздумали заключить международный союзъ противъ нашихъ христіанскихъ согражданъ? Не ухудшится-ли еще, благодаря этому, наше положеніе въ иныхъ странахъ? Въ противовѣсъ этому мы съ самаго начала, съ величайшей ясностью, всѣми нашими дѣйствіями доказывали, что мы отнюдь не желаемъ создать международный союзъ, а только международную дискуссію. И да будетъ это здѣсь еще разъ высказано и навсегда: у насъ не можетъ быть рѣчи о тайномъ сообществѣ, о скрытыхъ проискахъ и объ окольных путяхъ, а только объ открытомъ обсужденіи нашего настоящаго и будущаго подъ постояннымъ контролемъ общественнаго мнѣнія.

Въ нашихъ словахъ звучалъ, повидимому, правдивый тонъ, потому что конгрессъ неоднократно вызывалъ сочувствіе даже у тѣхъ, которые до того относились къ евреямъ равнодушно или недружелюбно. Каждая честная народная индивидуальность, не скрывающаяся подъ чужими масками, имѣетъ естественное право на уваженіе и терпимость со стороны другихъ народовъ, если она имъ ничѣмъ не грозитъ. Даже въ это, омраченное антисемитизмомъ, время не забудемъ, что ему предшествовала болѣе великодушная эпоха, когда всѣ культурные народы намъ даровали равноправіе. Намѣреніе было несомнѣнно доброе, но результатъ не былъ удовлетворителенъ. Въ насъ или въ другихъ надо искать причину этого? Вѣроятно, въ обоихъ или, быть можетъ, въ давно уже сложившихся обстоятельствахъ, которыхъ невозможно устранить законами и распоряженіями. Законы были дружелюбнѣе пріобрѣтенныхъ привычекъ. И мы дожили до реакціи, до этого колоссаль-

наго порыва „раскаянья“ у тѣхъ народовъ, которые недавно еще проявили намъ свою милость. Но эмансипація, которую нельзя-же отнять, пантисимитизмъ, наличность котораго нельзя-же отрицать, повели къ новому, великому слѣдствію. Историческій смыслъ эмансипаціи не могъ быть таковъ, что мы должны были перестать быть евреями, ибо насъ оттолкнули, когда мы захотѣли смѣшаться съ другими. Историческій смыслъ эмансипаціи долженъ скорѣе быть таковъ, что мы должны уготовить убѣжище нашему освобожденному народному духу. Этого мы-бы раньше не могли: теперь мы это можемъ, если мы этого желаемъ всѣми нашими силами.

Недостаточно еще, чтобъ мы чувствовали и сознали себя народомъ: велѣдъ за народнымъ самосознаніемъ должна пробудиться воля народа. Но въ этомъ дѣлѣ явились и являются нѣкоторыя трудности. Въ многолѣтнихъ бѣдствіяхъ мы разучились настойчиво желать, и мы до сего времени не рѣшались проявить наружку такіа стремленія, которыя другіе народы не только не скрываютъ, но даже цѣнятъ какъ лучшее достояніе общества. И такъ какъ и мы, наконецъ, это дѣлаемъ, то мы наталкиваемся на пассивное сопротивление людей, которымъ никакое измѣненіе не по душѣ и которые, изъ инертности, готовы сохранить даже самое неудобное положеніе: мы даже сталкиваемся съ враждебностью извѣстныхъ, такъ сказать, оффиціальныхъ круговъ еврейства. Такое явленіе, къ удивленію, обнаружилось въ протестахъ нѣкоторыхъ раввиновъ. Это останется навсегда замѣчательнымъ курьезомъ, что эти господа въ одно и тоже время молятся о Сіонѣ и выступаютъ противъ Сіона. Ихъ сопротивление объясняется пожалуй тѣмъ, что они первоначально не были увѣрены, присоединяются-ли ихъ общины къ новому призыву

Сіона. Между тѣмъ такая идея какъ наша не можетъ зависѣть отъ пониманія теперешнихъ представителей общины и отъ меркантильных соображеній ихъ духовныхъ пастырей. Почти повсюду широкіе слои народа за насъ. Они-то и образуютъ и содержатъ общину. Слѣдовательно, въ ихъ духѣ должно поступать. Изъ братскаго снисхожденія мы до сихъ поръ не выставляли на видъ это противорѣчіе; но необходимо, наконецъ, внести измѣненіе въ это дѣло. Нельзя дольше допустить, чтобъ въ еврейскихъ общинахъ агитировали противъ Сіона. Это — несуразное, невозможное положеніе. Мы должны положить ему конецъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ правленіе общины еще не состоитъ изъ нашихъ единомышленниковъ, должна быть начата избирательная кампанія. Людей, достойныхъ и способныхъ занять столь почетные посты и близкихъ къ намъ по своимъ взглядамъ, слѣдуетъ поднять на щитъ и поднести въ зданіе общины во имя національной идеи. Авторитетъ общины, средства, которыми она располагаетъ, люди, которыхъ она содержитъ — не должны быть использованы во вредъ народной идее. Я думаю поэтому, уважаемые члены Конгресса, что вы со мной согласитесь, если я поставлю какъ одну изъ нашихъ ближайшихъ задачъ — завоеваніе общинъ (*Eroberung der Gemeinden*).

Это и есть лойяльный и легальный путь для проявленія сіонистской воли народа, не только въ годовичныхъ совѣщаніяхъ, ради которыхъ мы здѣсь собираемся, но также въ каждодневной дѣятельности и одновременно во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ евреи. Недостаточно еще, чтобъ *мы* знали, въ какой мѣрѣ сіонистская мысль охватила еврейство: этотъ фактъ долженъ быть еще ясно показанъ. Избирательный бюллетень является для этого подходящимъ, вполне безупречнымъ средствомъ.

Внѣ еврейства наши стремленія приобрѣли уже много цѣнныхъ симпатій. Возбуждается только нѣкоторое сомнѣніе, не составляютъ-ли сіонисты одинокую, причудливую кучку людей, увѣренія и намѣренія которой не заслуживаютъ вниманія. Завоеваніе общинъ покажетъ размѣры нашего вліянія.

Когда мы желаемъ приобрѣсть, добиваемся симпатій не-еврейскаго міра въ пользу нашихъ стремленій, то и противъ этого нѣкоторые находятъ что возражать. Больше того, тѣ-же самые люди, которые насъ упрекаютъ, будто сіонизмъ воздвигаетъ новыя перегородки между людьми, порицаютъ насъ за то, что мы дорожимъ дружбой христіанъ - сіонистовъ. Но если мы пожимаемъ столь дружески протягивающіяся къ намъ руки, то мы это дѣлаемъ не изъ низменныхъ корыстныхъ побужденій. Въ этомъ прежде всего обнаруживается сила примиренія, присущая сіонизму. На этой почвѣ крѣпнущъ мысли, свободныя отъ вражды. Мы держимся несокрушимо нашего еврейства и при всемъ томъ приобретаемъ благородно-бескорыстныхъ друзей. Неужели это ужъ такъ скверно? Мы, будто создающіе новыя различія, сближаемъ людей нашей благотворной попыткой. Мы не прибѣгаемъ ни къ какимъ искусственнымъ пріемамъ; мы только заявляемъ себя тѣмъ, что мы на дѣлѣ; мы просто говоримъ правду.

И правда также, что въ такихъ друзьяхъ мы нуждаемся. Дѣло, которое мы имѣемъ въ виду, мы хоть и сдѣлаемъ собственными силами, но мы при этомъ должны быть окружены благосклонностью—иначе оно никогда не удастся. Чѣмъ мы заслуживаемъ этой благосклонности? Тѣмъ, что мы рѣшаемъ неразрѣшимый безъ нашего участія вопросъ, тяготящій надъ многими странами. Еврейскій вопросъ тяжело давитъ нѣкоторыя государства. При обсужденіи общаго положе-

нія въ истекшемъ году вы услышите, какъ многочисленны были доказательства въ пользу необходимости сіонизма, къ сожалѣнію, и на этотъ разъ. То здѣсь, то тамъ, то на югѣ, то на сѣверѣ вражда противъ евреевъ прорывается наружу. Ни одна культурная страна не лежитъ такъ далеко на западѣ, чтобъ быть свободной отъ этой травли; и ни одна полудивилизація не такъ отстала, чтобъ не знать новѣйшихъ ея формъ и лозунговъ. Внезапно толпа начинаетъ неистовствовать на улицахъ и, при свѣтѣ огня, уничтожаетъ еврейское имущество, а подчасъ и его владѣльцевъ.

Но это еще не самое худшее. Не кровопролитія, не опустошенія, не поруганія—самое худшее. Эти безпорядки причиняютъ тяжкій ущербъ оскорбленной душѣ нашего народа. Они все болѣе расшатываютъ чувство права и чувство самодостоинства, они превращаютъ пострадавшихъ въ враговъ общества — мачехи, въ которомъ подобное можетъ случиться. Не будемъ удивляться, что эти пролетаріи среди пролетаріевъ, что эти наиболѣе отчаявшіеся изъ людей находятся во всѣхъ самыхъ крайнихъ партіяхъ переворота. Не будемъ удивляться; попробуемъ лучше внести улучшеніе.

Отъ проникательныхъ государственныхъ дѣятелей слѣдуетъ пожалуй ожидать, что они поймутъ всю общественную опасность, скрывающуюся въ неразрѣшенномъ еврейскомъ вопросѣ. Говорятъ обыкновенно, что евреи разрушительный элементъ. Но такъ какъ мы желаемъ сдѣлать изъ евреевъ созидающій элементъ, то было бы логично, чтобъ насъ поддерживали всѣ тѣ, которые не желаютъ, чтобъ евреи все разрушали. Мы готовы начать строительную эпоху (*die Bauzeit*) въ еврействѣ. Для этого у насъ имѣется все въ изобиліи: люди, матеріаль, планы. Не хватаетъ намъ только—мѣста для строенія.

Конечно, то мѣсто, которое для насъ пригодно, особеннаго свойства. Ни одно мѣсто на землѣ не возбуждаетъ такихъ вожделѣній, какъ это мѣсто; и такъ сильно его желали всѣ народы, что подъ этими горячими желаніями оно засохло. Мы же думаемъ, что этотъ пустынный уголокъ Востока имѣетъ не только прошлое, но и будущее, подобно намъ самимъ. На этой почвѣ, на которой теперь такъ мало произрастаетъ, выросли идеи для всего человѣчества. И именно поэтому никто не можетъ отрицать, что между нашимъ народомъ и этой страной существуетъ непреходящая связь. Если вообще существуютъ законныя притязанія на какую либо часть земной поверхности, то всѣ народы, вѣрующіе въ библію, должны признать право евреевъ. Они могутъ это признать безъ зависти и безъ безпокойства, ибо евреи не представляютъ изъ себя политической силы и никогда болѣе политической силой не станутъ.

Что было бы, еслибъ этой страной завладѣла одна изъ существующихъ державъ—это другой вопросъ. Страна эта не только родина величайшихъ идей и несчастнѣйшаго народа—она и благодаря своему географическому положенію имѣетъ большое значеніе для всей Европы. Черезъ нее, въ неотдаленномъ уже времени, будетъ пролегать торговый и культурный путь въ Азію. Азія — дипломатическая проблема ближайшаго десятилѣтія. Со всей подобающей скромностью мы должны пожалуй напомнить, что мы сіонисты, которымъ такъ легко отказываютъ въ практическомъ пониманіи вещей, замѣтили и возвѣстили на нѣсколько лѣтъ раньше это предстоящее развитіе европейскаго соперничества. Уже теперь видно его начало. Вы знаете съ какимъ вниманіемъ всѣ державы слѣдятъ за каждымъ шагомъ въ этомъ направленіи какой либо

одной державы. И когда просвѣщеннѣйшій князь обитаемой земли предпринимаетъ въ близкомъ будущемъ поѣздку къ святымъ мѣстамъ, то въ комментаріяхъ общественнаго мнѣнія всѣхъ странъ слышится нѣкоторая удрученность, мѣстами даже открытая вражда. Эта страна не можетъ и не будетъ никогда находиться во владѣніи какой либо одной великой державы, потому что ее охраняють лучше всѣхъ; ее тщательно охраняетъ не только ея теперешній владѣлецъ, но и всѣ остальные.

Останется ли она такъ, въ своемъ теперешнемъ положеніи, до окончанія вѣковъ? Это было бы нежелательно для всѣхъ сторонъ, именно потому, что въ зависимости отъ этого находятся всеобщіе культурные и торговые интересы. Османская имперія вновь доказала въ послѣдней войнѣ свою несокрушимую жизненную силу. Турки обладаютъ превосходнѣйшими доблестями: они храбры, великодушны, жертвоспособны — имъ не хватаетъ только тѣхъ качествъ, которыя необходимы для культурнаго и промышленнаго преуспѣянія страны. Это фактъ. Поэтому присоединеніе мирнаго предпримчиваго народнаго элемента, обладающаго именно недостающими имъ качествами, было бы для Турціи усиленіемъ, обогащеніемъ.

И вотъ наша задача, надъ которой мы неустанно работаемъ, формулировать условія для соглашенія въ этомъ направленіи. Мы можемъ заявить, что турецкому правительству хорошо извѣстна полная лояльность нашихъ стремленій. Мы не хотимъ вводить поселенцевъ контрабанднымъ образомъ (*eifischmuggeln*) и вообще мы не хотимъ пытаться что либо дѣлать безъ предварительной сдѣлки. Да и не въ нашихъ интересахъ было бы содѣйствовать экономическому усиленію Турціи, если мы не получимъ за то равнозначущихъ вы-

годъ. Все дѣло должно совершиться по простѣйшему рецепту въ мірѣ, который гласитъ: *do ut des*.

Вопросъ теперь въ томъ, какъ это выполнить. Уже на первомъ конгрессѣ мы сознали необходимость создать финансовый органъ для цѣлей нашего движенія. Таковымъ долженъ служить Еврейскій Колоніальный Банкъ. Въ высшей степени характерно, что наши еврейскіе противники никакъ не хотѣли признать насъ способными осуществить такое дѣло. Но въ нашихъ рядахъ находятся же не только художники и философы, ученые и журналисты, адвокаты, врачи и техники, но и порядочное число банкировъ и купцовъ изъ всѣхъ странъ. Впервые усомнились въ этомъ случаѣ, что евреи способны создать банкъ—но и въ этотъ разъ скептики ошиблись. Вскорѣ Еврейскій Колоніальный Банкъ вступитъ, согласно своей программѣ, въ жизнь. Согласно результатамъ банковской конференціи, мы можемъ предположить, что Еврейскій Колоніальный Банкъ еще въ теченіе этого года приступить къ дѣятельности. Въ остальномъ я не хочу предупреждать доклады специалистовъ, которые вы услышите.

Вамъ будутъ представлены еще нѣкоторые другіе доклады. Изъ нихъ вы увидите, что этотъ годъ не прошелъ безъ пользы, и что мы стремимся къ нашей цѣли съ терпѣливой и уповающей любовью. И вѣтъ этого зала убѣдятся, что мы не занимаемся заоблачными мечтами, не желаемъ ничего безразсуднаго или несправедливаго, а только трудовую жизнь для нашего бѣднаго народа, потому что обезпеченный трудъ приведетъ къ его духовному и физическому возрожденію. Поэтому, *поэтому* именно мы прежде всего постарались собрать нашъ народъ подъ знаменемъ идеала.

Это не можетъ возбудить неудовольствіе у членовъ другихъ націй. И въ этомъ свободномъ городѣ,

оказывающемъ намъ гостепріимство, мы получили первое доказательство этого. Позавчера, въ день Св. Якова, толпы народа вечеромъ возвращались съ праздника. Вспоминался при этомъ прекрасный рассказъ чуднаго швейцарскаго поэта, Готфрида Келлера, объ отрядѣ семи славныхъ рыцарей. Предъ нами проходили все отряды славныхъ людей, которые воспитываютъ въ здоровомъ тѣлѣ мужественный духъ. Они прошли мимо нашего конгресснаго зданія. Тогда одна изъ нашихъ уважаемыхъ дамъ махнула, въ знакъ привѣтствія, своимъ платкомъ и это послужило сигналомъ для манифестаціи, которую мы, конечно, никогда не забудемъ. Отряды, проходя мимо, привѣтствовали нашихъ, которые встрѣчали ихъ восторженными кликами, и съ улицъ раздался новый, неожиданный крикъ: „да здравствуютъ евреи!“ Въ этотъ моментъ у многихъ изъ насъ вѣроятно стояли въ глазахъ горячія слезы. Въ такіе моменты легко потерять ту сдержанность, которую мы усвоили себѣ среди всевозможныхъ притѣсненій, среди несправедливѣйшихъ обвиненій.

Заканчивается ли въ этомъ кличѣ Базеля уже начало лучшихъ дней? Этого мы не можемъ знать. Но мы можемъ поставить себѣ цѣлью заслужить такихъ привѣтствій. Мы были стойки въ худшіе дни. Будемъ признательны и смиренны, когда наступитъ, наконецъ, лучшія времена. И въ какомъ видѣ должны мы себѣ представить эти лучшіе дни, лежащіе еще покуда по ту сторону нашего кругозора? Исчерпывается ли ихъ содержаніе фактомъ владѣнія территоріей, большимъ уваженіемъ къ намъ, ненарушимымъ покоемъ? Нѣтъ! Именно тѣ изъ насъ, которые теперь готовы отдаться всецѣло служенію этому дѣлу, сожалѣли бы, что сдѣлали ради него хоть одинъ шагъ, еслибъ удалось

устроить только *новое* общество, а не болѣе *справедливое*.

Лучшихъ дней мы желаемъ для себя, но и для другихъ также, для которыхъ мы готовы какъ отважные пионеры пойти по непреложнымъ путямъ. Для этого мы не нуждаемся въ болѣе высокомъ, болѣе баснословномъ состояніи культуры, чѣмъ уже достигнутое. Эти культурныя средства должны только быть использованы, и именно для человеколюбивой цѣли. И мы вѣримъ, что нашъ народъ это пойметъ, потому что онъ прошелъ столько школъ, жилъ среди столько народовъ, и среди всѣхъ страдалъ, но и изучилъ также страданія всѣхъ. Картина лучшихъ дней намъ представляется въ видѣ собранія людей всѣхъ культуръ, какое мы видимъ сегодня и въ этомъ залѣ; въ видѣ общей солидарности, не ограниченной однимъ языкомъ; въ видѣ постоянного стремленія бороться съ нуждой посредствомъ единодушной работы—и какъ слѣдствіе всего этого,—болѣе возвышенныя формы цивилизаціи. И наши попытки ассимилироваться, безрезультатность которыхъ насъ вновь всѣхъ соединила, намъ тогда все же послужать во благо. Дѣловитость германцевъ, подвижность романской расы, терпѣливость славянъ — не прошли пожалуй для насъ безслѣдно... Ясно ли, наконецъ, чего мы хотимъ? Объединенія еврейскихъ художниковъ, философовъ и ученыхъ всѣхъ странъ на почвѣ работы и въ видѣ *толерантнаго* общества! Да, мы стремимся къ нашей старой родинѣ. Но въ старой родинѣ мы хотимъ только новаго расцвѣта для еврейскаго духа.

Тостъ въ честь Нордау.

(На студенческомъ банкетѣ
11/20 января 1899 г. въ Hôtel
Continental, въ Вѣнѣ).

(Этотъ банкетъ былъ устроенъ въ честь Нордау, по случаю пріѣзда его въ Вѣну для прочтенія рѣчи на массовомъ собраніи 13/25 января 1899 г. Рѣчь эта была

озаглавлена: „О теченіяхъ въ еврействѣ“ и содержала отвѣты на возраженія противниковъ сіонизма. На другой день состоялся банкетъ, гдѣ, между прочими ораторами говорилъ и д-ръ Герцль).

Въ своей вчерашней рѣчи д-ръ Нордау пожалуй причинилъ слишкомъ много боли нашимъ противникамъ. Въ извѣстномъ отношеніи мы нашимъ противникамъ обязаны. Такіе противники приносятъ движенію только пользу. Въ началѣ намъ приходилось бороться съ молчаніемъ, но постепенно на насъ посыпались нападки, не страшныя въ концѣ концовъ, но соотвѣтствовавшіе тому, чтобъ внушить всему міру извѣстное уваженіе къ намъ. Такимъ образомъ мы должны даже быть благодарны нашимъ противникамъ. Въ одномъ французскомъ фарсѣ фигурируетъ человѣкъ, отличающійся своей трусостью. Но вотъ случается такъ, что—благодаря несчастному инциденту—онъ принужденъ драться. Жена, считавшая его трусомъ, крайне изумлена: „Какъ, ты не боишься?“—„О, да! — отвѣчаетъ мужъ—но еслибъ я не боялся, то какое-бы тутъ было мужество?“ — Еслибъ у насъ не было противниковъ, еслибъ оборудовать сіонистскимъ движеніемъ было столь-же легко, какъ вытащить волосъ изъ молока, еслибъ все шло такъ гладко и просто, то откуда-бы взялся необходимый для руководства авторитетъ? Необходимо было бороться, необходимо было пройти черезъ всякія непріятности, необходимо было выслушать упрекъ въ умопомѣшательствѣ, необходимо было быть вытолканнымъ изъ круга тѣхъ людей, съ которыми ты провелъ жизнь, необходимо было приносить жертвы для того, чтобъ, послѣ всего этого, отстаивать дѣло съ еще большимъ воодушевленіемъ, съ еще болѣе свѣжими силами. Такова была борьба, продѣлан-

ная большинствомъ изъ насъ: въ настоящее время мы можемъ уже съ нѣкоторымъ удовлетвореніемъ говорить о стадіяхъ этого развитія.

Нашъ почитаемый другъ д-ръ Нордау въ своей рѣчи прошелъ по фронту нашихъ противниковъ. Онъ удачно всѣхъ ихъ опредѣлилъ въ рельефной характеристикѣ, хорошо намъ знакомой у этого мастера слова: злого миллионера, который по извѣстному изрѣченію съ большимъ трудомъ пройдетъ въ царство небесное, нежели верблюдъ черезъ булавочное отверстіе, протестующаго равнина—фигуру, достойную величайшаго удивленія, наконецъ пролетаріевъ, которымъ мой почтенный другъ Нордау сдѣлалъ больше уступокъ, чѣмъ сдѣлалъ-бы я. Я не того мнѣнія, что сіонизмъ можно мѣрить той-же мѣркой, что и социализмъ. Но я полагаю, что сіонизмъ представляетъ изъ себя убѣжище, могущее укрыть всѣ партіи. Въ этомъ и заключалось до сихъ поръ величіе нашего движенія, это и есть успѣхъ нашихъ базельскихъ конгрессовъ. Мы стали на самую широкую отвлеченную почву: у насъ есть мѣсто для всѣхъ, желающихъ къ намъ примкнуть, для правовѣрныхъ какъ и для свободомыслящихъ, для богатыхъ какъ и для бѣдныхъ. Такъ оно должно остаться навсегда. При существующемъ состояніи нашего движенія мы не можемъ дѣлать ничего другого, кромѣ того, какъ создать по возможности болѣе широкую и ровную почву, на которой они всѣ могли-бы занять мѣсто. Въ этомъ отношеніи я нахожусь въ маленькомъ противорѣчій съ нашимъ другомъ Нордау и я пользуюсь случаемъ это высказать, когда мы находимся среди почти только своихъ.

Тѣмъ не менѣе я допускаю возможность, что изъ находящихся тутъ тотъ или другой, та или другая не совсѣмъ точно освѣдомлены о томъ, что такое сіонизмъ.

И если въ этомъ залѣ имѣется хоть одинъ такой то, мы будемъ съ нимъ говорить, а другіе должны съ этимъ мириться. Сіонисты съ этимъ соглашались, потому что и съ единичными личностями стоитъ говорить, не-сіонисты-же пусть немного потерпятъ. Я даю опредѣленіе, которое превратилось уже въ клише: сіонизмъ стремится къ созданію для еврейскаго народа правоохраненнаго убѣжища въ Палестинѣ.

Я хотѣлъ-бы это выразить картинно для того, чтобъ не утомлять васъ пространнымъ изложеніемъ всѣхъ точекъ зрѣнія. Прежде чѣмъ идти сюда я снѣсалъ себѣ строфу изъ пѣсенъ одного еврея, который врядъ-ли находился-бы среди противниковъ сіонизма, еслибъ онъ теперь жилъ—строфу изъ Генриха Гейне. Это былъ привлекательный умъ, который умѣлъ сообщать обаяніе всему тому, чего онъ касался; когда встрѣчаешь въ книгѣ строки, написанныя имъ, то онѣ чисты такъ, какъ будто солнечный лучъ озарилъ эту страницу. О самомъ безутѣшномъ, отвратительномъ и жалкомъ, этотъ поэтъ умѣлъ писать стихи, производящіе на насъ необыкновенное впечатлѣніе. Здѣсь у меня стихотвореніе „О новой еврейской больницѣ въ Гамбургѣ“:

Больница для бѣдныхъ больныхъ евреевъ.
Для сыновъ человѣческихъ, трижды несчастныхъ.
Одержимыхъ тремя злыми недугами.
Нищеты, физическими страданіями и еврействомъ.
Худшій изъ этихъ трехъ—последній,
Тысячелѣтній семейный недугъ.

Сіонизмъ—новый родъ ухода за больными евреями и онъ борется съ худшимъ изъ трехъ недуговъ, съ „тысячелѣтнимъ семейнымъ недугомъ“. Какимъ лекарствомъ онъ пользуется? Самымъ простымъ, самымъ популярнымъ—естественнымъ методомъ лѣченія. Мы хотимъ лечить семейный недугъ, помѣстивъ пациента

въ деревнѣ. Мы полагаемъ, что всѣ пороки, которыми онъ страдаетъ, физическіе и моральные, можно искоренить, если мы его вернемъ къ этому естественному образу жизни, если мы ему дадимъ возможность осѣсть въ этой странѣ, гдѣ онъ когда-то уже жилъ,—и какъ сказано въ только что вами пропѣтой пѣснѣ — жить въ собственныхъ шатрахъ. Мы знаемъ, что это нелегкая работа. Для нея требуется выдержка и неослабывающее мужество. Мы питаемъ также безмѣрное довѣріе къ нашему народу, что окрѣпшій въ своихъ страданіяхъ, онъ не падетъ духомъ.

Я не хочу дѣлать обзора всего того, что мы уже достигли. Я хотѣлъ только въ этой одной картинѣ представить вамъ, что мы предпринимаемъ нѣчто вполне спокойное и разумное. Но я хотѣлъ бы еще васъ просить не только слушать наши рѣчи для развлечения—если онѣ развлекаютъ, — но если въ извѣстные моменты вы соглашались съ нѣкоторыми ораторами, то пусть это побудитъ васъ дальше дѣйствовать въ свою очередь. Каждому возможно, каждому представляется случай заниматься этой пропагандой. Каждый прямо—мыслящій человекъ, у котораго является убѣжденіе, что ново-возникшая мысль, новое движеніе отличается хорошими свойствами, обязанъ всякаго посвятить въ свое убѣжденіе, пропагандировать его. Всѣ мы дѣлали промахъ тѣмъ, что до сего времени не заканчивали каждую нашу рѣчь требованіемъ, чтобъ вы исполняли этотъ, лежащій на васъ, долгъ, для того, чтобы доброе и справедливое пробивало себѣ дальнѣйшій путь среди людей. Но я думаю, что это новое леченіе больныхъ евреевъ есть нѣчто доброе и справедливое, и никогда я не былъ въ томъ такъ убѣжденъ, какъ въ тотъ день, когда мнѣ удалось сдѣлать этого прекраснаго мужа приверженцемъ новаго леченія. Вы знаете, что

онъ какъ писатель является ювелиромъ тонкихъ мыслей, что я привѣтствую его какъ мастера того искусства, которымъ и я, какъ умѣю, занимаюсь. Какъ врачъ онъ старался проникнуть въ тайны природы и эти два преимущества лучше всего сочетаются въ дѣлѣ новаго леченія евреевъ.

Я не пытался сказать вамъ ничего новаго, кромѣ тоста, въ честь д-ра Макса Нордау.

Рѣчь, произнесенная въ Лондонѣ.

(14/26 Юня 1899 г. въ St. Martins Town Hall).

Знаете ли вы рассказъ про араба, который убилъ человѣка за то, что тотъ его спросилъ, куда онъ несетъ своего теленка?

Эта исторія была мнѣ рассказана пару лѣтъ назадъ здѣсь въ Англіи одной дамой; я хочу ее вамъ повторить, потому что исторія эта хороша и полна смысла. Арабъ, который, какъ и большинство его единоплеменниковъ, отличался терпѣливымъ, равнодушнымъ характеромъ, несъ однажды утромъ теленка изъ своей деревни въ городъ. Когда онъ весело шагаль по дорогѣ, повстрѣчался ему человѣкъ и спросилъ: „куда несешь ты теленка?“

Нашъ арабъ отвѣтилъ: „Въ городъ, другъ мой, да благословить тебя Господь!“

Едва онъ отошелъ нѣсколько шаговъ, какъ второй прохожій также спросилъ его: „Куда несешь ты теленка?“

Нашъ арабъ отвѣтилъ: „Въ городъ, другъ мой. Да благословить тебя Господь!“

Нѣсколько минутъ спустя прошелъ третій, четвертый, пятый. Видъ человѣка, несущаго теленка, вызывалъ у каждаго одинаковый вопросъ. И нашъ арабъ, какъ человѣкъ терпѣливый, всякій разъ дружески отвѣчалъ: „Въ городъ, другъ мой; да благословить тебя Господь!“

Но терпѣніе это матеріаль, который истощается. Когда нашъ арабъ разъ пятнадцать или двадцать далъ тотъ же отвѣтъ на тотъ же вопросъ, ему стало уже

досадно. Его отвѣтъ становился короче: „Въ городъ, другъ мой!“ Благословеніе Господа онъ оставилъ. Дюжину разъ онъ отвѣтилъ этими словами, пока и это показалось ему слишкомъ. Слѣдующимъ любопытнымъ онъ отвѣчалъ уже сухо: „Въ городъ!“ При этомъ тонъ его голоса становился все менѣе дружескимъ, наконецъ и грубымъ. Кровь поднялась у него въ головѣ; онъ подумалъ, что всѣ эти люди стоворились, чтобъ его дурачить. И когда ему показалось, что на лицѣ девяностого или сотаго прохожаго, спросившаго его: „Куда ты несешь теленка?“, играетъ насмѣшливая улыбка, тогда нашъ арабъ положилъ своего теленка, схватилъ этого человѣка за горло и убилъ его.

Сюнесты находятся до извѣстной степени въ положеніи араба, несущаго теленка. Имъ вѣчно ставятъ одинъ и тотъ же вопросъ и они мало по малу начинаютъ терять терпѣніе. Этимъ можно объяснить, почему дискуссія о нашемъ дѣлѣ принимаетъ временами болѣе возбужденный характеръ. Но я бы посоветовалъ нашимъ друзьямъ не забывать, что все это новые прохожіе которые еще не освѣдомлены. Дадимъ имъ спокойно требуемый отвѣтъ. И будемъ думать, что мы съ нашимъ теленкомъ тѣмъ ближе къ городу, чѣмъ большее число разъ мы отвѣчали.

Хуже, конечно, когда люди, которымъ уже отвѣтили, какъ ни въ чемъ не бывало возвращаются и опять спрашиваютъ. Или когда даже они возражаютъ: „Это не вѣрно. Ты не идешь въ городъ!“ Или: „И города то нѣтъ!“ Или: „Я не твой другъ, и Господь тебя не благословить“.

Такимъ спорщикамъ мы должны просто повернуть спину и идти дальше, думая про себя; мы уже скоро въ городъ.

Но сегодня я могу избавить себя отъ обычнаго от-

вѣта. Вы все знаете, куда мы направляемся. Вопросъ, который является у нѣкоторыхъ, пожалуй таковъ: идемъ ли мы по вѣрному пути?

Я думаю, что да.

Какова наша цѣль? Мы хотимъ приготовить для еврейскаго народа право охраненное убѣжище въ его старой родинѣ Палестинѣ. Это мы считаемъ окончательнымъ рѣшеніемъ еврейскаго вопроса.

Это рѣшеніе предполагаетъ три вещи.

Во первыхъ: существованіе еврейскаго народа.

Во вторыхъ: пригодность Палестины для заселенія.

Въ третьихъ: обезпеченіе правовыхъ основъ.

Во первыхъ.—Когда мы начали наше движеніе, мы могли только подозрѣвать, что существуетъ еще еврейскій народъ.

Нынѣ мы въ этомъ убѣждены. Это доказано самымъ яснымъ способомъ, вполне соответствующимъ современнымъ понятіямъ. А именно: мы имѣемъ еврейское народное представительство. Два года уже оно засѣдаетъ въ Базелѣ и называется сіонистскимъ конгрессомъ. Господа, не знаю, доживу ли я лично до этого, но я глубоко убѣжденъ, что люди моего возраста увидятъ осуществленіе нашего желанія. Мы будемъ жить свободными людьми, въ странѣ Израіля. Буду ли я самъ при этомъ или нѣтъ—для дѣла безразлично. Но если я при этомъ буду, то ничто меня не будетъ такъ радовать, ничто не будетъ такъ воодушевлять, какъ первый базельскій конгрессъ 1897 г. Ибо это былъ первый симптомъ жизни мнимо—умершаго еврейскаго народа. Какъ ни слабо было дыханіе, какъ ни тихо было бѣеніе пульса, за которыми мы слѣдили, содрогаюсь отъ опасенія и надежды — мы убѣдились, что нашъ народъ живъ. Все, что онъ впослѣдствіи будетъ дѣлать, не можетъ уже насъ поразить. Счаст-

ливымъ моментомъ былъ тотъ, когда жизнь возобнови-
лась, когда мы увидѣли, что мнимый покойникъ от-
крываетъ глаза. Что человѣкъ, вернувшійся къ жизни,
ходить и ѣсть и пьетъ и танцуетъ, и на флейтѣ иг-
раетъ, и дрова рубить, и книги читаетъ, и картины
рисуетъ—это все уже не чудо. Чудомъ было возвра-
щеніе къ жизни, первый ощутительный ударъ пульса,
первое замѣтное дыханіе. Не давать болѣе этой жизни
уснуть—было нашей задачей и ее выполнять агита-
ція нашихъ славныхъ сіонистскихъ кружковъ всего
міра. Отъ Сибири до Южной Африки и Южной Аме-
рики имѣются уже теперь тысячи такихъ кружковъ,
признающихъ основу базельской программы и дѣйст-
вующихъ въ ея духѣ. Это и есть нація, наша нація!

Но среди насъ есть, люди, которые задираютъ носъ
и говорятъ: „Да, бѣдняки, но не богатые!“ Люди, кото-
рые такъ говорятъ, у меня не заслужили собственно,
чтобы я имъ давалъ добрые совѣты. Тѣмъ не менѣе я
хочу имъ отсовѣтывать говорить что-либо подобное
вслухъ. Они вѣдь этимъ подтверждаютъ худшія суж-
денія антисемитовъ, что будто у евреевъ деньги—все:
что евреи не уважаютъ ничего, кромѣ денегъ, какимъ
бы путемъ онѣ не были пріобрѣтены. Будемъ остере-
гаться такого взгляда, потому что этотъ взглядъ
пошлый и даже не умный. Если ужъ кто-нибудь на-
столько неблагороденъ, чтобы такъ думать, то онъ дол-
женъ по меньшей мѣрѣ имѣть благоразуміе это скрыть.
Впрочемъ, всякій народъ, къ сожалѣнію, состоитъ глав-
нымъ образомъ изъ бѣдняковъ; и станетъ ли кто-ни-
будь отрицать существованіе англійскаго или француз-
скаго народа потому, что такъ мало милліонеровъ при-
ходится у нихъ на огромное число голодающихъ?

Все это общія мысли, простите. Противники выну-
ждаютъ насъ говорить о такихъ банальностяхъ.

Во-вторых. Пригодность Палестины для колонизаціи. Доказательство этого уже до насъ дали такъ называемые практическіе сіонисты, хотя и въ маломъ масштабѣ, но оно удалось. Я всегда говорилъ съ уваженіемъ о дѣятельности этихъ людей, не смотря на то, что ее считаю недостаточной для рѣшенія великаго вопроса. Тѣмъ болѣе боли причиняють миѣ нападки съ этой стороны. Если теперь всюду знаютъ и дѣляютъ попытки практиковъ, то это пожалуй можно приписать нашей широкой пропагандѣ. Въдѣ много евреевъ, не желающихъ еще признать нашихъ взглядовъ, смотрятъ благосклоннѣе на болѣе скромныя требованія практиковъ. Этимъ объясняется, что практики могутъ теперь идти рука объ руку съ такими людьми, которые раньше ихъ не уважали и надъ ними насмѣхались.

При всемъ томъ, всѣ эти партійныя клички ничего не означаютъ. Я могъ бы легко вамъ доказать, что, собственно говоря, такъ называемые „практическіе сіонисты“ хотятъ быть политиками, и что мы—„сіонисты политическіе“ думаемъ быть практичными. Практическіе сіонисты считаютъ болѣе хитростью, постепенно и незамѣтно перевести въ Палестину нѣсколько сотъ тысячъ евреевъ и, когда они будутъ на мѣстѣ, требовать для нихъ правъ. Незамѣтно? Нѣсколько сотъ тысячъ человѣкъ? Но, ради Бога, какъ вы это себѣ представляете? Я полагаю, что они этого себѣ вовсе не представляютъ. Они только начинаютъ работать. Приблизительно такъ, какъ еслибъ нѣсколько чѣловѣкъ задумали выстроить на какомъ-нибудь мѣстѣ домъ. Что они дѣлають? Они не мечтатели, не фантазеры. Они знаютъ, что домъ надо строить изъ камней. И вотъ они съ большимъ напряженіемъ, тащатъ камень на мѣсто постройки. И они думаютъ, что, если и другіе такъ сдѣлають, то выстроится домъ.

Никогда! Домъ такимъ образомъ не выстроится! Но онъ выстроится, если предварительно составить планъ. Тогда вашъ камень полезень. Раньше нѣтъ.

И вотъ мы подошли къ *третьему* пункту, къ правовымъ гарантіямъ. Если вѣрно, что безразсудно строить безъ плана, то и не умно составлять планы раньше чѣмъ приобрѣтенъ планъ. Въ противномъ случаѣ владѣлецъ разрушить нашу постройку или прогнать насъ изъ дома, который мы готовимъ.

Не практичнѣе развѣ, прежде всего обезпечить себѣ право постройки? Какъ это должно случиться? Если обстоятельства не позволяютъ непосредственнаго и немедленнаго приобрѣтенія строительнаго плана, то можно установить арендуемые или податныя взаимоотношенія (*eine Pachtung oder eine Linsverhältniss*). Здѣсь въ Англіи вѣдь очень обычны правовыя отношенія, именуемыя *Superficies Emphytenxis* *), мало извѣстныя, на континентѣ. Такое правовое отношеніе въ политическомъ смыслѣ я хотѣлъ бы, я надѣюсь осуществить съ турецкимъ правительствомъ. И развѣ верховныя права Его Величества Султана не затрагиваются, развѣ гарантированная иммиграція въ Палестину, означаетъ не только не уменьшеніе турецкой территоріи, но даже упроченіе и увеличеніе стоимости ея владѣній, то есть надежда на возможность соглашенія. Мнѣ удалось привлечь вліятельныхъ защитниковъ въ пользу этихъ идей и проектовъ. Но такъ какъ я не нахожусь въ счастли-

*) *Emphytenxis* (лат.)—договоръ, согласно которому владѣлецъ уступаетъ пользованіе своимъ владѣніемъ другому лицу на очень продолжительно время, на 99 лѣтъ, при условіи уплачиванія опредѣленной оброчной платы. *Superficies* (лат.) право поверхности, т. е. такое право собственности, которое распространяется только на поверхность земли и на все выстроенное на ней, но — согласно договору — не включающее права земельной собственности.

вомъ положеніи Сесили Родса, то я долженъ хранить абсолютное молчаніе о нѣкоторыхъ исторически-замѣчательныхъ переговорахъ, рискуя даже, что противники наши будутъ утверждать, что я не имѣю что сказать.

Когда, прошлой осенью, передъ отправленіемъ сіонистской депутаціи въ Палестину, я сдѣлалъ здѣсь въ Лондонѣ намекъ на предстоящія событія, тогда я уже зналъ кое-что изъ того, что готовилось.

Необыкновенно трудная задача, съ которой и люди умнѣе и опытнѣе меня съ трудомъ бы справились, когда съ одной стороны приходится оправдывать довѣріе благожелательныхъ лицъ молчаніемъ, а съ другой стороны тебя забрасываютъ вопросами: какъ обстоитъ дѣло? что мы успѣли? когда, когда, когда?

Въ этой дилеммѣ я, не колеблясь, сознаю мой долгъ. Мой долгъ молчать, даже жертвуя популярностью до тѣхъ поръ, когда дѣло, предпринятое мной, будетъ закончено.

Я знаю, что наши противники объ этомъ скажутъ. Я это знаю такъ, какъ бы я уже выслушалъ ихъ рѣчи и прочелъ ихъ газеты. „Онъ опять уклонился отъ отвѣта, онъ далъ туманныя обѣщанія, утѣшилъ бѣдныхъ людей, все дѣло—необыкновенный пуффъ!“ Ну-съ, всѣ мы отвѣтственны за то, что мы говоримъ и говорили.

Къ счастью, у меня не хватаетъ времени читать всѣ оскорбленія, которыми меня покрываютъ евреи. Отъ времени до времени только мнѣ подають коллекцію, букетъ ругани. Во мнѣ это возбуждаетъ больше стыда, нежели гнѣва. Я стыжусь какъ еврей, стыжусь, что среди насъ могутъ быть люди, которые покрываютъ бранью работника народнаго дѣла. Когда эта борьба проникаетъ черезъ стѣны гетто нашихъ дискуссій въ окружающее общество, то иные индифферентные люди, быть можетъ, качаютъ удивленно головой, а нѣкоторые

враги говорятъ: „смотрите, каковы евреи, такъ они обращаются со своими же сынами, которые трудятся для блага народа!“

Зашли вѣдь иные такъ далеко, чтобъ утверждать, что я имѣю отъ этого дѣла денежныя выгоды. Право, эти люди заслуживаютъ, чтобъ я сдѣлалъ публично подсчетъ, сколько уже денежныхъ жертвъ мнѣ стоило движеніе, не говоря о моемъ времени и работѣ. Моимъ ближайшимъ друзьямъ это извѣстно. Впрочемъ, я и въ этомъ вопросѣ обязываю себя къ молчанію, ибо я думаю о чести евреевъ.

Съ особенно яростнымъ воемъ на меня набросились, когда мы, исполняя рѣшенія Конгресса, приступили къ учрежденію Еврейскаго Колоніальнаго Банка. Это былъ одинъ изъ поворотныхъ пунктовъ на нашемъ пути въ въ городъ и тѣ, которые видѣли насъ, какъ мы несли нашего теленка, могли, къ сожалѣнію, подумать, что это былъ золотой телецъ. Для моихъ друзей и меня, учрежденіе Еврейскаго Колоніальнаго Банка было до того дня, самой крупной жертвой, которую мы принесли движенію. Я не говорю здѣсь о деньгахъ, которыя мы для этого дали изъ своего кармана. Хотя мы и евреи, деньги все же далеко не высшее для насъ. Жертва состояла въ томъ, что мы приложили руки къ торговому предпріятію, хотя и безъ всякихъ видовъ на барыши.

Дойдя до того момента, когда невозможно было больше медлить созданіемъ финансоваго учрежденія, я писалъ одному англійскому другу письмо въ которомъ было сказано: „Вотъ и прошло уже то прекрасное время, когда меня изображали только какъ помѣшаннаго. Отнынѣ обо мнѣ будутъ говорить какъ о торговомъ дѣльцѣ. Но и черезъ это испытаніе я долженъ пройти“.

Я не хочу этимъ сказать, что предосудительно за-

ниматься дѣлами. Только писатель не вправѣ быть дѣльцомъ, а человѣку, служащему народному движенію, это непростительно.

Никогда я не пророчествовалъ такъ вѣрно, какъ тогда, и евреи могли бы быть довольны, еслибъ всѣ мои слова, такъ исполнялись, какъ то, что я тогда писалъ. То есть мое пророчество было даже превзойдено. Здѣсь, въ Лондонѣ, въ публичномъ собраніи одинъ неизвѣстный мнѣ господинъ, который въ своей жизни во всякомъ случаѣ больше занимался торговыми дѣлами, чѣмъ я, высказалъ подозрѣніе, что мы собираемся ограбить карманы бѣдныхъ людей. Почему онъ это сказалъ? Такъ какъ я никогда въ жизни не занимался какими бы то ни было дѣлами, то я не знаю, думалъ ли онъ, что всякое денежное предпріятіе есть грабежъ? Это было бы перефразировкой словъ Дюма: „*Les affaires, c'est l'argent des autres*“ (Дѣла это—чужія деньги). Или же онъ думалъ, что только денежные предпріятія евреевъ носятъ такой характеръ? Я удивляюсь въ такомъ случаѣ, почему почтенный Chifrabbi (главный раввинъ) не подвергъ его отлученію и — что было бы пожалуй чувствительно для него—что банкиры Монсеева исповѣданія не прервали съ нимъ сношенія. Но по всей всей вѣроятности онъ хотѣлъ только на выразительномъ языкѣ своего круга людей сказать, что онъ не питаетъ довѣрія ко всему дѣлу. И смотрите, что было достигнуто. Эта брань, именно слѣдствіе своего изобилія, не имѣла никакого воздѣйствія. Мои друзья и я были бы крайне огорчены, еслибъ насъ сочли торговыми дѣльцами—и мы были подготовлены къ этому. Но насъ называли грабителями—это насъ утѣшило.

Да и что значать для насъ эти маленькія царапины, для насъ, готовыхъ всю нашу жизнь отдать дорогому дѣлу? Дѣло подвигается впередъ—вотъ все что нужно.

Этотъ заранѣе оклеветанный банкъ нынѣ уже обезпеченъ. Онъ превратился въ фактъ, въ цифру, съ которой должны будутъ также считаться и люди цифръ, въ особенности люди цифръ. Мало сказать, что банкъ будетъ лучше того реномэ, которое ему пытались создать. Онъ вообще будетъ хорошъ. Почему?

Когда я сказалъ, что Колоніальный Банкъ будетъ управляться добросовѣстно, потому что трогательное довѣріе безчисленныхъ малыхъ людей всего міра налагаетъ на насъ серьезную постоянную моральную обязанность, то противники отвѣтятъ: „Да, это то и надо доказать“. Поэтому я укажу вамъ другое основаніе. Наблюдательный Совѣтъ, къ которому я имѣю честь принадлежать вмѣстѣ съ нѣкоторыми учеными, писателями и педѣльцами, лишенъ, въ силу Устава, права участвовать въ какихъ-бы то не было прибыляхъ. Если только насъ не считаютъ приверженцами новаго спорта, состоящаго въ томъ, что наблюдательные совѣты смотрятъ, какъ директора грабятъ акціонеровъ, и пожалуй еще при этомъ держатъ пари, какой кассиръ скорѣе другихъ надуется,—то надо допустить, что этотъ Наблюдательный Совѣтъ, облеченный достаточной властью, исполнитъ свой долгъ.

Но этотъ долгъ не исчерпывается охраненіемъ порядка. Не въ томъ было дѣло, чтобъ создать еще одинъ еврейскій банкъ. Ихъ уже довольно имѣется подъ разными масками. Этотъ банкъ долженъ былъ сдѣлаться сіонистскимъ банкомъ и онъ имъ будетъ. Что это означаетъ?

Долженъ ли акціонерный капиталъ служить для того, чтобъ купить страну нашихъ стремленій? Для этого два милліона фунтовъ слишкомъ незначительная сумма. Такого рода заявленіями хотятъ только насъ сдѣлать смѣшными, насъ выставить глупцами. Банкъ

имѣть другую задачу. Онъ долженъ быть посредникомъ для полученія чартера, который я вамъ раньше рисовалъ въ видѣ особаго имущественнаго договора.

Мы хотимъ получить чартеръ отъ турецкаго правительства для того, чтобъ, подъ суверенитетомъ Султана, колонизировать Палестину. Огромныя выгоды открываются для Турціи, если она дастъ прилежнымъ, миролюбивымъ, предприимчивымъ евреямъ возможность проявить наружу природныя богатства страны. Мало теперь такихъ турецкихъ сановниковъ, которымъ не была бы ясна польза сіонистскаго движенія. Вмѣстѣ съ евреями въ Турцію явились бы благосостояніе и экономическое вознагражденіе.

Какое значеніе имѣетъ осуществленіе нашего плана для Европы—это самымъ яснымъ образомъ знаютъ царствующіе правители и дипломаты съ высокимъ положеніемъ. Это было бы концомъ ядовитаго, отвратительнаго еврейскаго вопроса, хотя никто изъ насъ и не думаетъ, что всѣ евреи должны будутъ переселиться въ Палестину. Переселятся только тѣ, кому охота, кто этимъ можетъ улучшить свою участь. Наше разсужденіе простѣйшее въ мірѣ: когда предложеніе евреевъ падетъ, то спросъ на нихъ увеличится. Мы повысимся въ цѣнѣ.

Да мы и будемъ больше жить. Культуру мы хотимъ занести на Востокъ. И опять Европа отъ этого выгадаетъ. Мы откроемъ новыя пути для сношеній—и никто не заинтересованъ въ этомъ больше, чѣмъ Англія съ ея азіатскими владѣніями. Кратчайшій путь въ Индію пролегаетъ черезъ Палестину. Мы будемъ нуждаться въ продуктахъ культурной страны до того, какъ мы будемъ имѣть свои. Но мы хотимъ и сами возможно скорѣе начать создавать цѣнности.

Въ послѣдніе 50 лѣтъ произошло въ экономической

жизни человечества больше переменъ, чѣмъ прежде происходило въ 1000 лѣтъ. Съ паромъ и электричествомъ въ мірѣ появился новый и властный духъ. Этотъ духъ долженъ витать и надъ сіонистскимъ движеніемъ. Я не стану говорить о безчисленныхъ отрасляхъ промышленности, благодаря которымъ наша жизнь сдѣлалась такой разносторонней. Что могъ бы я, бѣдный варваръ континента, сказать объ этомъ жителямъ Англіи. Вы насъ далеко опередили во всѣхъ проявленіяхъ техники, точно также какъ великіе политики вашей страны первые сознали необходимость колоніальнаго расширенія. Поэтому флагъ Великой Британіи развивается надъ всѣми морями.

Я имѣю такимъ образомъ право думать, что здѣсь въ Англіи сіонистская идея, какъ идея колоніальная, легко и скоро будетъ понята и именно въ самой современной ея формѣ. Все что человѣческое усердіе способно создать въ другихъ странахъ оно съумѣетъ создать и тамъ, гдѣ въ чудномъ прошломъ текли млеко и медъ. Почему бы это было невозможно какъ разъ тамъ? Потому ли, что въ господствѣ надъ силами природы мы ушли такъ далеко впередъ? Посмотрите назадъ на несложную простоту прошлаго и дайте сами себѣ отвѣтъ.

Еслибъ я ужъ не говорилъ такъ продолжительно, то я бы вамъ показалъ простѣйшій жизненный продуктъ, хлѣбъ, его исторію, его развитіе и его теперешнее состояніе. Отъ паровыхъ плуговъ, сѣятельныхъ и вѣятельныхъ машинъ до бактеріологическихъ изслѣдованій бразильскаго грибка — какая разница по сравненію съ временами нашихъ отцовъ, которые съ большимъ потомъ добывали свой хлѣбъ. Посмотрите на всѣ эти замѣчательныя отрасли промышленности, основанныя на броженіи: хлѣбъ и пиво, вино и

уксусъ, ромъ и коньякъ, табакъ и сыръ — какъ все это измѣнилось!

Да, еслибъ я не былъ одержимъ неисцѣлимой боязнью передъ кличкой фантазера и утописта, то я бы вамъ изобразилъ будущее устройство нашей страны, съ ея желѣзными дорогами, телеграфами, телефонами, автомобилями и другими такими баснословными вещами, которыхъ еще человѣкъ никогда не видалъ.

Но этими нововеденіями на новой землѣ, на нашей старой землѣ, не исчерпывается то, что я ожидаю отъ сіонизма. Я не думаю, что народъ книги столь долго и среди столькихъ страданій пробивался только для того, чтобъ привезти къ себѣ домой новыя техническія сооруженія. Иной смыслъ должны имѣть страданія столько переиспытавшаго народа. Страстное стремленіе къ справедливости, къ человѣчности повидимому скрывается въ немъ — и мы должны его удовлетворить. Быть можетъ и не очень то элегантно общество нищихъ и голодающихъ, вмѣстѣ съ которыми стремишься къ одной цѣли. Но я вѣдь не говорю съ кафедры синагоги и да будетъ мнѣ позволено сказать, что мы сіонисты не пугаемся пойти вмѣстѣ съ нищими и голодающими, когда предстоящая цѣль — справедливость. Быть можетъ, при этомъ случаѣ мы откроемъ возможность для социальныхъ улучшеній и ихъ осуществимъ; и она пригодится также униженнымъ и оскорбленнымъ другихъ народовъ. Тогда лишь мы будемъ истыми евреями.

ТРЕТІЙ КОНГРЕССЪ.

1. Рѣчь къ открытію 3-го Конгресса въ Базелѣ.

(³/₁₅ августа 1899 года).

Уважаемые члены Конгресса!

Въ торжественный часъ, когда здѣсь собрались, явившись изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ, депутаты еврейскаго народа, первое наше слово да будетъ словомъ благодарности этому прекрасному, свободному городу, который вновь принимаетъ насъ въ своихъ стѣнахъ. Это чувство благодарности испытывается не только собравшимися здѣсь, но и ихъ довѣрителями въ самыхъ отдаленныхъ странахъ земли. Базель, базельскій конгрессъ, базельская программа — эти слова уже теперь хорошо знакомы нашему народу и звучатъ для него, какъ утѣшеніе, какъ надежда.

Въ третій разъ мы являемся сюда, чтобъ обсудить жалобы и желанія націи, которая хочетъ возродиться. Въ началѣ могло казаться, что, собираясь здѣсь и произнося рѣчи, рѣчи полныя вздоха, еще не много сдѣлано.

Но эти скептики не замѣчаютъ, что и въ другихъ собраніяхъ представителей только говорятъ. И кто можетъ отрицать, что рѣчи произнесенныя въ такомъ мѣстѣ оказываютъ сильнѣйшее вліяніе на настоящее и будущее народа? Сознавая это, мы постарались создать для себя такое мѣсто, откуда наши слова были бы услышаны: эту еврейскую трибуну!

Такъ какъ нашъ народъ хочетъ не вернуться къ старинѣ, а пробудиться для настоящаго, то онъ долженъ былъ прежде всего получить такой соотвѣтствующій духу времени органъ, чтобъ имѣть возможность проявить свое желаніе жить. Поэтому трибуна эта — драгоцѣнное добро, которое мы себѣ приобрѣли. Будемъ ее хорошо охранять!

Серьезностью и спокойствіемъ нашихъ совѣщаній мы можемъ внушать все больше и больше уваженія къ этой трибунѣ. Необдуманностью и дразгами мы ее скоро лишили бы уваженія. Трибуна будетъ стоять на той же высотѣ, что и рѣчи, произносимыя съ нея. Вліяніе нашихъ словъ не подкрѣпляется какой-либо внѣшней силой; если они могутъ имѣть какое-нибудь значеніе, то это можетъ произойти только отъ внутренней силы идеи и отъ чистоты помысловъ, проявляющихся здѣсь. Это долженъ постоянно имѣть въ виду каждый изъ насъ, когда онъ здѣсь хочетъ говорить для еврейскаго и къ еврейскому народу.

И еще одно. Не для того мы здѣсь собираемся, чтобъ заниматься внутренними дѣлами тѣхъ странъ, гражданами которыхъ мы считаемся. Всякая попытка такого рода была бы крупной ошибкой и привела бы только къ тому, чтобъ вызвать ложное представленіе о нашемъ конгрессѣ. Мы здѣсь исключительно для того, чтобъ совѣщаться о положеніи нашего народа и подготовить рѣшеніе столь же законное, сколько чело-вѣколюбивое, подъ контролемъ общественнаго мнѣнія. Что мы ничего другого въ виду не имѣемъ, ясно доказали наши дѣйствія до настоящаго дня. Такимъ образомъ мы сами кладемъ неприкосновенныя границы нашей дѣятельности: мы хотимъ трудиться для блага нашего народа. Это наше право. Это также нашъ долгъ.

Что такой способъ устранять осложненія общаго

характера путемъ международнаго, откровеннаго обмѣна мыслей между заинтересованными соотвѣтствуетъ уже нравственному сознанію современнаго культурнаго человѣчества, это можно было замѣтить, когда міръ былъ обрадованъ предложеніемъ о мирѣ Его Величества Русскаго Государя. Вы вспоминаете, что какъ разъ во время нашего собранія здѣсь стало извѣстно это великолѣпное предложеніе, и что сіонистскій конгрессъ, первый изъ всѣхъ организацій, могъ выразить по этому поводу свой восторгъ. Прошелъ годъ. Идея мира вступила на путь въ дѣйствительной жизни, и это уже очень много, хотя она еще и не у цѣли. Намъ же пусть этотъ примѣръ послужитъ урокомъ терпѣнія. Если великіе сей земли довольствуются медленными успѣхами своихъ высшихъ идей, то какъ довольны должны быть мы, бѣдные люди, когда мы можемъ констатировать, что дѣло все же немного двинулось впередъ.

Мы должны были бы неустойчиво продолжать нашу работу и въ томъ случаѣ, если бы въ истекшемъ году не было никакихъ наружно-замѣтныхъ успѣховъ. Даже если бы не случилось ничего такого, что означало бы усиленіе нашего движенія, ростъ его авторитета и средствъ, то и тогда мы бы должны были неустойчиво продолжать.

Но этотъ годъ не былъ плохимъ для нашего движенія. Это былъ хорошій годъ. Мы кой-чего достигли, мы прошли еще одну часть нашего пути.

Значительнымъ событіемъ, которое наши противники какъ всегда отчасти замалчивали, отчасти опубликовали въ искаженномъ видѣ, явился пріемъ сіонистской депутаціи Его Величествомъ, германскимъ императоромъ въ Іерусалимѣ. Ужъ одинъ фактъ, что геніальный король обратилъ свое вниманіе на нашу на-

родную идею, былъ бы достаточенъ чтобъ внушить намъ нѣкоторую увѣренность. Маловажныя движенія не замѣтны съ такой высоты. Но это было нѣчто большее, чѣмъ простое принятіе къ свѣдѣнію. Не какая бы то не было еврейская депутація, не члены какого бы то не было „практическаго колонизаціоннаго общества“ были приняты въ аудіенціи, но депутація сіонистскаго Исполнительнаго Комитета. Причины и цѣли нашего движенія были заранее въ точности извѣстны и Его Величество германскій императоръ послѣ этого, въ достопамятный для всего еврейства день, увѣрилъ насъ въ своемъ благосклонномъ интересѣ. За это ему всѣ истинные евреи обязаны благодарностью.

Уважаемые члены Конгресса! Вы поймите, что благодаруміе требуетъ отъ насъ не использовать для агитаціонныхъ цѣлей этотъ счастливый и многозначительный фактъ аудіенціи, состоявшейся при такихъ обстоятельствахъ. Мы поэтому воздержимся здѣсь отъ всякой дискуссіи по этому поводу. Одно только мы все же должны подчеркнуть въ нашихъ радостныхъ чувствахъ признательности: полная легальность и лойяльность нашего движенія, послѣ того, какъ оно удостоилось такой высокой чести, стоитъ отнынѣ и навсегда внѣ всякаго сомнѣнія.

Мы, понятно, кладемъ на вѣса то, чтобъ эта наша лойяльность была прежде всего отмѣчена и доказана по отношенію къ турецкому правительству. Мы не предпринимаемъ ни одного шага, который могъ бы даже отдаленнымъ образомъ возбудить справедливое недо-вѣріе верховнаго властелина Палестины. Мы хотимъ и можемъ принести османской имперіи величайшія выгоды, слѣдовательно, мы можемъ дѣйствовать вполне открыто. Тотъ, кто прокрадывается куда-либо, не имѣетъ обыкновенно намѣренія что-либо принести. Таково было

разсужденіе, само собою понятное, которое и привело къ существующимъ теперь въ Палестинѣ трудностямъ для иммиграціи. Не мы ихъ вызвали; онѣ, какъ извѣстно, появились раньше чѣмъ представленное здѣсь движеніе. Но если насъ и не могутъ обвинять въ томъ, что мы явились причиной запрета иммиграціи, то мы выскажемъ ясно наше отношеніе къ этому.

Какъ? Хотѣли устроить въ странѣ населеніе, не объяснивъ предварительно и открыто всего плана? Когда кто-нибудь является тайно во мракѣ ночи, то онъ не долженъ удивиться, если его встрѣтятъ окрикомъ: „стой! кто тамъ?“ И тѣмъ хуже для него, если у него не найдется хорошаго, яснаго отвѣта. Впрочемъ, въ такомъ положеніи всякій отвѣтъ можетъ показаться подозрительнымъ. Мы объясняемъ каковы наши намѣренія, средь бѣла дня, котораго намъ, благодаря Бога, нечего бояться; мы хотимъ добиться согласія, прежде чѣмъ что либо предпринять, иначе это было бы въ высшей степени отвѣтственный экспериментъ. Дѣло вѣдь не только въ томъ, чтобъ туда заполучить людей, но чтобъ ихъ тамъ и удержать. И удержать въ полной увѣренности.

Къ сожалѣнію, многіе изъ нашихъ братьевъ готовы все принять, потому что хуже имъ быть не можетъ. Но для того, чтобъ переложить больного съ одного бока на другой, не требовалось столько остроумія, труда и денегъ. Попробуемъ лучше его лечить. Это такая великая цѣль, разумная и ясная, что никому не вздумается искать въ ней заднихъ мыслей. Почему же не высказать этого прямо? Всѣ наши намѣренія сразу станутъ понятными. Не будетъ недовѣрія. Мы пойдемъ по пути переговоровъ, которые рано или поздно приведутъ къ результату, если только мы будемъ единомышленны и не будемъ разбрасывать нашихъ силъ.

Поэтому мы прежде всего возбудили токъ нашего единства и будемъ его все усиливать. И пусть никто не раздѣляетъ и не развѣтвляеть этого тока: это было бы преступленіемъ противъ народа.

На этомъ конгрессѣ, какъ извѣстно, представлены не всѣ сіонисты. Наше движеніе гораздо больше, чѣмъ оно здѣсь кажется. Замѣтная группа очень заслуженныхъ сіонистовъ старѣйшаго направленія еще придерживается метода, существовавшего до насъ. Мы не перестаемъ надѣяться братски привлечь ихъ къ нашимъ воззрѣніямъ. Идея у насъ общая. Лучшую форму выполненія мы должны искать вмѣстѣ.

Другіе сіонисты, самые богатые матеріальными средствами, были бы вполне согласны съ нами, еслибы мы не избрали пути публичной дискуссіи. Если же мы добьемся результата, то они будутъ съ нами. До того они намъ не нужны, а послѣ мы ихъ будемъ имѣть. Теперь ужъ относительно этого нѣтъ никакого сомнѣнія.

Какого характера долженъ быть этотъ результатъ? Выразимъ это однимъ словомъ: чартеры! Наши усилія направлено на то, чтобъ получить отъ турецкаго правительства чартеръ, чартеръ подъ суверенитетомъ Его Величества Султана. Тогда только, когда мы будемъ обладать такимъ чартеромъ, который долженъ содержать въ себѣ необходимыя публично-прововыя гарантіи, мы можемъ приступить къ большей практической колонизаціи. За дарованіе такого чартера мы предоставимъ турецкому правительству большія выгоды.

Но это не можетъ случиться при помощи Конгресса, который не обладаетъ нужными правами юридической личности. Для этихъ сдѣлокъ мы должны были создать особаго контрагента. Таковымъ является Еврейскій Колоніальный Банкъ. Если у кого-либо могъ еще явиться вопросъ, представляетъ ли изъ себя сіонистское дви-

женіе серьезный факторъ, то 100,000 акціонеровъ Еврейскаго Колоніальнаго Банка дали на это отвѣтъ. Отвѣтъ явился изъ Сибири, съ границъ Китая и изъ самыхъ южныхъ частей Аргентины, изъ Канады и изъ Трансвааля. Еврейскій Колоніальный Банкъ нынѣ уже существуетъ.

Мы всѣ, которые служимъ нашей идеѣ съ вѣчно-новымъ воодушевленіемъ, не имѣемъ привычки хвастать принесенными нами жертвами. Но, представляя конгрессу эту законченную часть работы, мы можемъ облегчить себѣ, наконецъ, сердце и сказать, что это была до сихъ поръ самая тяжкая жертва, на которую мы рѣшились. Люди, не имѣвшіе никогда касательства къ дѣламъ, агитировали за учрежденіе Банка и подвергали себя самымъ обиднымъ подозрѣніямъ. Но это было необходимо, и мы это сдѣлали. Сегодня мы вручаемъ эту работу Конгрессу, которому мы обеспечили полнѣйшее наблюденіе за частнымъ и соотвѣтствующимъ цѣлямъ сіонизма управленіемъ банка. Конгрессъ будетъ распоряжаться этимъ институтомъ черезъ своихъ ежегодно избираемыхъ представителей. Нѣтъ даже надобности сказать, что капиталъ акцій не предназначенъ для пріобрѣтенія земли. Банкъ — только посредственное звено. Лишь на основаніи полученнаго чартера будетъ учреждено собственно земельное общество и, конечно, съ соотвѣтственно большимъ капиталомъ. Созданіе же этого болѣе крупнаго учрежденія можетъ уже теперь считаться обеспеченнымъ; въ свое время мы вамъ сдѣлаемъ на этотъ счетъ сообщенія, которыя теперь еще не могутъ быть сдѣланы.

Все это съ перваго взгляда носить только характеръ приготовленій, намековъ на будущее. На дѣлѣ же это нѣчто практическое и существующее (*Gegenwärtige*) какъ сѣмена, которыя бросаешь въ землю. Въ началѣ это

были сѣмена въ видѣ мыслей, а теперь это сѣмена въ видѣ учреждений. Сегодня это еще не хлѣбъ, это будетъ хлѣбомъ лишь завтра.

Пресыщенные, у которыхъ сила воображенія ослабѣла вслѣдствіе жизни въ достаткѣ, еще не хотятъ насъ понимать. Тѣмъ лучше понимаютъ насъ бѣдные и угнетенные. У нихъ—воображеніе нужды. По сегодняшнему и вчерашнему опыту они знаютъ, какъ мучителенъ будетъ завтрашній голодъ. И въ этомъ положеніи находятся многія сотни тысячъ изъ нашего народа. Но больше всего мы можемъ полагаться именно на тѣхъ изъ нашихъ товарищей, которымъ не под силу уплатить даже незначительный годичный взносъ въ пользу агитаціи. Это—лучшіе сіонисты, потому что въ нихъ живутъ еще старыя народныя традиции, потому что въ нихъ живетъ сильное религіозное чувство, и потому что они терпятъ горькую нужду. Изъ многихъ пунктовъ получаютъ ужасные отчеты. Еврейство — огромное убѣжище нищеты съ филліальными отдѣленіями во всемъ мірѣ. И это должно быть сказано съ этой трибуны, какова печальная правда. И это положеніе вопіетъ о помощи. Изъ тяжелой нужды рождаются болѣзни и нравственное уродство и удрученныя души представляютъ благопріятную почву для всѣхъ крайнихъ идей переворота. Въ это мы хотимъ внести улучшенія. Мы думаемъ, что исцѣленіе можно обрѣсти въ здоровомъ трудѣ на любимой землѣ. Трудъ доставитъ нашему народу его завтрашній хлѣбъ, но и завтрашнюю честь и завтрашнюю свободу.

Къ справедливымъ всѣхъ исповѣданій и націй направлень нашъ призывъ о помощи. Извнѣ мы не нуждаемся въ иной помощи, кромѣ моральной. Есть достаточно евреевъ внутренно намъ сочувствующихъ. Но нѣкоторые не рѣшаются это проявить наружу изъ опа-

сенія, что имъ это зачтутъ въ худую сторону. Кто желаетъ оказать намъ моральную помощь, находя, что мы взяли за справедливое дѣло, тотъ пусть, въ сферѣ своего вліянія, оберегаетъ наше движеніе отъ могущихъ возникнуть недоразумѣній и отъ ложныхъ обвиненій, которыя уже не разъ взвалили на насъ. Иначе это благотворное движеніе можетъ оказаться загнаннымъ и, пожалуй, даже пріостановилось бы. Какой справедливый человѣкъ это хочетъ?

Тутъ борется народъ за свое существованіе, честь и свободу. Онъ хочетъ вырваться изъ удушья въ солнечное сіяніе. Теперешнее положеніе евреевъ можетъ вести къ тремъ путямъ. Одинъ изъ нихъ—тупое примиреніе съ обидой и нуждой. Второй—возмущеніе, вражда противъ общества—мачехи. Нашъ путь—третій: мы хотимъ подняться на болѣе высокую ступень культуры, распространять благоденствіе, строить новые пути для международныхъ сношеній и стремиться къ соціальной справедливости. И подобно тому, какъ нашъ славный поэтъ творилъ пѣснопѣнія изъ своихъ страданій, такъ и мы изъ нашихъ страданій готовимъ шагъ впередъ для человѣчества, которому мы служимъ.

ЧЕТВЕРТЫЙ КОНГРЕССЪ.

Рѣчь къ открытію IV Конгресса.

(1/13 августа 1900 года въ Лондонѣ.
Первую половину этой рѣчи д-ръ
Герцль произнесъ на англійскомъ
языкѣ).

Уважаемые члены Конгресса!

Созывъ четвертаго Конгресса въ Лондонѣ оправдывается самъ собой. Англія—одно изъ полѣднихъ убѣжищъ, гдѣ нѣтъ еще укоренившейся ненависти къ евреямъ. Ужъ одинъ этотъ неоспоримый фактъ достаточно характеризуетъ современное печальное положеніе еврейскаго народа. По всей великой землѣ приходится искать такого мѣста, гдѣ старый народъ Божій не подвергается преслѣдованіямъ и гоненіямъ.

Но изъ того факта, что въ великой Англіи евреи наслаждаются свободой и равноправіемъ, пусть никто не дѣлаетъ ложныхъ выводовъ. Плохимъ другомъ мѣстныхъ и иноземныхъ евреевъ былъ бы тотъ, который совѣтовалъ бы гонимымъ искать здѣсь убѣжища. Наши здѣшніе братья только съ трепетомъ могли бы радоваться своему счастливому положенію, еслибъ оно служило приманкой для нашихъ отчаявшихся. Притокъ этихъ элементовъ былъ бы опасенъ не только для здѣсь обитающихъ, но и для пришельцевъ также. Ибо эти пришельцы, сами того не подозрѣвая, привезли бы сюда вмѣстѣ со своимъ жалкимъ скорбомъ и то, отъ чего они бѣгутъ—антисемитизмъ. Однако намъ будетъ позволено на нѣсколько дней разбить здѣсь кочующій

шатеръ нашихъ дискуссій, такъ какъ мы желаемъ обсуждать рѣшеніе еврейскаго вопроса публично.

Въ промежуткѣ времени отъ одного конгресса до другого наши противники ревностно стараются укрѣпить наши истинныя намѣренія въ груди ихъ собственныхъ выдумокъ, такъ что при каждомъ съѣздѣ первой нашей задачей является срубить нѣсколькими ударами топора эти паразитарныя образованія и показать дерево какимъ оно есть. При этомъ мы съ радостью констатируемъ, что наше дерево здорово и что оно растетъ.

Сіонизмъ желаетъ для еврейскаго народа гарантированнаго публичнымъ правомъ убѣжища въ Палестинѣ! Эту программу мы начертали три года тому назадъ, навсегда. Она явилась, очевидно, отвѣтомъ на очень глубокую потребность, на очень старое стремленіе нашего народа—иначе было бы непонятно, почему она оказала такое сильное вліяніе. Объ этомъ вліяніи мнѣ не приходится уже сегодня говорить. Всякій знаетъ его, всякій видитъ и слышитъ его. Четыре года тому назадъ иные могли опасаться стать предметомъ насмѣшекъ, когда они говорили о еврейскомъ народѣ. Теперь же смѣшонъ тотъ, кто отрицаетъ существованіе еврейскаго народа. Одинъ только взглядъ на этотъ залъ, гдѣ нашъ народъ представленъ делегатами со всѣхъ концовъ земли, даетъ достаточное доказательство.

Но этотъ фактъ имѣетъ извѣстное значеніе не только для насъ, но и для другихъ. Обѣщая отдѣльнымъ странамъ человѣчное, достойное рѣшеніе труднаго еврейскаго вопроса, онъ одновременно включаетъ и большія перспективы для Востока. Наше возвращеніе въ страну отцовъ, предвѣщенное священнымъ писаніемъ, воспѣтое поэтами, въ слезахъ страстно—

ожидаемое нашимъ бѣднымъ народомъ и осмѣянное жалкими насмѣшниками—наше возвращеніе представляеть также своевременнѣйшій политическій интересъ для тѣхъ державъ, которыя чего-либо ищутъ въ Азіи.

Позвольте мнѣ процитировать нѣсколько словъ изъ рѣчи, сказанной при открытіи втораго Конгресса. Въ 1898 г. въ Базелѣ было сказано слѣдующее: „Страна эта (Палестина) — не только родина величайшихъ идей и несчастнѣйшаго народа; благодаря своему географическому положенію она имѣеть значительную важность для всей Европы. Черезъ нѣкоторое время, врядъ ли отъ насъ отдаленное, тамъ будетъ пролегать культурный и торговый путь въ Азію. Азія—дипломатическая проблема ближайшаго десятилѣтія“.

Эти слова, сказанныя въ 1898 году, теперь уже кажутся банальными,—въ такой степени они подтвердились событіями послѣднихъ мѣсяцевъ. Азіатскій вопросъ становится съ каждымъ днемъ серьезнѣе, и я опасаясь, что когда-нибудь онъ станетъ очень кровавымъ. Въ силу этого культурные народы все болѣе и болѣе заинтересованы въ томъ, чтобъ на кратчайшемъ пути въ Азію была создана культурная станція (*eine Culturstation*), которая могла бы пригодиться всѣмъ цивилизованнымъ людямъ. Эта станція—Палестина, а культуртрегеры, готовые дать свою жизнь и свое добро, чтобъ ее создать,—это мы. Всѣ политическіе умы должны съ быстротой молніи понять, что здѣсь кроется драгоцѣнная возможность приблизиться къ Азіи. На эту культурную станцію, которую лишенный имущества еврейскій народъ быстро воздвигнулъ бы подъ верховенствомъ Его величества Султана, ни одна держава не должна была-бъ смотрѣть съ опасеніемъ. Евреямъ была бы оказана помощь, но и другимъ также; а наибольшія выгоды имѣла бы отъ этого Турція.

(Слѣдующую часть своей рѣчи д-ръ Герцль сказалъ на нѣмецкомъ языкѣ).

Уважаемые члены Конгресса!

Англія великая, Англія свободная, Англія, властвующая надъ морями, пойметъ насъ и наши стремленія. Отсюда полетъ сіонистской идеи станетъ еще выше и и шире—въ этомъ мы можемъ быть увѣрены.

Люди практическіе, мудрецы, семь разъ отмѣривающіе, конечно, явятся и спросятъ, что же этимъ выиграю? Намъ ужъ эти люди знакомы. Всѣ мы еще помимъ, какіе камни они нагромождали на нашемъ пути, какія непріятности они намъ готовили и причиняли. Эти то самые люди нетерпѣливо спрашиваютъ, что мы уже успѣли сдѣлать, чего мы уже достигли и когда же мы наконецъ доберемся до цѣли. Ихъ любопытство такъ велико, какъ если бы они всѣми силами своими намъ помогали, а не всѣми силами своими намъ мѣшали. Изъ помогающихъ намъ воздвигать наше зданіе, отъ первыхъ до послѣднихъ, отъ руководителей работъ и помощниковъ до скромныхъ и преданныхъ насильщиковъ кирпичей—никто только не спрашиваетъ. Одно мы знаемъ, что мы должны работать, и мы это дѣлаемъ безъ досады, а съ надеждой и воодушевленіемъ. Мы строимъ, мы строимъ, и наше строеніе растетъ. Не всякому дано оцѣнить наполовину сдѣланную работу. Но я спокоенъ на счетъ того, что въ нашемъ прекрасномъ домѣ захотятъ жить и тѣ евреи, которые теперь стоятъ въ сторонѣ, съ злорадной улыбкой и засунувъ руки въ карманы.

Есть одинъ вполне положительный вопросъ, котораго избѣгнуть мы отнюдь не желаемъ. Получили ли мы уже чартеръ на заселеніе Палестины? На это мы отвѣ-

чаемъ громко и внятно: пѣтъ! Другой вопросъ, должны ли мы все еще продолжать надѣяться, стремиться и работать для того, чтобъ его получить? На это мы отвѣчаемъ столь же громко и внятно: да! Наши требованія и просекты имѣютъ тѣмъ больше шансовъ осуществиться, чѣмъ больше насъ будетъ и чѣмъ значительнѣе будутъ наши силы. Уже теперь мы можемъ быть вполне довольны тѣмъ пріемомъ, который оказанъ былъ нашимъ стремленіямъ въ кругахъ сильнѣйшихъ міра сего.

Не требуйте болѣе опредѣленныхъ указаній отъ вашего Исполнительнаго Комитета, къ которому вы должны, въ этомъ отношеніи, питать абсолютное довѣріе. Все остальное будетъ предметомъ вашихъ обсужденій. Наша дѣятельность и ея постепенное развитіе характеризуются нѣсколькими словами: мы организуемъ еврейство для его будущихъ судебъ.

Однако, и мы хоть разъ будемъ въ роли вопросителей. Спросимъ-ка нашихъ еврейскихъ противниковъ, что жъ они собственно сдѣлали въ послѣдніе годы для облегченія ужасной нужды нашихъ братьевъ? Гдѣ ихъ результаты? Чего они достигли? Что они создали практическаго? Мы все слышимъ о какихъ-то комитетахъ, о большихъ сборахъ и учрежденіяхъ. Укажите-ка намъ законченное вами дѣло! Мы были бы рады полюбоваться ими и сказать вамъ „спасибо“ отъ имени бѣдняковъ.

И это вопросъ не благодушный, а до ужаса серьезный. Всѣ вы знаете, какой у насъ для этого поводъ: это скитаніе румынскихъ евреевъ, тянущееся, какъ кровавый слѣдъ, черезъ всю Европу. Гдѣ было оно, это такъ называемое оффиціальное еврейство, а гдѣ были они, эти прославленные великіе во Израилѣ, столпы общины? По плодамъ вы ихъ узнаете. Пара тысячъ бѣглецовъ были съ охами и вздохами „отправлены даль-

ше"—а затѣмъ было объявлено, что нѣтъ возможности сдѣлать больше. Слѣдующія партіи были сотнями загнаны, съ помощью вооруженной силы, въ спеціальные поѣзда и отброшены назадъ къ той самой границѣ, отъ которой они со стономъ убѣжали. Эти спеціальные поѣзда были послѣднимъ напряженіемъ милосердія.

Среди нашихъ доводовъ въ пользу сіонизма являлся до сихъ поръ очень сильнымъ доводомъ: банкротъ ассимиляціи. И вотъ мы получаемъ новый доводъ: неплатежность благотворителей. И какая неплатежность! Да, если богатые люди пріостанавливаютъ платежи, то этимъ много теряется.

Они не были подготовлены къ этой катастрофѣ, заявляютъ благотворительныя общества. Это ихъ вина. Стоило имъ только снизойти до прочтенія протоколовъ нашихъ конгрессовъ. На первомъ базельскомъ конгрессѣ, въ 1897 году, были представлены петиціи 50.000 румынскихъ евреевъ. Въ своей безысходной нуждѣ они взывали о помощи. Они писали, что не могутъ ни часу дольше выдержать. А они выдержали еще три года. Три года массовой нищеты, которая теперь представляется уже намъ во всемъ ея ужасѣ, такъ какъ мы видимъ ихъ, наконецъ, на пути скитанія.

Въ нашихъ засѣданіяхъ вы узнаете объ этомъ еще больше.

Казалось бы, что все это: кричащая нищета, невозможность гдѣ-нибудь пристроить бѣглецовъ, крушеніе всѣхъ прежнихъ способовъ вспомошествованія,—что все это должно убѣдить даже самыхъ глухихъ противниковъ нашихъ въ томъ, что только и единственно мы, сіонисты, обладаемъ единственнымъ, вѣрнымъ предложеніемъ помощи. Нѣтъ! Насъ ни въ коемъ случаѣ не хотятъ признать правыми. Напротивъ того, насъ еще обвиняютъ въ томъ, что мы вызвали это трагическое

скитаніе съ цѣлью получить новую пищу для нашей агитаціи.

Съ этого мѣста мы называемъ это ложью. Никогда мы не побуждали и не содѣйствовали такому безцѣльному скитанію куда бы то не было. На несчетные запросы желающихъ эмигрировать, мы неизмѣнно отвѣчали призывомъ къ терпѣнію. Мы предостерегали отъ грозящихъ катастрофъ, которыя мы, къ сожалѣнію, могли вѣдь предвидѣть, зная что люди пускаются въ путь безъ плана, безъ цѣли и безъ средствъ. Когда же наши отсовѣтыванія не привели ни къ чему и когда они, гонимые бичемъ нищеты, пустились странствовать, тогда мы, конечно, по мѣрѣ силъ нашихъ, старались придти имъ въ помощь.

Къ сожалѣнію, мы не могли многого сдѣлать, такъ какъ у насъ нѣтъ приготовленій для благотворительныхъ цѣлей. Но эта катастрофа, которая врядъ ли можетъ считаться послѣдней да которая еще и продолжается, должна послужить серьезнымъ указаніемъ и для насъ, сіонистовъ. Мы не должны довольствоваться тѣмъ, что указываемъ на все это, какъ на подтвержденіе правильности нашихъ теорій. Мы должны отсюда вывести и практическія слѣдствія. Въ будущемъ такіе отчаявшіеся эмигранты не должны зависѣть отъ милости благотворителей. Этотъ конгрессъ долженъ считать одной изъ своихъ задачъ устройство такихъ экономическихъ организацій, помощью которыхъ наши сіонисты могли бы на будущее время оказать себѣ въ извѣстной мѣрѣ взаимную поддержку въ бѣдственное время. Маленькими жертвами единичные люди могутъ увеличить ту силу совокупности, которая пожалуй и имъ могутъ пригодиться въ извѣстные моменты. Такимъ образомъ приобретаеся право на помощь и нѣтъ надобности прибѣгать къ чьей-либо милости.

Тяжелъ нашъ путь и многострадаленъ, да! Но онъ подвергаетъ испытанію наше мужество и нашу преданность. Люди, ожидающіе немедленныхъ успѣховъ, могутъ потихоньку уйти отъ нашего знамени. И если конечный результатъ еще заставитъ себя ждать нѣкоторое время, то по крайней мѣрѣ мы сможемъ, среди матеріальной нужды нашего народа, отмѣтить моральную побѣду: будетъ доказано, что еврейство проявляетъ еще идеализмъ, который не страшится опасностей, способенъ выносить лишенія и обладаетъ тѣмъ великимъ терпѣніемъ, съ помощью котораго достигаются великія цѣли,

VI. Організація сїонизма.

А. Докладъ д-ра Герцля объ організації.

(Въ послѣобѣденномъ засѣданіи
15/28 декабря).

Д-ръ Герцль: Мы приступаемъ теперь къ обсужденію одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ и, какъ назначенный для этого вопроса референтъ А.-С., я не буду держать рѣчи, я самъ ограничу свое время и лишь въ краткихъ чертахъ скажу, въ чемъ здѣсь дѣло, а затѣмъ, при обсужденіи отдѣльныхъ пунктовъ позволю себѣ брать заключительное слово.

Возникновеніе нашего движенія вамъ слишкомъ хорошо знакомо, чтобъ была надобность объ этомъ говорить. Во всѣхъ отрасляхъ намъ пришлось создать почти новое. Ни въ чемъ передъ нашими глазами не было примѣра, образца для руководства: въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы себя спрашивали, какъ поступить. Поэтому мы допустили много „ошибокъ молодости“, и мы должны отдать себѣ въ нихъ отчетъ и подумать объ ихъ исправленіи.

Главное заключается въ томъ, чтобъ имѣть вѣрное и надежное представительство. Этотъ Конгрессъ лишь тогда будетъ полнымъ и внушающимъ уваженіе авторитетомъ, когда возникновеніе его будетъ возможно правильное—я не говорю совершенное, потому что совершенства, какъ извѣстно, не существуетъ—возможно вѣрное и намъ придется задаться вопросомъ, какъ наилучшимъ образомъ достигнуть того, чтобъ сдѣлать это представительное учрежденіе истиннымъ выраженіемъ того, чего хотятъ разсѣянные по всему міру евреи.

Мы должны прежде всего отдать себѣ отчетъ въ томъ, что по мѣрѣ того, какъ разрастаются интересы, связанные съ нашимъ движеніемъ, у нѣкоторыхъ—какъ бы это выразить—менѣ мечтательныхъ или менѣ непрактичныхъ натуръ можетъ явиться желаніе, путемъ Конгресса, слѣдовательно, и путемъ выборовъ къ Конгрессу, приобрѣсть вліяніе на наше имущество (*Besitzthümer*), создать которое удалось послѣ тяжкихъ трудовъ послѣднихъ лѣтъ.

Вамъ извѣстно, что—черезъ своихъ вѣрныхъ представителей—Конгрессъ пользуется вліяніемъ на наше финансовое учрежденіе; точно также онъ будетъ вліять, черезъ А.-С., на завѣдываніе и охраненіе національнаго фонда, который мы сегодня освятили въ такомъ мѣстѣ (въ базельской синагогѣ), которое не дастъ нашимъ благочестивымъ противникамъ повода для неудовольствія. Передъ нами очень важная задача сдѣлать невозможнымъ въ будущемъ, чтобъ сіонисты, сіонистское убѣжденіе которыхъ проявилось поздно и подъ вліяніемъ практическихъ соображеній, могли проникнуть въ этотъ Конгрессъ противъ истинной воли сіонистской массы.

Для достиженія этого мы должны вернуться къ самому источнику, изъ котораго зарождается и развивается наше представительство; клѣточку, первичныя группы, изъ которыхъ путемъ постепеннаго расширенія строится наша организація, мы должны конструировать такимъ образомъ, чтобъ выборъ нашихъ делегатовъ могъ быть вѣренъ и дѣйствителенъ. Съ этой основной точки зрѣнія мы должны видоизмѣнить нашу организацію.

Въ виду этого необходима, для провѣрки выборовъ, легитимационная Комиссія, которая исполняла бы свои обязанности не во время конгрессной спѣшки, а имѣла

бы достаточно времени и возможность тщательно проверить избирательные средства и факты; эта Комиссія должна быть поэтому организована заблаговременно, т. е. передъ закрытіемъ каждаго Конгресса, что дать ей возможность заняться проверкой мандатовъ передъ ближайшимъ Конгрессомъ.

Помощью этихъ выборовъ составляется Конгрессъ, а затѣмъ и А.-С. Отношеніе А.-С. къ организаціямъ отдѣльныхъ странъ также пока еще очень неясное. Съ одной стороны, отъ насъ требовали слишкомъ много авторитета, съ другой же стороны, у насъ его было недостаточно. Все это понятно: какъ въ молодомъ организмѣ, у насъ органы еще не окрѣпли, да и не могли еще окрѣпнуть. Необходимо однако сдѣлать эти отношенія ясными и прочными, не ради А.-С. столько, а ради самихъ мѣстныхъ организацій; точно также необходимо окончательно регулировать взаимоотношеніе кружковъ въ каждой странѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ господствуетъ полифѣнная гармонія; въ другихъ—гармонія отсутствуетъ. При возникновеніи новыхъ кружковъ, или когда старые отдѣляются отъ центральнаго комитета данной страны, неоднократно выплываетъ вопросъ, вправѣ ли они сноситься непосредственно съ центромъ или съ А.-С.? Само собою разумѣется, что мы очень склонны не желать непосредственныхъ сношеній, такъ какъ у насъ и безъ того довольно дѣла. Если вамъ угодно, мы вамъ сообщимъ статистику нашей переписки, и вы убѣдитесь, что А.-С. не поживаетъ на розахъ.

Мы оказываемся въ непріятномъ положеніи, особенно когда намъ предлагаютъ деньги, когда напирѣтъ какой-нибудь добродушный кружокъ въ Америкѣ, Англіи или Румыніи не только предлагаетъ, но и препровождаетъ чекъ. Вы поймете, что часто намъ бываетъ

тяжело совершить злодѣяніе и возвратить такія деньги, которыя принадлежатъ вѣдь не А.-С., а движенію, очень въ нихъ нуждающемуся. Не принимая этихъ денегъ, мы, быть можетъ, уменьшаемъ имущество нашего движенія; принимая ихъ, мы задѣваемъ самолюбіе какого нибудь центра, отъ котораго данный кружокъ отдѣлился или къ которому онъ не хотѣлъ примкнуть. Но такъ какъ до настоящаго времени мы на этотъ счетъ не имѣли никакихъ предписаній, то этого рода дѣла вызывали переписку, упрасиванія, извиненія, которыя не содѣйствовали уменьшенію нашей работы.

Необходимо будетъ, слѣдовательно, предупредить возможность выплывающихъ различій и трудностей въ двоякомъ направленіи; во первыхъ, учрежденіемъ, въ виду возможныхъ споровъ, постоянного третейскаго суда, роль котораго была бы не администрировать, какъ А.-С., а изрекать судъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ; само собой разумѣется, что постановленія этого суда должны быть признаны тѣми, которые желаютъ оставаться въ нашей организаціи.

И далѣе, на случай, когда будутъ возникать такія группы, которыя по мѣстнымъ соображеніямъ или соображеніямъ цѣлесообразности покажутся достаточно прочными и зрѣлыми для самостоятельнаго существованія,—мы должны найти средство, какъ удержать эти группы въ движеніи, въ извѣстной степени, сдѣлать ихъ самостоятельными. Подобно тому, какъ въ римскомъ правѣ предусматривался случай *peculium*, когда сынъ, продолжая подчиняться власти отца, могъ извѣстными вещами распоряжаться самостоятельно, такъ и мы въ тѣхъ случаяхъ, когда будемъ имѣть передъ собой фактически „совершеннолѣтнюю“ группу, способную самостоятельно дѣйствовать, должны будемъ создать возможность удержать ее въ нашей общей

организаціи и для этого случая мы именно предлагаемъ, чтобъ извѣстное число кружковъ имѣло право объявить себя федераціей. Тогда устраняется трудность, которая намъ представлялась, что отдѣльные кружки, быть можетъ, справедливо или несправедливо, утверждаютъ, что существующая мѣстная организація не соотвѣтствуетъ всеобщимъ желаніямъ или отношеніямъ и отъ А.-С. требовалась вмѣшательство. Обыкновенно мы этой роли на себя брать не можемъ, потому что обыкновенно мы имѣемъ дѣло съ такими лицами, которыя работали вмѣстѣ съ нами съ перваго момента возникновенія движенія. Не можемъ же мы, основываясь только на заявленіи кружка въ какомъ нибудь городѣ въ Америкѣ или Румыніи, выразить наше неодобреніе. Когда же такая группа достаточно сильна и многочисленна, то этимъ она даетъ и доказательство справедливости ея требованій, пріобрѣтаетъ право на самостоятельное развитіе и самоуправленіе.

Мое предложеніе сводится, слѣдовательно, къ тому, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ федерація или мѣстная центральная организація—терминологію можно будетъ установить совмѣстно съ организаціонной Коммиссіей—новые кружки или отдѣляющіеся отъ существующаго центра, въ числѣ не менѣе 50, имѣютъ право объединиться въ видѣ федераціи, которая получаетъ тогда какое нибудь наименованіе, напр. „вторая“ или какъ ей вздумается; представитель А.-С. въ этой странѣ долженъ тогда сноситься съ этой федераціей—точно такъ же какъ съ прежде существовавшей.

Вотъ то, что мы придумали; Конгрессъ, быть можетъ, найдетъ что нибудь болѣе цѣлесообразное. Въ этихъ вопросахъ мы упрямитесь не будемъ: рѣшающую роль будутъ играть цѣлесообразность и потребность.

Въ отвѣтъ на свое воззваніе А.-С. получилъ много разныхъ предложеній, изъ которыхъ я пока упомяну только о предложеніи *д-ра Членова*. Онъ желаетъ, чтобъ Конгрессъ былъ созываемъ не ежегодно, а разъ въ два года и чтобъ въ не-конгрессные годы была созываема Конференція, въ которой должны принять участіе еще неуказанные имъ представители нашего движенія. Само собой разумѣется, что такое рѣшеніе не исключаетъ того, чтобъ въ случаѣ неотложной необходимости Конгрессъ былъ созванъ немедленно. Я предоставляю *д-ру Членову* защищать это предложеніе.

Резюмируя эти бѣглыя замѣчанія, я хочу только сказать вамъ, какъ я себѣ представляю картину нашей будущей организациі. Я себѣ ее представляю двойной. Одна, общая, основанная на шекелѣ, ведущая къ Конгрессу будетъ служить для выбора большаго А.-С. и управленія дѣлами всего движенія. Вторая должна быть создана въ каждой странѣ и, конечно—какъ мы не переставали подчеркивать—сообразно и въ согласіи съ существующими законами. Эти мѣстныя организациі будутъ находиться въ связи со всѣмъ движеніемъ, благодаря избираемымъ здѣсь членамъ А.-С.; при этомъ очень важно ввести возможные упрощенія, такъ какъ движеніе наше по счастью растетъ, и мы должны думать о томъ, чтобы съ нашими незначительными наличными средствами, оно могло существовать.

В. Дебаты по вопросамъ организациі.

1. (*Въ томъ же застѣданіи*. Дел. Моцкинъ высказался за установленіе двухъ типовъ конгрессовъ: одни носятъ характеръ сіонистской манифестациі, а другіе имѣютъ чисто дѣловой характеръ.

Кромѣ того онъ поддерживалъ предложенный въ рефератѣ д-ра Герцля принципъ организаціи *снизу вверхъ* въ противовѣсъ обратному принципу, рекомендованному въ рефератѣ г. Усышкина).

Д-ръ Герцль: Я считаю болѣе удобнымъ сейчасъ же отвѣтить г. Моцкину, такъ какъ, благодаря своему таланту, онъ могъ бы направить дебаты на нежелательный путь. Я думаю, что его предложеніе устраивать сіонистскіе конгрессы на манеръ католическихъ съѣздовъ умаляетъ наше движеніе. Ничто не мѣшаетъ намъ устраивать такіе манифестаціонные сіонистскіе съѣзды, и не только каждые два года, но и каждый годъ, каждый мѣсяць, каждый день. Но вамъ извѣстно, что проявленія массъ ограничиваются обыкновенно тѣмъ, что участники аплодируютъ или являются просто зрителями, демонстрирующими за или противъ. Я полагаю, однако, что наше движеніе не только разроsteается, но и дифференцируется, что въ немъ развиваются все новыя теченія и что оно не можетъ поэтому довольствоваться демонстративными съѣздами, которые не въ состояніи дать вѣрное представленіе о нашемъ дѣлѣ. Предметами для демонстрацій могутъ служить и дѣловые конгрессы, какъ мы только что видѣли *), и г. Моцкинъ рискуетъ пожалуй на одномъ изъ такихъ демонстративныхъ сіонистскихъ съѣздовъ раздѣлить участь гостей Геліогабала.

Большое значеніе имѣютъ критическія замѣчанія г. Моцкина по поводу проекта г. Усышкина, и я позволяю себѣ замѣтить, что почти со всѣми этими замѣчаніями я соглашаюсь. Я стою на точкѣ зрѣнія, которую я недостаточно отмѣтилъ въ моей первой

*) Намекъ на демонстративно-восторженную овацію, оказанную Моцкину группой его друзей съ галлерей при появленіи его на трибунѣ.

рѣчи, что реформа нашей организаціи должна принципиально отличаться отъ прежняго тѣмъ, что вмѣсто дедуктивнаго способа, практиковавшагося у насъ до сихъ поръ, мы должны достигнуть народнаго проявленія путемъ индуктивнымъ, что построеніе нашей организаціи должно идти снизу вверхъ, а не по постановленію какого нибудь центральнаго органа, заслужившаго себѣ съ теченіемъ времени довѣріе. Этотъ центральный органъ долженъ ли возможно чаще мѣняться, я не рѣшаюсь сказать сейчасъ-же. Я во всякомъ случаѣ согласенъ съ Моцкинымъ, что построеніе должно идти снизу вверхъ.

То, что онъ сказалъ о численности шекедатеley, я не могу рѣшить въ одинъ моментъ. Я хотѣлъ бы однако обратить ваше вниманіе, не представляется-ли нужнымъ увеличить число избирателей, составляющихъ первую избирательную группу. Я не хочу точно опредѣлить, можемъ ли мы уже на дѣлѣ перейти къ группѣ изъ 200 человѣкъ. Зато я настаиваю на предложеніи, сдѣланномъ мнѣ въ Организационной Коммисіи. Я являюсь референтомъ А.-С. и мы считаемъ нужнымъ настаивать на ограниченіи предварительнымъ 5-лѣтнимъ срокомъ права быть избраннымъ въ члены А.-С. Делегатомъ можетъ быть всякій, котораго избираетъ первая избирательная группа, какъ дѣльнаго и подходящаго человѣка. Но для веденія общихъ интересовъ движенія мы должны, кажется мнѣ, установить уже извѣстное ограниченіе, которое навѣрное будетъ въ интересахъ сіонизма. Промежуточныя станціи, черезъ которыя придется пройти кандидатамъ, будутъ служить извѣстнымъ ручательствомъ, что движеніе привлекаетъ ихъ не какими нибудь выгодами. Я думаю также что это ограниченіе—не говоря уже о заключающемся въ немъ искуствѣ для твердости убѣжденій—полезно еще

тѣмъ, что мало по малу дѣлается необходимымъ извѣстный опытъ, знакомство съ столь обширнымъ движеніемъ. Здѣсь дѣло обстоитъ такъ же, какъ при завѣдываніи большимъ имуществомъ. Повѣрьте мнѣ, что наши религіозныя общины—которымъ я не расположенъ дѣлать комплиментовъ—обнаруживаютъ въ извѣстномъ смыслѣ чутье, когда они для завѣдыванія дѣлами привлекаютъ состоятельныхъ людей. Поскольку рѣчь идетъ о томъ, что управленіе дѣлами общины является отборнымъ, выгоднымъ дѣломъ, я—какъ вы понимаете—противъ этого. Но въ этомъ заключается и элементъ разумности. Для того чтобъ администрировать крупное дѣло, требуется знакомство съ нимъ на своемъ собственномъ опытѣ. Тотъ, кто привыкъ завѣдывать имуществомъ, знаетъ съ какими это сопряжено заботами, знаетъ, какъ слѣдуетъ использовать моментъ, знаетъ, какія торговыя и иныя мѣропріятія необходимы. Въ этомъ отношеніи нельзя считать неразумнымъ, что наши общины даже вознаграждаютъ за хорошее веденіе дѣлъ. Эту аналогію я прошу не истолковывать въ томъ смыслѣ, что я предлагаю избирать въ члены А. - С. только состоятельныхъ людей; я хочу этимъ только сказать, что какъ во главѣ имущества, такъ и движенія нужно учиться администрировать.

Мы должны, какъ сказалъ Шейнкинъ, специализироваться; всѣ мы безъ исключенія были *untkilled labourers* (необученными работниками); мы начали обучаться и это обученіе будетъ завершено пятилѣтней выжидательной станціей. При этомъ мы предлагаемъ, что въ особенно заслуживающихъ уваженія случаяхъ, когда въ Конгрессѣ или гдѣ-либо въ движеніи проявится большой талантъ, геній, представляющій изъ себя выигрышъ для нашего движенія, Конгрессъ—который, надо полагать, всегда будетъ понимать интересы дѣла—

въ такихъ случаяхъ можетъ нарушить принципъ и избрать такого чловѣка въ члены А.-С., при условіи большинства въ $\frac{4}{5}$ всѣхъ голосовъ. Говоря конкретно, еслибъ сегодня рѣчь шла о томъ, напримѣръ, чтобъ избрать въ А.-С. Израіля Зангвилля, то я бы при обсужденіи этого организаціоннаго Устава, который завтра уже будетъ для насъ обязательенъ въ вопросѣ о выборахъ въ члены А.-С. былъ бы сегодня за то, чтобъ для этого требовалась пятилѣтняя уплата шекельнаго взноса; завтра же, еслибъ перманентная Комиссія *) предложила избрать Зангвилля членомъ А.-С., я бы не донскивался, уплачивать ли онъ въ теченіе пяти лѣтъ шекель, а считалъ бы это такимъ выигрышемъ для нашего движенія, что я былъ бы самъ за то, чтобъ Зангвилля избрать. Если поэтому кто-нибудь пожалуй подумалъ, что мы хотимъ этимъ предложеніемъ протянуть барьеръ или учредить господствующую касту, то возразить на это можно было бы однимъ словомъ: къ счастью—я говорю это намѣренно—мы имѣемъ уже среди нашихъ пятилѣтнихъ шекеледателей столь здоровую оппозицію, что намъ не было бы затруднительно набрать изъ ихъ среды другой составъ, съ совершенно новыми людьми.

2. (Въ послѣобѣденномъ засѣданіи $15/28$ декабря. Дѣл. Дрейзенштокъ предложилъ дополнить редакцію базельской программы указаніемъ на необходимость культурной и экономической работы). Д-ръ Герцль: Я хотѣлъ бы сейчасъ же взять слово къ этому пункту. Я думаю, что мы не можемъ такъ измѣнять программу, святыню нашего движенія, въ нѣсколько минутъ или во время случайныхъ дебатовъ. Желаніе г. Дрейзен-

*) Комиссія на конгрессахъ, составляющая списки кандидатовъ для разныхъ выборныхъ органовъ.

штока заслуживаетъ всякаго вниманія, но мнѣ кажется достаточнымъ, чтобъ оно было принято этимъ Конгрессомъ въ качествѣ резолюціи и оповѣщено кружкамъ для руководства. То, что онъ предлагаетъ, можетъ быть принято безъ всякихъ возраженій, и именно въ формѣ резолюціи Конгресса, которая можетъ быть сообщена новымъ кружкамъ или всѣмъ вообще, обращающимся за разъясненіями. Если г. Дрейзенштокъ согласенъ съ моимъ предложеніемъ и если никто не будетъ возражать, то я бы совѣтывалъ принять его какъ резолюцію.

3. (*Въ томъ же засѣданіи.* Дел. Тричъ также требовалъ измѣненія базельской программы съ цѣлью, какъ онъ говорилъ, привлечь къ ней сочувствіе большаго числа евреевъ. Предложенныя имъ измѣненія были: сіонизмъ стремится создать убѣжище для *большинства евреевъ* (а не для всего еврейскаго народа)... въ Палестинѣ и *сосѣднихъ странахъ*).

Д-ръ Герцль: Не безъ нѣкоторой наивности г. Тричъ сдѣлалъ съ трибуны одно изъ тѣхъ возраженій, которое мы читаемъ съ незапамятныхъ временъ въ газетахъ нашихъ противниковъ; при этомъ онъ воспользовался замѣчаніемъ *д-ра Фридемана* въ Берлинѣ: „я не знаю, думаетъ ли кто-нибудь изъ насъ отправиться въ Палестину. Я могу вкратцѣ дать ему нужное разъясненіе. На его вопросъ, думаемъ ли мы побудить всѣхъ евреевъ переселиться въ Палестину, я отвѣчаю, что такое представленіе о сіонистскомъ движеніи мы пока встрѣчали только въ юмористическихъ газетахъ и въ газетахъ нашихъ противниковъ, стоящихъ приблизительно на той же высотѣ. Въ наше время существуетъ принципъ, о которомъ большинство навѣрное уже знаетъ, принципъ свободнаго передвиженія. Мы не мыслили такъ ограниченно (прошу извиненія г. Тричъ, я не имѣю въ

виду оратора этой трибуны),—мы не так близоруки или узкосердечны, чтобъ требовать отъ людей измѣнять мѣстожителство въ силу рѣшенія большинства. Надо же, наконецъ, подумать, каковъ смыслъ этого возраженія. Когда вы слышали, чтобъ большинство требовало отъ меньшинства или отъ отдѣльныхъ личностей измѣнять мѣстожителство? Съ такими возраженіями въ рукахъ борются противъ сіонизма.

Что же касается вопроса о томъ, что намъ пожалуй удалось бы привлечь новыхъ людей, еслибъ мы нашу программу ослабили, смягчили, сдѣлали ее въ извѣстной степени салонной, по вкусу напр. берлинскаго Тиргартена; что касается приведенной здѣсь аналогіи съ греческимъ народомъ и наконецъ увѣренія, что если мы иначе будемъ формулировать наши желанія, то нѣкоторые люди охотнѣе согласятся насъ поддерживать—на все это у меня простой отвѣтъ: „что касается не евреевъ, сочувствующихъ нашему движенію (и не далѣе какъ сегодня мы получили незабвенное доказательство этого въ заявленіи столь уважаемаго нами базельскаго правительства), то нѣтъ никакой необходимости видоизмѣнить эту программу, для того, чтобъ привлечь ея сочувствіе людей, не желающихъ вовсе въ ней участвовать; съ другой стороны, у насъ нѣтъ никакого намѣренія насильно привлечь къ себѣ тѣхъ людей еврейскаго происхожденія, которые не желаютъ принадлежать еврейскому народу. Этого намѣренія у насъ нѣтъ. Мы хотимъ только заявить, что этотъ народъ существуетъ и, кто хочетъ, можетъ себя къ нему причислить, къ нему примкнуть, за него бороться; а кто не хочетъ—пусть этого не дѣлаетъ“.

4. (*Въ томъ же засѣданіи*). Д-ръ Герцль: Миѣ жаль, что г-на Моцкина нѣтъ въ залѣ какъ разъ въ такой моментъ, когда мы работаемъ, и ему представ-

Лялась бы возможность намъ помогать. Мы обсуждаемъ теперь программный пунктъ, согласно которому центральныя организаціи отдѣльныхъ странъ должны возникать изъ кружковъ. Я считаю желательнымъ, чтобъ образованіе мѣстныхъ комитетовъ (*Landes-comités*) было предоставлено не избираемымъ здѣсь членамъ А.-С., а съѣздамъ делегатовъ отъ кружковъ, созываемымъ въ предѣлахъ возможности, предоставленной закономъ. Можетъ случиться, что иное дѣло намъ покажется à priori неосуществимымъ, хотя опытъ прошлаго дѣлаетъ невѣроятнымъ предположеніе, что сіонистскимъ кружкамъ будутъ поставлены трудности на пути. Когда мы здѣсь слышали: „вы должны это предоставить намъ, это наше внутреннее дѣло“, а съ другой стороны жалуются, что наши дѣйствія идутъ какъ бы сверху внизъ, то въ этомъ заключается противорѣчіе или несправедливость по отношенію къ А.-С. Поэтому здѣсь ясно высказано, что въ каждой странѣ кружки конституируются самостоятельно и сами же образуютъ свой общій центръ по возможности и согласно законамъ. Главное, что центръ долженъ быть сформированъ ими же.

Не желая вдаваться въ юридическія препирательства относительно того, что возможно въ каждой странѣ въ отдѣльности, и желая только дать вамъ приблизительное указаніе, ни съ чѣмъ васъ не связывающее, мы и говоримъ, что въ предѣлахъ возможности, предоставленной законами данной страны, сіонистскіе кружки должны объединиться въ общей мѣстной организаціи, стоящей подъ наблюденіемъ или контролемъ члена А.-С. или совокупности членовъ А.-С., если въ этой странѣ ихъ нѣсколько.

Затѣмъ, мы идемъ дальше и говоримъ: если возможно объединить всѣ кружки въ одной организаціи,

тогда учреждается *одна* общая организація страны. Если же нѣкоторое число кружковъ желаютъ отдѣлиться или же если возникаютъ новые кружки, то мы говоримъ, что 50 кружковъ по крайне мѣрѣ имѣютъ право образовать новую федерацію. Такимъ образомъ вы создадите возможность для того, во-первыхъ, чтобъ сіонизмъ расширился безгранично, а не замкнулся бы въ существующихъ кружкахъ, и, во-вторыхъ, для самоопредѣленія сіонистовъ въ вопросахъ сіонизма.

5. (*Въ толѣ же застѣданіи.* На замѣчаніе д-ра Бернштейнъ-Когана, что д-ръ Герцль себѣ противорѣчитъ въ вопросѣ о федераціяхъ). **Д-ръ Герцль:** Прежде всего, д-ръ Бернштейнъ-Коганъ, я себѣ совершенно не противорѣчу, потому что я ясно сказалъ: поскольку законы страны это допускаютъ; я, слѣдовательно, считаюсь съ замѣчаніемъ г. Усышкина, что мы не должны устанавливать здѣсь нѣчто фиктивное, неосуществимое. Съ этимъ замѣчаніемъ его я согласенъ.

Съ другой стороны, я согласенъ и съ д-ромъ Шляпниковымъ, что подходящую форму мы должны искать въ самой жизни, какъ вы выражаетесь, въ кружкахъ, какъ я говорю, и что мы должны побудить кружки къ тому, чтобъ они сами себѣ подыскали типъ организаціи. Я согласенъ съ вами, что мы должны сдѣлать возможнымъ зарожденіе жизни, мы должны внести жизнь въ кружки. Тогда лишь мы въ нихъ будемъ черпать указанія.

Намѣренія у васъ наилучшія, но все же вы пожалуй не обладаете еще окончательной формою и берете на себя слишкомъ большую отвѣтственность, отъ которой я хочу васъ избавить тѣмъ, что не они лично должны рѣшать, а совокупность кружковъ.

6. (*Въ толѣ же застѣданіи.* Въ отвѣтъ на замѣчаніе румынскаго делегата Мандельбаума, что вмѣсто фе-

дерацій достаточно раздѣленія каждой страны на нѣсколько районовъ). **Д-ръ Герцль:** Предшествовавшему оратору я хотѣлъ бы отвѣтить, что заключеніе мира между сіонистами какой-нибудь страны насъ совершенно не касается. Мы можемъ только сожалѣть, когда въ теченіе года происходятъ разногласія, и эти разногласія могутъ только дать намъ поводъ для новыхъ мѣропріятій; но заключеніе мира не можетъ служить для насъ основаніемъ отказаться отъ мѣропріятій. Дѣло здѣсь не въ тѣхъ лицахъ, которыя теперь заключаютъ между собой миръ, а въ томъ, чтобъ указать вѣрный базисъ на будущее время; подраздѣленіе же на районы какъ разъ противоположно тому, что я предлагаю. Мы противъ дедуктивнаго подраздѣленія; мы хотѣмъ, напротивъ, чтобъ районы образовались органически изъ кружковъ; сколько ихъ будетъ, три или пять—мы не можемъ опредѣлить.

Если мы вамъ скажемъ: раздѣлите страну на четыре района, а окажется, что это подраздѣленіе не соотвѣтствуетъ существующимъ потребностямъ, тогда все мѣропріятіе будетъ безцѣльно. Я все возвращаюсь къ принципу, въ которомъ я усматриваю всю цѣнность всей нашей организаціи: вы должны стараться строить организацію снизу вверхъ. Я былъ бы вообще за то, чтобъ устранить изъ проекта все то, что касается вопроса о правѣ нѣсколькихъ кружковъ избирать свой Комитетъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мѣстный Комитетъ (*Landes-Comité*) согласенъ—они могутъ это сдѣлать; если же этотъ Комитетъ не соглашается, то все это является излишнимъ. Возвращаюсь къ формулировкѣ и считаю единственно правильной слѣдующую:

„Поскольку законы страны допускаютъ, сіонистскіе кружки должны образовывать изъ себя мѣстную органи-

зацію, стоящую подъ наблюденіемъ члена А.-С. или совокупности членовъ А. С. этой страны“.

Считаю нужнымъ замѣтить, что существующія уже федераціи должны быть сохранены, даже если число входящихъ въ нихъ кружковъ уменьшается. Мы должны сохранить все организованное; если окажется возможнымъ, какъ сказалъ д-ръ Бернштейнъ-Коганъ, что въ какой-нибудь большой странѣ будетъ существовать только одна федерація, то это упроститъ работу. Но жизнь движенія не должна быть стѣснена рамками.

7. (*Въ томъ же засѣданіи.* Передъ голосованіемъ § 6 организаціоннаго устава о мѣстныхъ организаціяхъ). **Д-ръ Герцль:** Я предлагаю отклонить редакцію, предложенную организаціонной Коммиссіей и принять прочитанную мной нѣсколько разъ формулировку, причемъ я еще вкратцѣ замѣчаю, что она имѣетъ цѣлью сдѣлать базисомъ организаціи кружки, широкіе слои массъ. Редакція, предложенная мной и исключаящая, въ случаѣ принятія, текстъ организаціонной Коммиссіи, гласитъ: „Поскольку законы страны допускаютъ, сіонистскіе кружки должны образовать изъ себя мѣстную организацію, стоящую подъ наблюденіемъ члена А.-С. или совокупности членовъ А.-С. данной страны“.

Этотъ параграфъ, являющійся въ сущности основнымъ, включаетъ въ себѣ двѣ вещи: построеніе организаціи на самомъ широкомъ и, слѣдовательно, самомъ надежномъ базисѣ и, во-вторыхъ, во всякомъ случаѣ всюду допустимое сношеніе мѣстныхъ организацій съ общимъ центромъ.

8. (*Въ томъ же засѣданіи.* Въ отвѣтъ докладчику организаціонной Коммиссіи). **Д-ръ Герцль:** Долженъ обратить вниманіе на ошибку въ выкладкахъ д-ра Боденгеймера.

Короче всего я это выражу въ сравненіи. О чемъ

здѣсь рѣчь? Съ одной стороны о функціонированіи, объ устройствѣ мѣстныхъ организацій. Это—индивиды, большіе коллективные индивиды, большіе и малые, толстые и худощавые, но они должны быть тамъ—какъ они въ дѣйствительности, развиваться не по одной модели, а соотвѣтственно жизни и являться выраженіемъ сіонистскаго движенія данной страны. Съ другой стороны, я и самъ желаю сношеній съ этими индивидами, слѣдовательно, связь съ движеніемъ. Эту связь и составляетъ первая часть моего параграфа: „Поскольку законы страны допускаютъ, сіонистскіе кружки должны образовать изъ себя мѣстную организацію“.

Эта организація будетъ такой, какъ она возникнетъ, какъ она развернется, безъ нашего вмѣшательства. Далѣе сказано, что мѣстная организація находится подъ наблюденіемъ члена А.-С. или всѣхъ членовъ А.-С. данной страны.

Это означаетъ: совокупность. Не индивиды, не кружки насъ интересуютъ. Въ каждой странѣ мы имѣемъ дѣло съ совокупностями, либо уже существующими, либо вновь образовавшимися изъ отдѣлившихся частицъ, если онѣ состоятъ не менѣе, чѣмъ изъ 50 кружковъ.

Что означаетъ наблюденіе—всѣмъ намъ извѣстно. Этимъ дана связь, въ которой мы нуждаемся. Дебаты укрѣпили мое убѣжденіе, что это единственное, что должно быть нами принято. Я могу сослаться на мой многолѣтній опытъ въ нашемъ движеніи, который можетъ вселить вамъ довѣріе, что это дѣйствительно отвѣчаетъ нашей потребности.

9. (*Въ томъ же застѣданіи.* По поводу предложеній гг. Пасманика и Гринберга объ ограниченіи компетенціи малыхъ Конгрессовъ). **Д-ръ Герцль:** Хотя

теперь уже очень позднее время, мы не должны, однако, дѣлать ошибокъ. Невозможно ограничить малые Конгрессы, какъ вы ихъ называли. Въ такомъ случаѣ нѣтъ вовсе надобности ихъ созывать, потому что тогда А.-С. имѣетъ больше возможности что-нибудь сдѣлать, чѣмъ эта малая Конференція. Въ качествѣ А.-С. мы вправѣ принимать рѣшенія; но лишь только мы именуемся малымъ Конгрессомъ мы лишаемся этого права. Я думаю поэтому, что вы лучше достигнете желательной цѣли, принявъ отрицательную формулировку, которую я вамъ предложилъ: Конференція не вправѣ измѣнять рѣшенія большаго Конгресса, это значитъ, что она не можетъ измѣнять программу, учредительскія акціи, Наблюдательный совѣтъ и т. д. Эта редакція вполне ясна. Мы не должны только прибѣгать къ смѣшнымъ выраженіямъ.

10. (*Въ послѣдствѣнномъ засѣданіи 16/29 декабря.* Д-ръ Коганъ-Бернштейнъ высказался противъ допустимости нѣсколькихъ федерацій въ одной и той же странѣ и выразилъ опасеніе, что малый А.-С. пріобрѣтетъ несоотвѣтствующую уставу власть, если ему будутъ предоставлено утверждать такія федераціи). **Д-ръ Герцль:** Я долженъ тотчасъ же возстановить истину. Вчера мы объ этомъ долго и обстоятельно дебатировали. Изъ нашихъ дебатовъ явствуетъ, мнѣ кажется, что въ этомъ важномъ пунктѣ нашей организаціи рѣчь идетъ о томъ, чтобъ не мы, первоначальныя группы, организовали движеніе какъ бы сверху внизъ, а чтобъ оно само образовалось снизу вверхъ, чтобъ мы сохранили то, что нами уже создано, а именно Конгрессъ и большой А.-С., не стѣсняя, однако, неограниченнаго развитія новообразующихся и укрѣпляющихся кружковъ. Таковъ смыслъ, предложеннаго мною организаціоннаго устава, и я долженъ самымъ энергичнымъ образомъ

заявить, что вѣрно противоположное тому, что сказалъ д-ръ Бернштейнъ-Коганъ, а именно, что мы не добиваемся такъ называемой власти, ни для малаго, ни для большаго А.-С., власти основывать кружки, а что, напротивъ того, всю эту дѣятельность мы хотимъ отъ себя отдѣлить и предоставить ее широкимъ слоямъ сіонистовъ. Таковъ смыслъ моего организаціоннаго предложенія.

Задача наша состоитъ въ томъ, чтобъ съ одной стороны содѣйствовать возникновенію новыхъ кружковъ, а съ другой не давать возможности для своевольной и искусственной ломки кружковъ. Поэтому мы и говорили: для образованія новой федераціи, имѣющей право на существованіе, требуется, чтобъ она состояла по меньшей мѣрѣ изъ 50 федерій съ количествомъ шекедатеley minimum 5000. Можно допустить, что при удовлетвореніи этого требованія, такой организмъ достаточно великъ для того чтобъ имѣть право непосредственно сноситься не съ малымъ, а съ большимъ А.-С. Малый А.-С. существуетъ вѣдь только въ качествѣ центральнаго пункта.

Возьмемъ для примѣра Россію. Тамъ въ настоящее время имѣется одна только федерація, которая состоитъ болѣе чѣмъ изъ 50 кружковъ и болѣе чѣмъ изъ 5000 шекедатеley. Эти кружки могутъ образовать одну федерацію. Надо надѣяться, что это такъ и останется; очень удобно, что у васъ одна только федерація. Она образуется изъ кружковъ, съ которыми сносится А.-С. Федерація сносится непосредственно не съ малымъ А.-С., а черезъ посредство русскихъ представителей большаго А.-С. Предположимъ, что, благодаря отпаденію кружковъ или возникновенію новыхъ, образуется федерація; тогда мы скажемъ: пока не имѣется по меньшей мѣрѣ 50 кружковъ, въ составъ которыхъ вхо-

дять по меньшей мѣрѣ 5000 шекеледатетей—эта группа еще не имѣетъ необходимаго характера федераціи. Почему: необходимаго? Потому что мы не можемъ усложнять до бесконечности дѣла малаго А.-С. Но если такая группа кружковъ уже существуетъ, то въ ея существованіи заключается уже ея право требовать для себя непосредственныхъ сношеній съ большимъ А.-С.

Что будетъ тогда? Она вступить въ сношенія съ русскими членами большаго А.-С. Она будетъ получать сообщенія отъ малаго А.-С. Такія сообщенія до тѣхъ поръ посылались только единственной существовавшей федераціи, а отнынѣ будутъ посылаться и новой федераціи; и, наоборотъ, малый А.-С. будетъ получать отъ этой новой федераціи предложенія и сообщенія. Вотъ о чемъ здѣсь идетъ рѣчь.

При этомъ вполне обезпечена возможность возникновенія новыхъ кружковъ. Представимъ себѣ для примѣра, что въ Россіи существуетъ категория сіонистовъ, которую не вполне удовлетворяетъ существующая федерація, въ отношеніи культурнаго или какого либо другого вопроса. Въ принципѣ наше движеніе никого не отталкиваетъ, потому что оно можетъ всѣхъ включить и возможно, что тѣ, которые при теперешней фізіономіи движенія не примыкаютъ къ намъ, объединятся въ видѣ федераціи. Такая федерація, составленная изъ евреевъ и сіонистовъ, также имѣетъ неоспоримое право организовать и для этого должна быть создана возможность. То, что мы предлагаемъ, является необходимой гарантіей, чтобъ движеніе не было стѣснено какими-либо внѣшними или личными соображеніями.

Г. Гербстъ изъ Болгаріи спрашиваетъ меня, подходитъ ли подъ понятіе федераціи страны, въ которой нѣтъ 50 кружковъ и 5000 шекеледателей. Именно въ

виду этого въ нашемъ параграфѣ и говорится о „новыхъ“. Требованіе это относится къ *новымъ* федераціямъ. Старая же федерація или существующій уже мѣстный Комитетъ (*Landes-Comité*) не обязаны отвѣчать этимъ требованіямъ.

Для того же, чтобъ исключить возможность своеволія и раздоровъ въ кружкахъ, новообразованныя должны подчиниться этимъ требованіямъ.

11. (*Въ томъ же засѣданіи*. На вопросъ американскаго делегата, какъ будетъ поступлено съ тѣми странами, гдѣ уже теперь имѣется по нѣсколько федерацій.) **Д-ръ Герцль**: Этотъ вопросъ, интересующій также и Румынію, долженъ быть рѣшенъ въ соотвѣтствіи съ тѣмъ принципомъ, который мы теперь установили. Федерація, которая существовала раньше другихъ, пользуется правомъ старѣйшей федераціи, а прочія должны быть разсматриваемы, какъ новообразовавшіяся, этого не значитъ, что онѣ исключаются изъ сіонистскаго движенія, но онѣ должны отвѣчать тѣмъ требованіямъ, которыя необходимы для образованія федераціи.

12. (*Въ вечернемъ засѣданіи 16/29 декабря*. Въ отвѣтъ г. Темкину, который высказался противъ принципа федераціи вообще и въ особенности съ точки зрѣнія русскихъ сіонистовъ).

Д-ръ Герцль: Позвольте мнѣ отвѣтить. Мы не можемъ отказаться отъ нашего предложенія, если мы не хотимъ разстроить всю нашу организацію, и никакой другой, кромѣ предложенной нами формы, мы не могли найти. Я не раздѣляю мнѣнія г. Темкина, что это приведетъ къ разслабленію существующихъ союзовъ. Я могу повторить то, что я уже разъ сказалъ г. Бернштейну-Когану. Здѣсь замѣчается заблужденіе, которое легко объяснить тѣмъ, что при теперешней формѣ

мѣстные Комитеты отдѣльныхъ странъ составлялись изъ представителей А.-С. въ данной странѣ. Конечно, это совпаденіе допустимо, но не необходимо; для роста движенія даже лучше, чтобъ этого совпаденія не было. Работа значительно уменьшается и не въ ущербъ сцѣпленію частей; при этомъ еще мѣстныя организациі имѣютъ возможность развиваться по своему. Принципы во всемъ движеніи должны быть единый; опытъ же этого года намъ показалъ, что единственно правильный принципъ—считаться со всѣми проявленіями нашего движенія.

13. (*Въ томъ же заступаніи.* Въ отвѣтъ на требованіе измѣнить предложеніе А.-С. въ томъ смыслѣ, чтобъ устройство федерацій находилось въ зависимости отъ интересовъ каждой страны).

Д-ръ Герцль: Относительно возможности образованія федерацій мы уже приняли рѣшеніе, такъ какъ первая часть нашего предложенія уже принята. Теперь рѣчь идетъ о томъ, чтобъ установить тѣ условія, наличность которыхъ необходима для новой федераціи. Если вы поставите эти условія въ зависимость отъ характера отдѣльныхъ странъ, то вы придете къ различнымъ цифрамъ. Это было бы во всякомъ случаѣ противно принципу единообразія. Русскіе представители желаютъ, чтобы—въ случаѣ, если федераціи вообще будутъ приняты—для нихъ установить гораздо болѣе высокія нормы, потому что у нихъ 50 кружковъ не играютъ никакой роли. Изъ этой трудности вы не выйдете. Да впрочемъ, эти федераціи находятся въ сношеніяхъ съ вами-же, а не малымъ А.-С. (Д-ръ Коганъ-Бернштейнъ, замѣчаетъ, что это не такъ) Конечно, да! сказано вѣдь: „только черезъ посредство членовъ *большаю* А.-С.“

Предложеніе Усышкина гласитъ: „Вторая федерація можетъ образоваться только съ согласія членовъ А.-С.

этой страны". Точка зрѣнія Усышкина совершенно ясна. Потому-то нашъ проектъ и стремится къ тому, чтобъ возникновеніе новыхъ федерацій не зависѣло отъ усмотрѣнія членовъ А.-С. этой страны, но чтобъ были установлены нѣкоторыя опредѣленные условія. Лишь только эти условія имѣются на лицо, федерация уже существуетъ. Но нельзя сказать, что такимъ образомъ будетъ обойденъ мѣстный А.-С. Нашъ проектъ, въ которомъ мѣстный А.-С. и мѣстная организація другъ отъ друга отдѣлены и находятся только въ связи, считается съ обѣими сторонами. Въ такомъ случаѣ, слѣдовательно, А.-С., избираемое конгрессомъ, въ данномъ русскій А.-С., будетъ сноситься съ старой федераціей и, кромѣ того, съ уже образовавшейся новой. Что же касается тѣхъ кружковъ, которые при возникновеніи своемъ встрѣчаются съ противодѣйствіемъ извѣстнаго числа лицъ, то у нихъ будутъ въ рукахъ опредѣленные установленія, дѣловаго, а не личнаго характера. Съ этимъ положеніемъ они не могутъ не согласиться.

Если это положеніе принято, то въ интересахъ упрощенія работы малаго А.-С., который, черезъ посредство большаго А.-С., долженъ сноситься съ мѣстными организаціями, въ интересахъ этого не образовывать слишкомъ много маленькихъ федерацій. Если это такъ, то слѣдуетъ признать достаточнымъ число 50 кружковъ которое не слишкомъ велико, но представляетъ уже изъ себя извѣстное право на существованіе.

Затѣмъ я отмѣчаю, что въ уставѣ мы дѣлаемъ различіе между старой и новой федераціей. Старая имѣетъ право быть въ сношеніяхъ и въ связи безотносительно отъ числа ея приверженцевъ, тогда какъ новая должна обладать минимальнымъ числомъ, хотя разумѣется можетъ обладать и большимъ числомъ. Мы полагали, что числа 50 и 5000 приблизительно правильны.

14. (*Во томъ же засѣданіи.* Запросъ объ обязательной подпискѣ на газету „Die Welt“ былъ возбужденъ д-ромъ Марморекомъ при обсужденіи § устава о доходахъ и расходахъ сіонистской организаціи, что нѣкоторые находили неумѣстнымъ).

Д-ръ Герцль: Этотъ вопросъ входитъ въ разбираемый параграфъ, трактующій о доходахъ, потому что, согласно предложенію д-ра Марморека, было-бы пожалуй возможно извлекать изъ „Welt“ доходъ, и еслибъ это удалось, то тутъ открывается для Конгресса источникъ доходовъ, такъ какъ газета ему принадлежитъ; если же она дастъ убытки, то это означаетъ расходъ для А.-С. Въ основѣ предложенія д-ра Марморека лежитъ мысль, что безсомнѣнно въ кружкахъ, въ организаціи чувствуется потребность находиться въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ центромъ, и что въ тотъ моментъ, когда всѣ кружки будутъ читать „Die Welt“, эта газета служила бы связующимъ звеномъ между кружками нап-рѣмъръ Аргентины, Южной Африки и Россіи. Въ тотъ моментъ, когда будетъ извѣстно, что это есть обязательный источникъ всякихъ свѣдѣній внутри сіонистскаго движенія, то эта газета уподобится черной доскѣ, на которой можно прочесть все то, что представляетъ общій интересъ.

Что это предложеніе всплываетъ лишь сегодня объясняется тѣмъ, что лица, учредившія и поддержившія „Die Welt“ старались избѣгать всего того, что могло какъ нибудь имѣть характеръ предпріятія. Избѣгнуть этого они хотѣли въ силу того положенія, которое они занимаютъ въ движеніи. Но съ того момента, какъ этотъ органъ принадлежитъ движенію, нельзя считать неделикатнымъ, а напротивъ того, слѣдуетъ признать разумнымъ требованіе, чтобъ онъ содержался на средства тѣхъ, ради которыхъ онъ развиваетъ дви-

Въ парламентской Комис- сії объ иммиграціи, въ Лондонѣ.

(Въ іюлѣ 1902 г.).

І. Докладъ д-ра Герця.

Семь лѣтъ тому назадъ, когда я жилъ въ Парижѣ, положеніе евреевъ произвело на меня такое сильное впечатлѣніе, что я обратилъ вниманіе на еврейскій вопросъ и издалъ брошюру подъ названіемъ „Еврейское Государство“.

Я долженъ предупредить, что въ началѣ я и не думалъ опубликовать эту брошюру или принять участіе въ политическомъ движеніи. Но когда я изложилъ мое намѣреніе передъ многими вліятельными евреями, и когда я пришелъ къ убѣжденію, что они совершенно игнорируютъ уже тогда мною предвидѣнную опасность, не замѣчаютъ огромной, черной тучи, собирающейся надъ востокомъ, тогда я опубликовалъ эту брошюру,

слѣдствіемъ которой явилось сіонистское движеніе, въ теперешней его формѣ.

Первый сіонистскій Конгрессъ былъ созванъ въ Швейцаріи, въ Базелѣ въ 1897 году, и я былъ избранъ его президентомъ. На каждомъ слѣдующемъ Конгрессѣ я былъ призываемъ на тотъ же постъ.

Мое положеніе вождя сіонистскаго движенія даетъ мнѣ возможность придти въ тѣсное общеніе съ евреями всѣхъ странъ, и поэтому мнѣ очень хорошо знакомы обстоятельства, касающіяся еврейства вообще, а въ особенности той части его, которая живетъ въ восточныхъ странахъ.

Мнѣ больно признать, что положеніе евреевъ теперь еще хуже, чѣмъ оно было семь лѣтъ тому назадъ, въ то время, когда я опубликовалъ мою брошюру. Не касаясь ничего другого, достаточно, если я скажу, что тогда еще не было дѣйствительной или мнимой необходимости созывать комиссію для вопроса объ иммиграціи иностранцевъ въ Англію.

Пусть не сочтутъ преувеличеніемъ, если я скажу, что я тогда уже предвидѣлъ зарожденіе еврейскаго вопроса и въ этой странѣ. Въ опубликованной мною въ 1895 году брошюрѣ „Еврейское Государство“ я сказалъ слѣдующее: „Еврейскій вопросъ существуетъ повсюду, гдѣ живетъ изрядное количество евреевъ; гдѣ его нѣтъ, туда онъ заносится эмигрантами. Слѣдуя закону природы, они, понятно, эмигрируютъ въ такія страны, гдѣ ихъ не преслѣдуютъ; но тамъ преслѣдованіе вызывается именно ихъ присутствіемъ. Таково положеніе вещей въ каждой странѣ, и таковымъ оно и останется даже тамъ, гдѣ процвѣтаетъ высшая культура, при чемъ даже Германія не составляетъ исключенія, пока еврейскій вопросъ не найдетъ своего разрѣшенія на политическомъ базисѣ. Злосчастные евреи

заносятъ теперь антисемитизмъ и въ Англію, послѣ того, какъ они его уже посѣяли въ Америкѣ“.

То обстоятельство, что со времени Кромвеля теперь впервые въ Англіи живетъ изрядное количество евреевъ, является истинной причиной созыва этой Комиссіи. Я увѣренъ, что тѣ, которые это отрицаютъ, внутренне вполне раздѣляютъ это мнѣніе.

Но если они жалуются на иммиграцію иностранцевъ, то имъ незнакома истинная причина ихъ сѣтованій. Они чувствуютъ боль и указываютъ на больное мѣсто, но причину этой боли они должны искать въ совершенно незнакомой имъ области.

Я считаю своимъ долгомъ замѣтить, что одинъ только фактъ созыва этой Комиссіи привелъ къ довольно серьезному осложненію, потому что въ концѣ концовъ эта Комиссія должна или рекомендовать ограничительный законъ, или же оставить все по прежнему. Если ограничительный законъ не будетъ ею рекомендованъ, то самый фактъ засѣданія Комиссіи будетъ имѣть послѣдствіемъ новый иммиграціонный потокъ въ Англію.

Если же, наоборотъ, такой ограничительный законъ со всѣми его послѣдствіями будетъ принятъ парламентомъ, тогда Англія отрѣшится отъ великаго принципа давать свободное убѣжище угнетеннымъ, а до настоящаго времени этотъ принципъ былъ ея славой. Впрочемъ, я не вѣрю, что попытка исключить бѣдныхъ, угнетенныхъ евреевъ можетъ удался. Тогда будетъ доказано, что Англія представляетъ вполне соответствующую область для иммиграціи.

Я не могу считать относительно неважнымъ вопросъ, подлежащій разбору Комиссіи, какъ на примѣръ въ какомъ кварталѣ должны жить эти люди, или нѣтъ-ли гдѣ нибудь перенаселенія.

Въ этомъ дѣлѣ я лично очень мало могу сказать, поскольку рѣчь идетъ о восточной части Лондона. Все, что я знаю на этотъ счетъ основывается на показаніяхъ, данныхъ передъ Комиссіей, и эти показанія убѣдили меня, что вышеупомянутый вопросъ мѣстожителъства или переполненія является большей частью только одной случайностью, что побудительные мотивы, дѣйствующіе въ другихъ мѣстахъ противъ нашего народа, дѣйствуютъ и здѣсь; это то, что я называлъ: „сила конкуренціи труда, унаслѣдованнаго предразсудка и мнимой самозащиты“.

Таковы руководящіе мотивы, и какъ бы не старались это скрывать, но призывъ къ ограниченію иммиграціи объясняется пребываніемъ здѣсь замѣтнаго числа евреевъ и желаніемъ, чтобы число ихъ не возросло еще больше. Здѣсь были свидѣтели, которые вамъ разъяснили причины, по которымъ евреи покидаютъ восточную Европу и эмигрируютъ сюда и въ Америку.

Позвольте вамъ замѣтить, что не исключительно матеріальныя выгоды привлекаютъ ихъ сюда. Большой частью являются моральныя причины: страстное желаніе попасть въ болѣе человѣческія условія, желаніе наслаждаться житейской и духовной свободой, которой еврей восточной Европы, при теперешнемъ ея положеніи, совсѣмъ не знаетъ.

Относительно вопроса, насколько иммиграція сама по себѣ хороша или не хороша для этой страны не мнѣ судить. Въ лучшемъ случаѣ я могу быть только пристрастнымъ свидѣтелемъ. Возможно, что оттого именно, что эти иммигранты обладаютъ въ значительной степени извѣстными качествами, какъ, напримѣръ прилежаніе, умѣренность, бережливость они менѣе желательны, чѣмъ если бы они отличались явными пороками.

Поскольку рѣчь идетъ о восточной Европѣ, которая является рѣшающей для всего еврейства, такъ какъ тамъ находится самая большая часть всѣхъ евреевъ, то положеніе со дня на день ухудшается.

Достаточно указать на Румынію, какъ на одинъ изъ бросающихся въ глаза приѣмовъ, посредствомъ которыхъ заставляютъ евреевъ покидать свою родину. Даже послѣ того, какъ они служили въ арміи, они остаются чужими въ своей родинѣ.

Пусть Комиссія пойметъ, что евреи *больше*, а во всякомъ случаѣ, не *меньше* другихъ народовъ, питаютъ любовь къ отечеству; и это обстоятельство еще увеличиваетъ трагизмъ ихъ доли.

На средневѣковомъ нѣмецкомъ нарѣчій слово нужда (*Elend*) означало одновременно и нищету и изгнаніе, и съ давнихъ временъ эти слова являются для евреевъ синонимами.

Однако вы не должны думать, что еврей отказывается отъ своей работы въ тотъ моментъ, когда его положеніе ухудшается, и что здѣсь, въ Англіи, окончательно разрѣшили этотъ вопросъ; наоборотъ, я долженъ поздравить эту страну, приступившую къ анкетѣ въ такой моментъ, который, по моему мнѣнію, является только первоначальной стадіей.

Значительное число евреевъ, о которомъ я выше упоминалъ, вѣроятно еще возрастетъ, благодаря иммиграціи при теперешнихъ условіяхъ, потому что, я замѣчаю, что даже г. Арнольдъ Уайтъ не пытается исключить тѣхъ иммигрантовъ, которые являются жертвами гоненій. Не скажу, чтобы меня особенно поразило то отчаяніе, которое охватило еврейскую общину въ Англіи, уже при одномъ зарожденіи еврейскаго вопроса.

Въ многочисленныхъ рѣчахъ произнесенныхъ мною и моими единомышленниками въ Англіи, я предупре-

ждалъ англійскихъ евреевъ, чтобы они не оставались неподготовленными къ тому положенію, которое, какъ они надѣялись, никогда не наступить.

Меня поражаетъ глубина отчаянія, размѣры неподготовленности; это привело только къ бессмысленному предложенію мѣстнаго расселенія, какъ средства противъ того зла, которое гигантскими шагами приближается къ англійскимъ евреямъ, подобно тому, какъ это случилось въ другихъ странахъ.

Право, можно сказать, что это предложеніе задумано въ томъ устарѣломъ духѣ, который именуется: „еврейская благотворительность“. Еврейская благотворительность еще до сихъ поръ опирается на началахъ, соотвѣтствующихъ обстановкѣ среднихъ вѣковъ. Видоизмѣнившіяся условія современности ее однако переросли.

Въ былое время еврейская благотворительность имѣла своей цѣлью придти на помощь тѣмъ, которые кочевали съ мѣста на мѣсто, и которыхъ довели до нищенскаго посоха. Руководящимъ мотивомъ было, пожалуй, главнымъ образомъ то обстоятельство, что не знали, какъ быстро сегодняшній благотворитель завтра можетъ превратиться въ такого-же бѣдняка.

Всѣ евреи были братьями по несчастью, если не въ данный моментъ, то этого можно было ожидать ежеминутно. Но въ тѣ времена путь странствующаго еврея былъ очень коротокъ, и пространство, которое ему приходилось пройти пѣшкомъ не превышало пожалуй нѣсколькихъ миль, такъ что поддержка ему нужна была только для этого короткаго пути. Современные пути сообщенія переросли эту благотворительную систему, такъ что лондонскіе благотворители должны напимѣръ содѣйствовать дальнѣйшей отправкѣ евреевъ, эмигрирующихъ изъ Россіи въ Америку; старая система доведена до такой степени запутанности, что она не мо-

жетъ отдѣлаться выдачей вспомошествованія этимъ людямъ, а что деньги, которыя въ былое время имѣли цѣлью освобождать евреевъ отъ нищеты, употребляются теперь для того, чтобы ихъ снова вернуть въ нищету.

Главнымъ образомъ это случилось съ румынскими бѣглецами, пріѣхавшими въ Англію, гдѣ ихъ встрѣтили со словами: „назадъ на родину!“,—на родину, куда они возвращаются, какъ чужіе!

Вотъ, что я думалъ, сказавъ, что система еврейской благотворительности обанкротилась. Ея дѣйствительная цѣль — вывести евреевъ изъ худшаго положенія и поставить въ лучшія условія жизни, но, когда она вынуждена толкать евреевъ изъ лучшей обстановки въ худшую, то это служить доказательствомъ, что вся метода потерпѣла фіаско.

Затѣмъ является предложеніе ассимилироваться. Тѣ, которые смотрятъ на это, какъ на рѣшеніе еврейскаго вопроса, не имѣютъ въ виду только обезьянью ассимиляцію, равносильную рабскому и пошлomu подражанію. Они имѣютъ, вѣроятно, въ виду ассимиляцію посредствомъ смѣшанныхъ браковъ, для того, чтобы малый потокъ нашей расы слился и исчезъ въ общемъ потокѣ тѣхъ народовъ, среди которыхъ она живетъ. Что касается смѣшанныхъ браковъ, то на этотъ вопросъ существуетъ два различныхъ взгляда. Если бъ даже еврей на это согласился — предположеніе очень сомнительное, — то какъ можно себя представить, чтобы люди, которые насъ не переносятъ, какъ сосѣдей, захотѣли насъ принять какъ членовъ своей семьи? И если я говорю о смѣшанныхъ бракахъ, какъ о средствѣ, то я основываюсь на предложеніи, что это средство будетъ принято, какъ универсальная политика, и не ограничится единичными случаями. Но для этого раньше должно измѣниться все положеніе евреевъ, на нихъ

по крайне мѣрѣ должны были бы смотрѣть во всемъ мірѣ другими глазами, чѣмъ обыкновенно теперь смотрятъ. Но въ тотъ день, когда весь міръ призналъ бы въ такой высокой степени истинную цѣну за евреями, онъ также призналъ бы наше настоящее значеніе, какъ отдѣльной единицы, и далъ бы намъ право существовать въ качествѣ особаго народа, удѣливъ намъ должное мѣсто среди націй всего міра.

Еслибъ мы заключали смѣшанные браки прежде, чѣмъ міръ готовъ насъ принять въ свою среду, то обостряя такимъ образомъ существующія отношенія, мы бы вызвали еще больше горя; если же мы это сдѣлаемъ тогда, когда міръ расположенъ будетъ насъ принять въ свою среду, то тогда не было бы уже никакой необходимости это дѣлать, потому что въ такомъ случаѣ исчезъ бы народъ, который былъ признанъ и по достоинству оцѣненъ міромъ, а такой народъ слѣдовало бы сохранить. Я разбиралъ этотъ вопросъ, допуская на одинъ моментъ, что нашъ народъ былъ бы склоненъ къ смѣшаннымъ бракамъ. Но нѣтъ ничего другого, чего бы большинство нашего народа держалось такъ цѣпко, какъ чувства, которое лежитъ въ основѣ брака. Смѣшанный бракъ и тогда внушаетъ отвращеніе—даже ортодоксамъ—когда лицо, вступающее въ бракъ съ евреемъ или еврейкой, переходитъ въ лоно еврейства. Остается по этому тотъ исходъ, на который я указалъ въ моей брошюрѣ „Еврейское Государство“. Конечно, то что я писалъ тогда, я бы не повторилъ теперь цѣликомъ въ тѣхъ же выраженіяхъ или въ каждомъ отдѣльномъ пунктѣ. Тогда еще не было еврейскаго Конгресса, съ тѣхъ поръ ихъ было пять. Тогда я писалъ, не зная того, что я узналъ въ послѣдствіи изъ разговоровъ съ евреями; тогда я писалъ, не занимая оффиціального положенія. Но основной принципъ

остался вѣрнымъ. Рѣшеніе еврейскаго вопроса заключается въ признаніи евреевъ націей и въ томъ, чтобы они нашли признанное правомъ убѣжище, куда они могли бы эмигрировать изъ тѣхъ частей свѣта, гдѣ ихъ притѣсняютъ, и куда они переселялись бы какъ граждане, именно потому, что они евреи, а не какъ чужіе.

Въ результатѣ получилось бы то, что эмиграціонный потокъ изъ этой страны и изъ Америки, гдѣ они становятся въ тяжесть, какъ только ихъ число значительно увеличивается, былъ бы направленъ въ страну, гдѣ слѣдовало бы найти мѣсто для возможно большаго числа людей. Еслибы евреямъ представили тамъ право народа, то я убѣжденъ, что они разовьютъ тамъ специфически еврейскую культуру, національный характеръ и національныя стремленія, которыя поведутъ къ прогрессу человѣчества.

Я, быть можетъ, не имѣю права обращать вниманіе Коммиссіи на эту сторону вопроса, такъ какъ это, пожалуй, лежитъ внѣ границъ настоящей анкеты, но я глубоко убѣжденъ, что проблема, для разбора и обсужденія которой призвана эта Коммиссія, не можетъ быть иначе разрѣшена, какъ при принятіи принципа, что эмиграціонный потокъ изъ восточной Европы, который по необходимости будетъ постепенно усиливаться, долженъ быть отклоненъ въ другую сторону.

Евреи восточной Европы не могутъ оставаться тамъ, гдѣ они теперь живутъ; куда же имъ дѣваться? Если они здѣсь не желательны, то необходимо найти такое мѣсто, куда они могли бы эмигрировать, иначе создается та проблема, которой вы теперь занимаетесь. Но эта проблема не возникаетъ, когда будетъ найдена родина, которая будетъ признана правомъ еврейской родиной. И я прошу Коммиссію, — можетъ ли она или

не можетъ вліять на рѣшеніе этого вопроса, — не отказатьсѣ принять во вниманіе и эту формулу рѣшенія и высказать по этому поводу мнѣніе, имѣющее столь высокую цѣнность. Что касается евреевъ, то я не колеблясь утверждаю, что это рѣшеніе вопроса практично и осуществимо. Оно прежде всего желательно самимъ же несчастнымъ евреямъ. Это рѣшеніе встрѣтило бы съ ихъ стороны самое серьезное содѣйствіе, потому что ихъ безнадежно бѣдственное положеніе является причиной неурядиць, которыми приходится заниматься имъ самимъ, а въ настоящее время и этой Комиссіи.

ШЕСТОЙ КОНГРЕССЪ.

I. Открытіе Конгресса.

(въ воскресенье $10\frac{1}{28}$ августа 1903 г.).

Уважаемые члены Конгресса!

Нашъ VI Конгрессъ опять собрался въ славномъ городѣ Базелѣ, которому уже знакома наша признательность. Опять сопровождаютъ насъ сюда заботы и надежды.

Положеніе евреевъ во всемъ мірѣ теперь не лучше, чѣмъ ко времени другихъ Конгрессовъ. То, что мы въ прежніе годы говорили съ этой трибуны о положеніи нашего народа, остается вѣрнымъ и въ данный моментъ. Правда, кое гдѣ произошли измѣненія, но не къ лучшему. Многіе изъ насъ думали, что хуже уже не станетъ. Стало еще хуже. Подобно наводненію, бѣдствія охватили все еврейство. Нижніе слои уже потоплены. Если тѣ, которые занимаютъ болѣе возвышенныя, лучше защищенныя позиціи, отрицаютъ этотъ ужасный фактъ, то они тѣмъ самымъ плохо аттестуютъ свою проникательность или свое сердце. Признаніемъ факта, что евреямъ живется до невозможности скверно, конечно, еще мало сдѣлано. Это приводитъ, въ лучшемъ случаѣ, къ сердобольнымъ поступкамъ, которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ заслуживаютъ только похвалы, но которые—съ высшей и болѣе широкой точки зрѣнія достойны порицанія, потому что они, при своей доказанной недостаточности, содѣйствуютъ усыпленію совѣсти людей, связанныхъ взаимными обязан-

ностями. „Что жъ, мы дѣлаемъ. что можемъ!“ — это удобный отвѣтъ. Нѣкоторые люди, быть можетъ, испытываютъ достаточно тонкое чувство самоудовлетворенности, когда они—узнавъ утромъ изъ газеты о средне-вѣковомъ избіеніи евреевъ—посылаютъ въ редакцію свою скромную денежную лепту для опубликованія. Но даже тѣ, которые облагаютъ себя честно, соразмѣрно своему состоянію, денежной жертвой еще ничего не сдѣлали. Деньгами нельзя вернуть жизнь усопшимъ, здоровье—искалѣченнымъ, родителей—сиротамъ. А можно ли подаяніемъ избавить отъ трепета тѣхъ, которые, хотя лично и не пострадали, но продолжаютъ жить въ той же обстановкѣ, тѣхъ, которые еще этого не пережили?

Собственно говоря, мы сіонисты пользуемся этими аргументами противъ нашего желанія. Нашему чувству противно пользоваться катастрофой для политической цѣли, и извлекать агитаціонныя выгоды изъ бѣдствія несчастнѣйшихъ существъ. Но съ этого мѣста должно же быть сказано, съ какой болью и съ какимъ негодованіемъ мы узнали о страшныхъ событіяхъ въ Кишиневѣ и какая скорбь наполняетъ наши сердца при мысли, что евреи живутъ въ такихъ условіяхъ. Бѣдные люди, подавленные заботами, погибли тамъ въ мученичествѣ. Мы почтимъ ихъ память, мы будемъ заботиться объ ихъ семьяхъ и затѣмъ мы не будемъ терять нашего времени въ бесполезныхъ демонстраціяхъ; вмѣсто этого мы обратимъ наши живыя заботы на благо живущимъ.

Мы не должны, подъ впечатлѣніемъ кровавыхъ дней бессарабскаго города, забывать, что имѣются и другіе Кишиневы и не только въ Россіи. Кишиневъ—всюду, гдѣ евреи страдаютъ физически и морально, гдѣ ихъ честь оскорбляется, гдѣ ихъ имущество под-

вержено раззоренію всѣдствіе того, что они евреи. Будемъ спасать тѣхъ, которыхъ спасать еще можно.

Мы должны спѣшить нашей помощью. Люди, способные замѣтить очевидныя примѣты, должны видѣть, что въ нашемъ положеніи наступило роковое ухудшеніе. Мы сіонисты давно уже предсказали это ухудшеніе, и вотъ оно наступило, къ нашему глубочайшему прискорбію.

Въ послѣдніе двадцать лѣтъ XIX столѣтія представители еврейскихъ общинъ вѣрили во всеспасительное значеніе эмиграціи. Не говоря уже о бѣдственномъ положеніи странниковъ, объ ужасныхъ новыхъ условіяхъ, въ которыхъ они очутились неподготовленными, о національной потерѣ, обусловленной непрерывнымъ разсѣяніемъ и т. д., не говоря уже обо всемъ этомъ—эмиграція могла продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока страны иммиграціи не противились притоку безнадежнаго пролетаріата.

Такова новая эпоха, въ которую мы вступили. Страны иммиграціи начали принимать мѣры, несмотря на то, или нѣтъ,—именно потому, что еврейская нищета возрасла на востокъ Европы. И все же это страны, въ высокому нравственному уровню которыхъ было бы просто нелѣпо сомнѣваться. Эти государства считаютъ нужнымъ поставить предѣлъ своей обычной гуманности (это не иронія!) и рѣшить политическимъ путемъ еврейскій вопросъ, который для нихъ сводится къ еврейской иммиграціи. Только у насъ, евреевъ, иные еще боятся усматривать въ этомъ политику. Но если вѣрно понять эту боязнь, то она намъ внушитъ жалость, а не гнѣвъ. Это боязнь пространства, *) наслѣдіе жизни въ узкой Еврейской улицѣ (*Judengasse*).

*) Plattfurcht—агорафобія.

Тѣмъ временемъ развитіе идетъ неудержимо впередъ. Въ Англіи, этомъ послѣднемъ до сего времени вполне открытомъ убѣжищѣ, была назначена Королевская Комиссія для ознакомленія съ иммиграціей иностранцевъ. Иностранцевъ, чтобы не сказать евреевъ. Но заключенія доклада не допускаютъ сомнѣній, о какой иммиграціи Комиссіи предстояло высказаться. Ясно видно, какъ свободная, великодушная Англія борется съ собой, какъ ей тяжело принять суровыя мѣры противъ бѣдныхъ людей, какъ она занимается кропотливымъ изслѣдованіемъ вопроса, прежде чѣмъ окончательно рѣшиться. Существуютъ въ этой странѣ старинные принципы, достославные какъ знамена, которые не останутся совсѣмъ незапятнанными, если Англія откажетъ въ свободномъ убѣжищѣ безъ вины несчастнымъ. То же самое вѣрно и въ отношеніи къ Америкѣ, которая стала великой потому, что служила убѣжищемъ.

Правительства, которымъ приходится считаться съ еврейской эмиграціей, все лучше и лучше понимаютъ наше дѣло. Наше рѣшеніе вопроса, которое ведетъ къ созданію убѣжища для еврейскаго народа, въ такой мѣрѣ отвѣчаетъ всеобщей потребности, что оно въ концѣ концовъ должно осуществиться. Конечно, это нелегкая работа. Имѣются препятствія, требующія терпѣнія и стойкости. Но и это составляетъ часть того воспитанія, которое мы получаемъ на нашемъ пути. Бываютъ тяжелые дни, когда видишь, какъ пропадаетъ добытое съ большимъ трудомъ и какъ рушатся многообѣщавшія начинанія. Пока движеніе молодо и слабо, вожди должны опасаться, что такія превратности могутъ деморализировать приверженцевъ, тогда какъ къ ихъ собственному разочарованію и утомленію прибавляется еще забота о продолженіи работы, о созиданіи средствъ, о стойкости своихъ послѣдователей. Однако,

и это къ добру. Мы теряемъ тѣхъ, въ лицѣ которыхъ мы ничего не теряемъ. Они уходятъ,—одни съ своимъ болѣзненнымъ тщеславіемъ, другіе потому, что все дѣло оказалось въ несоотвѣтствіи съ ихъ расчетами, третьи потому, что они охотно участвуютъ только при успѣхѣ дѣла, и еще многіе—изъ разныхъ другихъ побужденій. Зато для тѣхъ, которые остаются, дѣло становится болѣе дорогимъ съ каждой новой жертвой. Съ этими можно продолжать путь, и имъ можно также все сказать. Таковы были наши соображенія, когда мы созывали этотъ Конгрессъ, и мы полагали, что намъ не придется сообщить ничего другого, какъ неудачный исходъ переговоровъ и крушеніе долго подготавливавшихся попытокъ. Между тѣмъ случилось нѣсколько иначе.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы были здѣсь вмѣстѣ въ пятый разъ, я опять имѣлъ дважды честь быть призваннымъ Е. В. Султаномъ въ Константинополь. Оба раза, однако, въ февралѣ и въ августѣ 1902 г. переговоры были безрезультатны. Само собою разумѣется, что я не могъ задаваться ничѣмъ, что не соотвѣтствовало бы нашей базельской программѣ, въ особенности же не могла удовлетворить нашимъ національнымъ потребностямъ разбросанная безъ всякой связи колонизація въ различныхъ частяхъ турецкой имперіи. Изъ всѣхъ этихъ переговоровъ явствовало только, что Е. В. Султанъ продолжаетъ пребывать въ дружественномъ расположеніи къ еврейскому народу. Это, конечно, для насъ радостно и цѣнно, но практически мы дальше этого не идемъ. Но такъ какъ благожелательное расположеніе Султана несомнѣнно, точно также какъ несомнѣнны выгоды, какія имѣла бы отъ этого Турецкая имперія, то препятствіе слѣдовало искать въ отношеніи важнѣйшихъ державъ, заинтересованныхъ на Востокѣ, именно

Россіи. Ибо со стороны Германіи намъ нечего было опасаться сопротивленія, послѣ незабвеннаго участія, обнаруженнаго къ намъ германскимъ императоромъ. Когда, въ 1898 году, я имѣлъ честь быть принятымъ вмѣстѣ съ сіонистскою депутаціей въ Іерусалимѣ, Е. В. увѣрилъ наше движеніе въ своемъ благожелательствѣ. Королевскія слова нельзя толковать вкривъ и вкосъ. Точно также нечего было ожидать враждебности со стороны Англіи; событія, о которыхъ я сейчасъ объявлю, подтверждаютъ это.

Въ виду безуспѣшности послѣднихъ переговоровъ въ Константинополѣ и въ виду возрастающей нужды мы должны были искать иныхъ путей. Въ октябрѣ прошлаго года я вступилъ поэтому въ сношенія съ нѣсколькими членами британскаго Кабинета и представилъ имъ предложеніе дать намъ земельную концессию на Синайскій полуостровъ для того, чтобъ мы тамъ учредили колоніи для нашего народа. Какъ министры, которымъ я хотѣлъ бы здѣсь выразить мою самую горячую признательность, такъ и высшіе сановники британскаго правительства, приняли меня съ величайшей благосклонностью и привѣтливостью. Мнѣ дали понять, что такъ какъ намѣченная территория—египетская, то необходимо вступить въ непосредственные переговоры съ египетскимъ правительствомъ; все же англійское правительство великодушно снабдило меня своимъ содѣйствіемъ и выразило своему представителю въ Египтѣ, Лорду Кромеру, надежду, что планъ будетъ благожелательно принятъ въ соображеніе имъ и совѣтниками Е. Высочества Хедива. Египетское правительство намъ посовѣтовало, въ смыслѣ подготовительнаго шага, снарядить комиссію изъ специалистовъ, которая изслѣдовала бы страну съ точки зрѣнія ея пригодности для заселенія. Чтобъ заручиться согла-

сіемъ надлежащихъ египетскихъ властей на снаряженіе экспедиціи и на содѣйствіе таковой, нашъ представитель, М-ръ Гринбергъ, отправился въ концѣ октября въ Египетъ, снабженный рекомендаціями англійскаго министерства иностранныхъ дѣлъ.

Лордъ Кромеръ и египетскій министръ иностранныхъ дѣлъ приняли его чрезвычайно дружелюбно и, послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ, дали свое согласіе на снаряженіе экспедиціи. Они разрѣшили также приобщить къ этой экспедиціи представителя египетскаго межевого вѣдомства. Экспедиція была тогда составлена и въ нее вошли слѣдующія лица:

Инж. Кеслеръ, арх. Марморекъ, полк. Гольдсмитъ, инж. Стефенсъ, проф. Лоранъ, д-ръ Соскинъ, д-ръ Гиллель Іофе и представитель египетскаго правительства м-ръ Гомфрейсъ.

Экспедиція прибыла въ Египетъ въ концѣ января и отправилась, въ началѣ февраля, на Синайскій полуостровъ. Тѣмъ временемъ, нашъ представитель м-ръ Гринбергъ оставилъ Англію опять и направился въ Египетъ, чтобъ представить лорду Кромеру и египетскому правительству проектъ чартера для извѣстной части Синайскаго полуострова. Послѣ долгихъ переговоровъ нашъ посредникъ получилъ отъ египетскаго правительства документъ, въ которомъ оно выражаетъ свое согласіе съ основой предложеннаго чартера. Этотъ послѣдній предусматриваетъ еврейское самоуправленіе въ предѣлахъ предложенной территоріи и предоставляетъ муниципальныя права во всей уступаемой области, при условіи, что посланная туда экспедиція представитъ благопріятный докладъ, который внушитъ правительству убѣжденіе въ возможности заселенія полуострова.

Въ началѣ марта экспедиція возвратилась въ Еги-

нетъ и я самъ туда поѣхалъ, чтобъ съ нею встрѣтиться. Я представилъ лорду Кромеру и англійскому правительству разныя предложенія; однако, въ виду необходимости для меня вернуться въ Европу, я довѣрилъ дальнѣйшіе переговоры одному изъ членовъ посланной экспедиціи.

Переговоры длились долго; я долженъ однако съ сожалѣніемъ сообщить, что они привели къ заявленію египетскаго правительства, что оно не можетъ далѣе заниматься этимъ дѣломъ, такъ какъ мнѣніе специалистовъ свелось къ тому, что невозможно въ достаточной мѣрѣ снабдить водой пелузинскую равнину и что поэтому — невозможна колонизація ни Эль-Ариша, ни другой какой-либо части полуострова. Когда члены англійскаго правительства, съ которыми я раньше состоялъ въ сношеніяхъ, узнали о совѣтѣ данномъ специалистами египетскому правительству и о рѣшеніи, къ которому оно само вынуждено было придти — они тотчасъ же предложили мнѣ взятьъ прежней территоріи другую, для цѣлей еврейской колонизаціи.

Эта новая территорія не имѣетъ исторической, политически-религіозной и сіонистской цѣнности, которой еще могъ обладать Синайскій полуостровъ, но я не сомнѣваюсь, что Конгрессъ, какъ представитель еврейскихъ массъ, приметъ это новое предложеніе съ горячей благодарностью. Предложеніе содержитъ автономную еврейскую колонію въ Восточной Африкѣ съ еврейскимъ управленіемъ, еврейскимъ мѣстнымъ правительствомъ и еврейскимъ высшимъ сановникомъ во главѣ, все это разумѣется, подъ сюзереннымъ британскимъ надзоромъ. Такъ какъ это предложеніе было сдѣлано, то я не счелъ себя вправе, въ виду положенія еврейства и надобности немедленно найти какое-нибудь средство для возможнаго улучшенія существу

ющихъ условій, поступить иначе, какъ получить разрѣшеніе представить это предложеніе Конгрессу. Для того, однако, чтобъ это дѣло имѣло для всѣхъ насъ достаточно осязательный интересъ, необходимо было придать этому предложенію такую форму, которая считалась бы съ нашими, столь дорогими для всѣхъ насъ, національными стремленіями. Нашъ представитель велъ поэтому, въ теченіе нѣкотораго времени, съ членами британскаго Кабинета и начальниками отдѣльныхъ вѣдомствъ, переговоры, которые благопріятно подвинулись впередъ.

Я не хотѣлъ бы предупредить возрѣнія Конгресса на политику, которой сіонистское движеніе должно держаться въ отношеніи этихъ предложеній; но хотя само собою разумѣется, что еврейскій народъ не можетъ имѣть иной конечной цѣли кромѣ Палестины и хотя — какова бы ни была судьба предложенія — наши возрѣнія на страну нашихъ отцовъ должны всегда остаться неизмѣнными, Конгрессъ однако пойметъ, какое чрезвычайно важное содѣйствіе приобрѣло себѣ наше движеніе благодаря переговорамъ съ британскимъ правительствомъ. Я могу сказать, что наши взгляды въ отношеніи Палестины были изложены съ полной откровенностью и детальностью членамъ британскаго Кабинета и прикосновеннымъ къ этому случаю высокимъ правительственнымъ сановникамъ. Я думаю, что Конгрессъ можетъ найти способъ воспользоваться предложеніемъ. Это предложеніе было намъ сдѣлано въ такой формѣ, которая должна содѣйствовать улучшенію и облегченію положенія еврейскаго народа, безъ того, чтобъ намъ пришлось отрѣшиться отъ какой-либо части основныхъ положеній, на которыхъ зиждется наше движеніе.

Подробности проекта, на который я самымъ серьез-

нымъ образомъ обращаю ваше особенное вниманіе, врядъ-ли было бы практично представить всему Конгрессу. Мнѣ кажется болѣе правильнымъ просить васъ избрать небольшую отдѣльную Коммиссію, которой поручено было бы заняться всѣмъ этимъ дѣломъ. Что бы ни было рѣшено, но я могу съ утѣшеніемъ сказать, что всѣ мы въ сердцѣ нашемъ не испытываемъ ничего иного какъ глубочайшее чувство благодарности за политическое доброжелательство, которое проявила въ этихъ переговорахъ Великобританія къ еврейскому народу.

Конечно, это не Сіонъ и не можетъ никогда имъ стать. Это лишь вспомогательное колонизаціонное предпріятіе (*Kolonisationsaushilfe*), но—этого не слѣдуетъ терять изъ виду—на національныхъ и государственныхъ основаніяхъ. Этимъ дѣломъ мы не можемъ дать и не дадимъ нашей массѣ сигнала къ переселенію. Это есть и будетъ исключительно вспомогательная мѣра въ нуждѣ, которая должна вывести изъ тѣнерешией безпомощности всѣхъ филантропическихъ предпріятій и должна устранить потерю, происходящую отъ разсѣянія частей народа.

Таково было положеніе вещей, когда наступило еще одно событіе, всего лишь немногихъ дней тому назадъ, которое представляетъ изъ себя очень значительное развитіе нашего дѣла.

Хорошо извѣстныя событія сдѣлали необходимымъ, чтобъ я, въ интересахъ еврейскаго народа, поѣхалъ въ Россію. У меня была благопріятная возможность войти въ сношенія съ тамошнимъ правительствомъ, и я могу сказать, что я встрѣтилъ извѣстное пониманіе нашихъ сіонистскихъ стремленій, и что я слышалъ изъявленіе желанія сдѣлать для насъ что нибудь рѣшительное. Я признаю, впрочемъ, что я въ этомъ случаѣ былъ не

только человекомъ партіи—вы меня за это не станете упрекать. Я говорить не только въ пользу сіонизма, но за всѣхъ евреевъ въ Россіи. Я старался заговорить слово въ пользу улучшенія ихъ печальной участи и получить увѣреніе въ томъ, что такія облегченія будутъ имѣться въ виду.

Болѣе значительны тѣ увѣренія, которыя были мнѣ сдѣланы касательно сіонистскаго движенія. Я могу заявить, что русское правительство не намѣрено ставить сіонизму какихъ-либо препятствій если онъ, какъ и до сихъ поръ, будетъ носить спокойный и законный характеръ. Русское правительство, далѣе, готово содѣйствовать покрытію расходовъ, которые потребуются для эмиграціи подъ руководствомъ сіонистовъ.

Наконецъ, и этому нужно придать наибольшій вѣсъ, русское правительство готово поддержать своимъ вліяніемъ у Е. В. Султана наши усилія, направленныя къ достиженію Палестины.

Важность этого заявленія, которое я имѣю возможность сообщить Конгрессу, конечно всякому ясна. Такое обѣщаніе русскаго правительства имѣетъ значеніе дипломатическаго выигрыша, важность котораго не можетъ быть достаточно высоко оцѣнена. Этимъ не только устраняется огромное препятствіе, но внезапно пріобрѣтается могущественная помощь. Дѣйствія ея надобно, во всякомъ случаѣ, еще выжидать. Но съ освѣженнымъ мужествомъ и болѣе широкими видами, чѣмъ раньше, мы можемъ продолжать наши усилія ради Земли Израіля.

Конечно, и теперь найдутся люди, которые во всемъ этомъ усмотрятъ только горькую сторону. Помощь державъ, скажутъ эти люди, не означаетъ ничего радостнаго. Онѣ хотятъ отъ насъ освободиться или не желаютъ насъ впустить къ себѣ. Пусть! если въ этомъ

заключается несправедливость по отношенію къ нашему народу, то отвѣтъ на нее мы дадимъ въ будущемъ. Въ нашемъ будущемъ, въ нашей странѣ! И пусть нашимъ отвѣтомъ будетъ поднятіе человѣческой культуры.

ЗАСѢДАНІЕ БОЛЬШОГО А. С.

(Мартъ—апрѣль 1904 г., въ Вѣнѣ).

(Напоминаемъ читателю, что это засѣданіе имѣло задачей водворить въ рядахъ сіонистовъ миръ и единодушіе, нарушенныя сперва угандскимъ проектомъ VI-го конгресса, а затѣмъ т. наз. Харьковской Конференціей русскихъ уполномоченныхъ).

I. Открытіе засѣданія.

(въ понедѣльникъ 28 марта — 1904 г.)
11-го апрѣля

Д-ръ Герцль: Не взирая на все трудности и огорченія, которыя мнѣ пришлось вынести, я рѣшилъ обратиться къ вамъ со словами мира. Я знаю, какое безпокойство существуетъ въ массѣ нашихъ славныхъ, бѣдныхъ, добрыхъ, преданныхъ сіонистовъ всего міра, въ особенности въ Россіи, съ какой великой озабоченностью они ожидаютъ результата нашихъ совѣщаній, какъ они опасаются, чтобъ эти, съ такимъ трудомъ созданные, начатки національной организаціи для осуществленія національнаго дѣла не были сокрушены. Особенно я хочу забыть все то, что было сказано и сдѣлано противъ меня лично. Но я долженъ такъ сказать воспрянуть въ тотъ моментъ, когда рѣчь идетъ объ успокоеніи нашей организаціи, о завершеніи нашей работы, объ укрѣпленіи нашего единства, объ исполненіи порученій, полученныхъ нами отъ Конгресса, и исполнить которыя мы обязались принятіемъ нашихъ мандатовъ на Конгрессѣ.

(Затѣмъ д-ръ Герцль обсуждаетъ дипломатическое значеніе содѣйствія Россіи цѣлямъ сіонизма и продолжаетъ слѣдующими словами):

Какъ бы не былъ великъ этотъ успѣхъ, онъ не даетъ намъ еще права отклонить великодушное предложеніе англійскаго правительства о предоставленіи территоріи нашимъ нуждающимся массамъ. Моя личная точка зрѣнія въ этомъ дѣлѣ сводится къ тому, что мы не имѣли никакого права, безъ дальнѣйшаго отклонить такое предложеніе, не справившись предварительно о мнѣніи народа. Это предложеніе я бы охарактеризовалъ однимъ словомъ: „Это — кусокъ хлѣба“. Я, который имѣетъ пожалуй возможность ѣсть и пироги, не выправѣ отклонить кусокъ хлѣба предназначенный бѣднымъ, потому лишь, что я его не желаю или въ немъ не нуждаюсь. Я пожалуй и вдохновляюсь, видя, что даже голодъ не въ состояніи подавить идеальныя стремленія, что къ этому предложенію относятся отрицательно—но поставить этотъ вопросъ на очередь мы обязаны были. Пронесшества Конгресса меня глубоко потрясли. Не потому, что меньшинство было значительно или что они оставили залъ, но потому, что я долженъ былъ спросить себя: неужели могутъ люди, съ которыми ты столько лѣтъ работалъ, и впрямь подумать, что ты въ состояніи отказаться отъ Палестины? Это меня глубоко потрясло, и я отправился къ Neinsager'amъ и сказалъ, что у меня было на душѣ. Я ожидалъ отъ доброй воли нашихъ друзей, что они мало по-малу внесутъ ясность въ умы и объяснятъ имъ все это дѣло совершенно просто. Этотъ Конгрессъ еще не принялъ вѣдь окончательнаго рѣшенія относительно Вост. Африки; онъ рѣшилъ только, чтобъ мы считались съ этимъ предложеніемъ въ той формѣ, какая общепринята въ такихъ случаяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ,

необходимо было собрать матеріалъ для дѣйствительнаго рѣшенія вопроса, для того, чтобъ народъ могъ принять рѣшеніе не на основаніи фразъ, а послѣ знакомства съ дѣломъ. Но въ этомъ довѣріи моемъ къ моимъ коллегамъ я горько обманулся. Тотчасъ послѣ Конгресса началась агитація, причинившая много уцербъ нашему движенію. Нѣкоторымъ особенно не пришлось по вкусу мое ходатайство въ Россіи, несмотря на то, что только по ихъ просьбѣ я предпринялъ это путешествіе. Какъ вамъ извѣстно, это путешествіе было успѣшно. По успѣхъ этотъ не помѣшалъ тому, чтобъ мнѣ была объявлена война. Представителю русскихъ членовъ А.-С. г. Бѣлковскому, я далъ въ Aussee всѣ возможные разъясненія относительно положенія дѣла. Для этой цѣли я ему показалъ документъ, который я здѣсь прочту. (Изъ этого документа видно, что никогда д-ръ Герцль не помышлялъ отречься отъ Палестины, и что онъ, напротивъ того, послѣ Конгресса еще энергичнѣе продолжалъ свою работу для Палестины). Я ожидалъ, что г. Бѣлковскій выведетъ своихъ коллегъ изъ заблужденія. Я долженъ еще присовокупить: письмо это было отправлено задолго до того, какъ началась агитація противъ меня. Компетентность Харьковской Конференціи я оспариваю. Этимъ мы привили язву нашему движенію, и я желаю, чтобъ мы ее уничтожили. Отъ меня требовали ни болѣе и ни менѣе того, чтобъ я вліялъ на Конгрессъ въ противномъ мнѣ духѣ. Повторяю то, что я сказалъ въ началѣ: мы считаемъ себя обязанными осуществить рѣшенія Конгресса и предпринять изслѣдованіе фактическаго положенія вещей, какъ возложено на насъ большинствомъ Конгресса. Не взирая на это, какъ вы можете усмотрѣть изъ прочитаннаго документа и изъ многихъ фактовъ, мы въ теченіе этого времени со всѣмъ нашимъ усердіемъ дѣлали все возможное

въ отношеніи Палестины, какъ это слѣдовало согласно нашимъ убѣжденіямъ и нашей совѣсти. Мы еще къ этому вернемся. Я хочу установить, что въ дѣлѣ рвенія къ Палестинѣ намъ нѣтъ надобности выслушивать чьи-либо уроки. Но у насъ есть еще рвеніе другого рода, а именно—не жертвуя убѣжденіями и не упуская своихъ обязанностей—возстановить единеніе и сохранить въ цѣлости нашу организацію. Для этого необходимо, чтобы тѣ, которые были противниками угандскаго предложенія, высказались ясно, признаютъ ли они одинаково обязательными для большинства и меньшинства рѣшенія VI-го Конгресса. Теперь я хотѣлъ бы напомнить только объ одномъ. Вы знаете, какъ отнеслись обѣ матери къ суду Соломона: та, которая согласилась чтобъ ребенка раздѣлили надвое, не была настоящей матерью.

II. Закрытіе засѣданія.

(во вторникъ 29-го марта 1904 г.)
12-го апрѣля

Д-ръ Герцль: Харьковскій протоколъ былъ объявленіемъ военныхъ дѣйствій; въ такомъ смыслѣ онъ и былъ понятъ всѣми. Я бы ничего противъ этого не имѣлъ, если-бъ эта борьба велась законными средствами нашей конституціи. Но этого не было. Напротивъ того, предполагалось придавить нашу организацію помощью частной сдѣлки. Могу теперь только повторить уже сказанное мной, а именно: вы заблуждаетесь, если полагаете, что на Конгрессѣ я буду производить давленіе въ пользу Уганды. Я вообще не буду производить никакого давленія, потому что я хочу, чтобъ истинная воля проявилась на основаніи истинныхъ фактовъ. Я еще въ такой степени демократъ, чтобъ

дѣйствительно предоставить народу рѣшеніе вопроса. Говорятъ, что Уганда—маленькое дѣло. Да, если это мелочь, то она не въ состояніи будетъ—въ этомъ я согласенъ съ каждымъ изъ васъ—рѣшить еврейскій вопросъ; напротивъ того, еврейскій вопросъ останется во всей своей силѣ и великое сіонистское дѣло не понесетъ никакого уцѣрба. Но я полагаю, что при нѣкоторыхъ степеняхъ нужды все исчезаетъ, что есть такая нужда, при которой теряется даже и то минимальное сознаніе, которое необходимо для усвоенія какой-либо идеи; и если мы хотимъ быть добросовѣстными защитниками еврейскихъ интересовъ, то мы должны понимать наши обязанности, какъ нѣчто живое. Какъ друзья народа мы не можемъ пройти мимо вопроса о безпомощнѣйшемъ пролетаріатѣ, хоть я и признаю, что это не исключительно еврейскій вопросъ.

Далѣе, хотѣть образовать конфликтъ между организаціей и ея вождями. Но для достиженія Палестины организація, какъ таковая не можетъ абсолютно ничего сдѣлать, даже въ томъ случаѣ если бъ насъ было столько сотенъ тысячъ, сколько у насъ тысячъ. Она можетъ конечно доставить необходимыя средства, но рѣшительно не можетъ справиться съ тѣми факторами, которые нужны для достиженія цѣли. Эту функцію могутъ взять на себя исключительно вожди; и чтобъ вамъ доказать, что вожди упорно и терпѣливо работаютъ для этой цѣли—я вамъ прочелъ, въ моей первой рѣчи одинъ документъ. Ошибочно думать, что сама организація можетъ достигнуть цѣли. Организація — масса (*eine Mehrheit*) и можетъ менѣе сдѣлать, чѣмъ единичныя личности. Лично я не отправлюсь въ Вост. Африку, не взирая на подозрѣнія, которыя позволили себѣ уже выразить, что я хочу быть вице-королемъ Уганды. Въ Россіи, Турціи, въ Италіи и даже въ Англіи, съ кото-

рой я велъ переговоры относительно Вост. Африки, я старался о полученіи Палестины и никто не вправѣ былъ бы обвинять меня въ измѣнѣ Палестинѣ, если-бъ я изъявилъ желаніе отправиться въ Уганду. Я вамъ представился въ качествѣ Judenstaatler'a (территориалиста или приверженца евр. государства вообще *прим. перев.*). Въ теченіе нашей работы я многому научился и убѣдился, что для насъ рѣшеніе вопроса возможно только въ Палестинѣ. Когда я вамъ заявляю, что я сдѣлался сіонистомъ и остался таковымъ, что всѣ мои стремленія направлены къ Палестинѣ, то у васъ есть достаточно причинъ, чтобы мнѣ вѣрить. Мнѣ приходится простить васъ за многое, въ чемъ вы провинились противъ меня. Но я предпочитаю объ этомъ умолчать. Одного только я отъ васъ желаю: исполняйте вашъ долгъ, какъ организованные сіонисты; не утаивая вашихъ убѣжденій, боритесь сколько вамъ угодно, старайтесь приобрести большинство на Конгрессѣ, но не пользуйтесь средствами движенія противъ этого движенія: пользуйтесь только вашими личными качествами. Я вамъ совѣтую подчиниться рѣшенію Конгресса, какъ и долженъ поступить всякій. До настоящаго времени я противъ васъ не боролся. Я не сдѣлаю вамъ предложенія о перемиріи, такъ какъ борьба мнѣ внушаетъ опасеніе, что вы безъ сомнѣнія потерпѣли бы пораженіе, такъ какъ у насъ колоссальное большинство. Но я хочу, чтобъ по возвращеніи къ себѣ домой, вы сказали вашимъ людямъ: мы знаемъ, что вѣнскій исполнительный Комитетъ работаетъ, не смотрите на полувыстроенный или только начатый домъ, а ждите, пока онъ будетъ готовъ и снабдите вашимъ довѣріемъ и впредь тѣхъ людей, которымъ вы довѣряли до настоящаго времени, и которые не сдѣлали ничего такого, чтобъ не заслуживать вашего довѣрія.

ИЗ ДНЕВНИКА

Книга ХУП

Начато в Петербурге, 7-го августа 1903 г.

Начиная с границы, где нас подвергли тщательной проверке, наша поездка скучна, и путь пролегает по безотрадному пейзажу, чем-то напоминающему тундру.

О моей поездке товарищам не было сообщено, однако повсюду, куда доходила весть о ней, меня с нетерпением ждали: в Варшаве, Вильне.

Им живется так плохо, что я, бедняга, казался им как-бы освободителем.

Мой добрый слутник Каценельсон всю дорогу пичкал меня поучениями.

В Петербурге меня поразили первые картины чуждой обстановки, а больше всего — извозчики и церкви, чересчур пестрые и чересчур золотые.

В гостинице не оказалось рекомендательного письма Ротшильда к Витте. Его светлость просит извинения, ссылаясь на «непредвиденные обстоятельства». Что это — оппортунизм, или малодушие? А, может быть, он опасается моего чрезмерного успеха? Придется продолжить без него, как и до сих пор.

8-го августа, Петербург.

Сразу по прибытии я поехал к доброй старушке Корвиной-Пятровской, очаровательной польке, чем-то напоминавшей мне бедную г-жу Гроплер в Константинополе.

Еще до моего прибытия она получила письмо от Плеве с просьбой направить меня к нему сегодня в 9.30 утра. Она охарактеризовала его как великого человека, как воплощение Людовика XIV, Палмерстона и Гладстона в одном лице.

Другие были о нем иного мнения. В то время как она видела в нем дальнозоркого политика, другие считали его близоруким. Но все подчеркивали его энергию.

После обеда я познакомился с Максимовым, благородным русским либералом. Он поедет сегодня с Каценельсоном и со мной в Павловск к генерал-адъютанту Кирееву.

9-го августа, Петербург.

Вчера я имел крайне примечательную беседу с Плеве, длившуюся 3/4 часа, после обеда в Павловске — с генералом Киреевым, флигель-адъютантом царя, очаровательным старым кавалером. Но сначала приведу текст памятной записки, врученной Плеве:

Ваше Превосходительство!

Из беседы, которую я имел честь вести с Вами, можно сделать, по-видимому, следующие выводы:

Правительство Российской Империи, намереваясь решить еврейский вопрос гуманно и в соответствии с требованиями русского государства и одновременно в соответствии с нуждами еврейского народа, сочло возможным прийти на помощь сионистскому движению, законные стремления которого были признаны.

Помощь российского правительства заключается:

1. В роли ходатая перед султаном.

Речь идет о том, чтобы добиться подписания Чартера для Палестины, не включая в него святые места. Все государство будет находиться под суверенным правлением султана, а управление государством будет осуществляться «Обществом колонизации». Общество будет основано исключительно на базе сионистского капитала. Ежегодно оно будет вносить в казну Оттоманской империи в виде налога установленную арендную плату.

Арендная плата, равно как и прочие расходы (общественные работы, просвещение и т. п.), будут покрываться за счет налогов, взимаемых Обществом с поселенцев.

2. Правительство Российской Империи окажет эмиграции финансовую поддержку, используя при этом некоторые фонды и сборы, исключительно еврейские.

3. Правительство Российской Империи будет способствовать созданию законных сионистских организаций в России соответственно Базельской программе.

По усмотрению Вашего Высочества будет избран способ предания гласности и установлена степень распространения этого решения, для чего, если угодно, можно будет использовать Базельский Конгресс, который состо-

ится 10—23 августа.

Этим актом будет положен также конец всевозможным волнениям.

Я предлагаю на одобрение Вашего Высочества текст Заявления, которое будет сделано Конгрессу.

«Я уполномочен заявить о том, что правительство Российской Империи намерено оказать помощь сионистскому движению. Правительство Российской Империи предлагает ходатайствовать в нашу пользу перед султаном с целью достижения подписания Чартера. Кроме того, правительство Империи ассигнует для эмиграции, осуществляемой сионистами, денежные средства, полученные от взимаемых с евреев податей. А также, дабы доказать гуманность своих намерений, правительство Империи предлагает в то же время расширить в ближайшем будущем границы черты оседлости для тех евреев, которые не пожелают эмигрировать.

Примите, Ваше Высочество, выражение наиискреннейшего почтения.

Др. Т. Г.

Санкт-Петербург, 28 июля 1903 г.

Кирееву:

Ваше Высочество!

Имею честь сообщить Вам, что я был принят вчера Его Высочеством министром финансов. По окончании довольно продолжительной беседы он сообщил мне, что у него, как у министра финансов, нет возражений против нашего проекта.

Господин Плеве высказался за, господин Витте хотя и не был против, однако можно ожидать, что он выскажется против нашего проекта на совете.

Необходимо самым срочным образом заручиться поддержкой министра иностранных дел. Если мы заручимся его поддержкой, то Ваше Высочество сможет открыть широкий путь нашему делу.

Просьбу нашу можно изложить кратчайшим образом:
(Пункт I (стр. 000))

Если Ваше Высочество пожелает дополнительных

объяснений я буду в Павловске по первому Вашему требованию. Уведомите меня лишь телеграммой.

Примите, Ваше Высочество, уверения в моем глубочайшем почтении и признательности.

Глубоко преданный Вам
Др. Т. Г.

10 августа, Петербург.

Лишь сегодня, закончив самое необходимое, я могу описать свои встречи с главными деятелями современной России.

Позавчера утром — у Плеве. Несколько минут ожидания в скромной передней.

Временами появляется что-то вроде сыщика.

Минут через пять после назначенного мне времени меня просят войти.

Человек лет шестидесяти, высокого роста, с некоторыми признаками ожирения быстро идет мне навстречу, приветствует меня, просит сесть, предлагает курить, на что я отвечаю отказом, и начинает говорить. Он говорит довольно долго, так что у меня хватает времени привыкнуть к его освещенному лицу. Мы сидим в креслах, друг против друга, по обе стороны небольшого столика. У него бледное, серьезное лицо, седые волосы, белые усы и поразительно молодые энергичные карие глаза. Он говорит по-французски, не блестяще, но и не плохо. Он начинает с нащупывания почвы.

«Я дал Вам, господин доктор, аудиенцию по вашей просьбе, чтобы побеседовать с Вами о сионистском движении, которое Вы возглавляете. Отношения между правительством Империи и сионизмом могут стать — не скажу дружескими — однако взаимопонимание зависит от Вас.

Я вставил: «Если только от меня, Ваше высочество, то они будут превосходными».

Он кивнул и продолжил: «Еврейский вопрос является для нас хотя и не жизненным, но все же довольно важным вопросом и мы стараемся справиться с ним как можно лучше. Я согласился на беседу с вами, чтобы по-

говорить с вами об этом еще до вашего конгресса в Базеле, как вы этого желали. Я понимаю, что вы придерживаетесь в этом вопросе другой точки зрения, чем русское правительство и хочу объяснить вам, прежде всего, нашу точку зрения. Русское государство должно стремиться к тому, чтобы его население было однородным. Мы понимаем, однако, что не можем устранить всех различий религий и языков.

Мы должны признать, например, что древняя скандинавская культура утвердилась в Финляндии как что-то завершенное. Но мы должны требовать от всех народов нашей империи, следовательно и от евреев, чтобы они относились к русскому государству с патриотическими чувствами. Мы хотим ассимилировать их и идем к этой цели по двум путям: по пути высшего образования и по пути экономического подъема. Тому, кто выполняет определенные условия этих двух видов, тому, к кому мы вправе полагать, что благодаря своему образованию и благосостоянию он стал сторонником существующего строя, — тому мы даем гражданские права. Эта ассимиляция, которой мы желаем, протекает, однако, весьма медленными темпами».

Чтобы не прерывать его и все же отвечать на все, я попросил листок бумаги для заметок. Он вырвал листок из блокнота, аккуратно оторвал от него напечатанный заголовок, как-бы опасаясь злоупотребления, и вручил его мне. Боже, на что мне такая бумажечка?!

Он сказал: «Надеюсь, Вы не воспользуетесь в дурных целях нашей беседой».

Я ответил: «Нет, нет. Только так, как прикажет Ваше Высочество.»

Я думаю, что это был решающий ход в этой бессмертной шахматной партии. Ибо с самого начала я понял, что он очень заинтересован в Конгрессе, повидимому в связи с неизбежным обсуждением на нем кишиневского дела. В таком случае и я мог оказать ему услугу.

(До того как я отправился на прием к П., мой трусливый друг Каценельсон давал мне всякие наставления. В пути мы повторили на дорожной шахматной доске

«бессмертную партию» Андерсена-Кесерицкого, и я сказал ему, что постараюсь сыграть эту партию хорошо. Сыграйте бессмертную партию! — сказал друг Кацен. «Да, но я не пожертвую ни ладьи, ни королевы», сказал я, ибо он опасался, что я поступлюсь положением (русских евреев).

10-го августа. Письмо генералу Кирееву приславшему мне милейшее письмо с рекомендацией к Гартвигу, директору Азиатского департамента.

Ваше Высочество!

Примите мою искреннюю благодарность за Ваше благосклонное рекомендательное письмо. Сегодня же вечером я передам господину Гартвигу вексель вместе с визитной карточкой. Вас же я постоянно буду держать в курсе событий.

Сегодняшнее событие вызывает скорбь, но имеет в то же время и другой аспект. Когда приходит смерть — увы! — это надолго. Во Франции все заканчивается песнями, а там — извинениями.

Однако, когда выражают «соболезнования», в тот же момент легко предъявить и другой счет. Ну, посмотрим!

Я крайне польщен, что такой человек как Вы проявил интерес к нашей идее. В Вашем лице я вижу весь Ваш народ — рыцаря благородных дел.

Разрешите выразить, Ваше Высочество, мое глубокое восхищение и признательность.

Преданный Вам
Доктор Герцль.

Как-бы предчувствовав мое возражение, или вследствие логичности своего мышления Плеве тут же добавил:

«Благодеяния высшего образования мы можем, однако, предоставить лишь ограниченному числу евреев, так как иначе скоро не окажется работы для христиан. Я не скрываю также, что экономическое положение евреев в черте оседлости плохое. Я также признаю, что они

живут там как в гетто, но ведь это обширная территория, целых 13 губерний. Положение ухудшилось за последнее время еще и тем, что евреи вступают в подпольные партии. Раньше, пока ваше сионистское движение занималось эмиграцией, мы относились к нему с симпатией. Вам нет надобности обосновывать мне это движение.

Вы вызываете к и без того новообращенному.

Но со времени Минского конгресса мы замечаем огромные измечения. Речь идет не столько о палестинском сионизме, сколько о культуре, организации и еврейской национальности. Это нам не нравится. Мы обратили особое внимание на то, что главные ваши деятели в России, являющиеся весьма уважаемыми людьми в ваших кругах, не поддерживают вашего «Венского Комитета». В России вас поддерживает один лишь Усишкин».

(Я был внутренне поражен этим знанием людей. Оно доказало мне, насколько серьезно он изучал это дело. В самом деле, он встал, и принес большой красивый том в коричневом переплете с золотым тиснением, из которого торчало множество закладок: вот доклад Министерства о сионистском движении).

Я возразил: «Ваша светлость, все наши руководящие деятели в России поддерживают меня, хотя иногда и выражают свое несогласие со мной. Среди них самый важный — профессор Мандельштам в Киеве».

И снова мне пришлось удивиться, когда он сказал:

«А Коган-Бернштейн! Ведь он решительно против вас! Между прочим, нам известно, что он возглавляет кампанию против нас в прессе».

«Ваше светлость, не думаю, чтобы это было так. Этот человек не пользуется за границей достаточной известностью. У него нет ни связей, ни авторитета. А что касается оппозиции этого господина против меня, то она является тем же явлением, с которым столкнулся Христофор Колумб. Когда после долгих недель все еще не было видно земли, матросы начали роптать.

То, что наблюдается в нашей среде, это не больше, чем бунт матросов против своего капитана.

Помогите мне скорее добраться до земли, и под-
рывная деятельность прекратится. Прекратится также
переход к социалистам».

«Итак, какой помощи вам от нас нужно?»

Я изложил три пункта, которые описал выше, говоря
о результатах этой беседы.

Он тут же согласился со всеми пунктами. По во-
просу о финансовой поддержке эмигрантов он заявил:

Я вижу, что правительству придется согласиться с
этими доводами. Но оказать финансовую поддержку за
счет еврейских податей мы не можем. Пусть богатые
платят за бедных.

«Это блестящая идея!» — сказал я.

Мы договорились, что я подготовлю памятную за-
писку, в которой изложу наброски моего выступления
на Конгрессе.

После этого я попросил у него рекомендации к
Витте (его врагу). Он насторожился.

«Да, — сказал я, — рекомендация мне нужна, чтобы
добиться отмены запрета на распространение акций нашего
Колониального банка. Это чинит препятствия нашей про-
паганде». Он сказал: «Я готов дать вам рекомендацию,
но не обещаю вам успеха».

Он тотчас же сел и написал Витте одну с половиной
страницы, и вручил мне письмо, предварительно опеча-
тав конверт.

Я попросил его также утвердить устав нашего сою-
за. Этот устав мы намеревались представить ему, а до
этого я просил дать указание губернаторам, не чинить
нашему движению препятствий. Мне стало известно, что
кое-где подчиненные органы придираются к нему.

Он ответил: «Я не могу требовать терпимости в при-
казном порядке. Но представьте мне проект устава».

(Это было уже раньше).

Почувствовав, что мы друг другу все сказали, и
учитывая, что он просил представить памятную записку,
я встал и попросил его принять меня еще раз после то-
го, как он проверит памятную записку. Он согласился.

Я ушел. Он пожал мою руку:

— Я был крайне счастлив — не примите это за пустые слова — познакомиться с Вами лично.

— Я тоже, Ваше Высочество. Я очень рад, что мне удалось увидеть господина Плеве, о котором столько говорят в Европе.

— Столько плохого?

— Я сказал уже, как именно говорят — «Это должно быть великий человек».

На этом разговор был окончен.

Он проводил меня в переднюю, где его уже ждали генералы.

На следующий день он сказал доброй Корвиной-Пятровской, что директора вроде меня могли бы пригодиться ему для его департаментов.

Забыл:

Когда я в ходе беседы объяснил Плеве необходимость посредничества со стороны русского правительства перед Султаном, ибо Палестина является единственным привлекающим нас местом, я еще добавил, что в других странах, даже в Англии и Америке, помимо этого еще существуют трудности абсорбции. Если поддерживать эмиграцию золотом (а это обсуждается в настоящее время здесь в Петербурге и даже «Новое время» сообщила об этом), что равноценно премиям за «экспорт» евреев, то сопротивление, с которым я столкнулся еще в Англии, еще усилится. Если собственное правительство платит за их выезд, то это могут быть только нежелательные элементы.

Плеве высказал мнение, что Англия действительно не пригодна для значительной эмиграции, но в Америке имеется достаточно свободной для поселения территории. Если бы банкир Зелигман договорился по этому делу со своим другом Рузвельтом, то, может быть, что-нибудь и удалось бы сделать.

Я сказал, что не считаю это вероятным. Ничего положительного я не могу утвердить, так как еще не вступил об этом в контакт с американским правительством. Но единственно подходящей я считаю Палестину.

В субботу, 8-го августа, Максимов, Каценельсон и я поехали после обеда в Павловск, своего рода русский Потсдам, где генерал Киреев проживает в замке в качестве дворцового маршала русской великой княгини. Киреев, преемник Аксакова, является главой славянофилов. До сих пор я представлял себе такового в виде дикого медведя, однако оказалось, что он очаровательный старый кавалер, элегантный, любезный, современный и образованный, прекрасно владеющий немецким, французским и английским языками и еще многим другим.

Пока я с ним беседовал, я с удовольствием смотрел в его красивые голубые глаза.

Я склонил его на свою сторону.

В воскресенье, 9-го, я поехал на острова к Витте.

Он тотчас принял меня, но был далеко не любезен. Это был высокого роста некрасивый, неуклюжий, серьезный человек лет шестидесяти, со странно впалым носом и кривыми ногами, портившими его походку. Он сел осторожнее чем Плеве, спиной к окну, а я сел напротив, освещенный солнцем. Он очень плохо говорит по-французски. Иногда он почти до смешного мялся и стонал в поисках слова. Но так как он не внушал мне симпатии, я позволил ему стонать.

Он начал с вопроса, кто я такой (несмотря на рекомендацию!), и после того как я представился и рассказал, по какому делу я прибыл, он приступил к странной речи:

«Не говорите, что это мнение правительства. Это лишь мнение отдельных членов правительства. Вы хотите увести евреев? Вы израильтянин? И вообще: с кем я разговариваю?»

«Я израильтянин и глава сионистского движения». «А то, о чем мы говорим, останется между нами?»

«Абсолютно!» — сказал я так убедительно, что он в дальнейшем чувствовал себя нескованным. Он начал с изложения еврейского вопроса в России.

На плохом французском языке он сказал: «Существуют предубеждения благородные и неблагородные.

У царя по отношению к евреям существуют благородные предубеждения.

В честности царя сомневаться не приходится, ведь он превыше всего. Антиеврейские предубеждения царя носят главным образом религиозный характер. Имеются также предубеждения материального характера, вызванные конкуренцией евреев. У некоторых антисемитизм является делом моды, у других — результат деловых интересов. К последним принадлежат, прежде всего, журналисты, а среди них самый приятный — некий Г., издающий в Москве газету. Несмотря на то, что сам он крещенный еврей, ему присущи все недостатки евреев, но он ругает евреев. Подлый тип!»

«Наподобие Артура Мейера?»

«Еще хуже. — Нужно согласиться, что евреи дают немалый повод для враждебного отношения к ним. Им свойственна характерная надменность. Большинство евреев — бедняки, и поскольку они бедные, они грязные и производят противное впечатление. Они занимаются также отвратительными делами, вроде сводничества и ростовщичества. Таким образом друзьям евреев трудно защищать их». Я — (после такого вступления это прозвучало неожиданным) — «являюсь другом евреев».

(Про себя я подумал: а что же тогда говорят враги?)

«Трудно заступиться за евреев, — продолжал он, — не рискуя быть заподозренным в подкупе. Но я с этим не считаюсь. У меня хватает мужества. Кроме того, моя репутация порядочного человека настолько прочна, что мне опасаться нечего. Но нерешительные люди и карьеристы легко поддаются влиянию и ненавидят евреев. За последнее время прибавилось еще что-то важное: участие евреев в подрывных движениях. В то время как из 136 миллионов общего населения страны евреи составляют лишь 7 миллионов, в подрывных партиях они составляют 50 процентов».

«Чем вы это объясняете, ваша светлость?»

«По-моему, виновато в этом наше правительство. Евреев слишком притесняют. Я неоднократно говорил по-

койному царю Александру III: «Ваше величество, если можно утопить 6 или 7 миллионов евреев в Черном море, то я с этим совершенно согласен, но если это невозможно, то надо дать им жить». Этого взгляда я придерживаюсь и поныне. Я против дальнейших притеснений».

«Но современное положение? Разве вы считаете современное положение прочным?»

«Разумеется. Россия обладает сопротивляемостью, которой за границей даже не могут себе представить. Мы можем очень долго противостоять самым тяжелым бедствиям».

«Я говорю не о России, а о евреях. Думаете ли вы, что евреи еще долго выдержат это отчаянное положение?»

«А где выход?»

Отвечая своими давно созревшими аргументами на все его возражения, я показал ему этот выход. Я знал, что его возражения — это возражения богатых антисемитски настроенных биржевиков; это они, очевидно, информировали его о спонизме. Не обошлось и без анекдота о после. Он сказал: «Двадцать лет тому назад я встретился в Мариенбаде с одним депутатом из Венгрии, евреем по национальности. Как же его звали?»

«Варман?»

«Да. Уже тогда велись разговоры об образовании еврейского государства в Палестине, и господин Варман заявил: если это сбудется, то он хотел бы быть австрийским послом в Иерусалиме».

Ясно, что Варман сказал «еврейский посол в Пеште». Господин Витте искажил анекдот.

Затем я перешел в наступление против его контраргументов и уничтожил их. Он все больше и больше соглашался со мной, и только в вопросе о святых местах он остался непоколебимым (как все еврейские банкиры). Этот вопрос до сих пор не шокировал ни одного антисемита. Но он ведь был «другом» евреев!

Наконец он спросил, что мне угодно от правительства.

«Некоторую поддержку».

«Но евреев же поддерживают, когда они эмигрируют. Вот, например, пинком под зад».

На эту нелепую грубость я ответил, спокойно и хладнокровно поднимаясь со своего места:

«Я говорю об иной поддержке. Вам известно, какой именно».

И тут я выложил ему три пункта моей памятной записки Плеве.

Витте, наконец, признал, что мое решение было бы неплохим, если удалось бы его осуществить. В виде поддержки нашему движению я потребовал от него отмены запрета на распространение акций нашего Колониального банка. Он обещал мне это при условии, что мы откроем в России филиал этого банка (а этого мы и сами хотели), чтобы дать им возможность контролировать нашу деятельность. Это условие я тут же принял.

Этот неприятный человек обещал мне, следовательно, все, что я от него хотел. После беседы, длившейся час с четвертью, я встал. Он проводил меня до лестницы, несколько раз пожал мне руку, а это, видимо, считается у этого грубияна чем-то необычным: перед ним трепещут даже вельможи.

11-ое августа, Петербург.

Скучный день ожидания. Вчера получил письмо в четыре страницы от очаровательного Киреева, к которому была приложена рекомендация к господину фон Гартвигу, директору Азиатского департамента в Министерстве иностранных дел.

Я переслал это письмо вместе со своей визитной карточкой Гартвигу и жду.

Дополнение.

О святых местах Витте заметил:

«На каждом расстоянии от святых мест вы намереваетесь создать поселение? Мне кажется, что близость евреев к святым местам вызывала бы беспокойство».

«А теперешнее положение, когда святая могила охраняется турецкими солдатами?»

«Это менее невыносимо, чем если бы там были евреи», ответил «друг» евреев. «Если бы там сразу оказались сотни тысяч евреев, еврейские гостиницы, еврейские магазины, — это, быть может, задело бы чувства христиан».

Это — известный мотив еврейских банкиров.

Я ответил: «Мы хотим поселить евреев дальше на севере страны, подальше от Иерусалима. Ведь надо же найти где-то место для евреев, ибо, как ваша светлость изволила справедливо заметить, потопить их в Черном море нельзя».

У меня создалось впечатление, что он воспользовался этим возражением лишь постольку, поскольку не нашел ничего другого. Я думаю, что он огорчен тем, что для Плеве нашелся выход из положения. Витте не столько друг евреев, сколько ему не терпится воспользоваться провалом Плеве в кишиневском деле. Если бы этот провал разрастался, Плеве мог бы лишиться власти, а в его, Витте, руках снова оказалась бы верховная власть.

Этот «друг» евреев находился у власти уже 13 или 14 лет. Почему же он ничего не сделал для евреев?

14-го августа, вечером.

Я только что встретил на Невском проспекте Плеве. Я сочел свое безмолвное приветствие с напоминанием. Несколько сыщиков, следовавших по его пятам, оглядели меня с любовной проницательностью.

★ ★

То обстоятельство, что от Гартвига еще нет ответа, я считаю нехорошим признаком. Он является также президентом Императорского Палестинского общества.

12-го августа. Петербург.

Утром также не было никаких известий ни от Плеве, ни от Гартвига. Вчера я был у своей приятельницы, доброй старушки Корвиной-Пятровской, напоминающей мне моего доброго Гехлера. При мне она написала письмо в 8 страниц Плеве. По моей просьбе она включи-

ла замечание, что теперь, после убийства консула Ростовского, Турция беспрекословно выполнит любое желание России.

12 августа, Петербург.

Днем поступило длинное письмо от Плева, которое меня полностью удовлетворило. К нему было приложено частное сопроводительное письмецо.

Мой ответ:

Ваше Высочество!

Имел честь получить Ваше письмо.

Позволю себе быть у Вас завтра, в четыре часа пополудни.

Примите, Ваше Высочество, выражение глубокого уважения и искренней признательности.

Т. Герцль.

14-го августа, Петербург.

Вчера состоялась моя вторая беседа с Плева, протекавшая еще успешнее, чем первая.

Я прибыл в четыре часа, ждал несколько минут в зале совета министров, а не в передней, как в прошлый раз, и был препровожден в его кабинет.

Он встретил меня с дружественной любезностью. Я поблагодарил его за письмо, и он сказал:

«Я заставил вас немного ждать моего письма. Но я не мог отправить письмо по такому важному делу, не доложив о нем его величеству царю. Его величество является главой государства, главой правительства, самодержцем всея Руси. Я хотел также, чтобы мое заявление не было заявлением человека временного, заявлением министра, который завтра может быть смещен...»

«Мы надеемся, что этого не случится!»

«...а заявлением правительства. Я могу сообщить вам, между нами, что в заключение моего доклада я ознакомил царя со своим письмом и получил его согласие на отправку письма вам. При этом его величество император высказался также о нападках, которым Россия подвергается за последнее время из-за евреев. Утверждения, что русское правительство якобы причастно

к организации погромов, или что оно относится к ним с пассивной терпимостью, причиняют царю боль. Как Глава государства его величество относится ко всем своим подданным с одинаковой добротой. При его известной доброте ему особенно больно, когда его подозревают в чем-то негуманном.

Чужим правительствам и общественному мнению заграницей нетрудно принять великодушный вид и делать нам упреки в плохом обращении с евреями. Но если бы речь шла о том, чтобы они приняли у себя 2—3 миллиона бедных евреев, то они заговорили бы по-иному. Но об этом нет и речи, и они предоставляют нам решение этой сложной проблемы.

Я не отрицаю, что положение евреев в Российской империи далеко не счастливое. Да, будь я евреем, то и я, вероятно, был бы врагом правительства. Но мы не видим другого выхода, чем тот, к которому прибегали до сих пор, а поэтому мы бы приветствовали создание независимого еврейского государства, которое могло бы принять несколько миллионов евреев. Мы отнюдь не хотим лишиться всех наших евреев.

Сильные умы — а Вы их лучший представитель — мы хотели бы сохранить у себя. Когда речь идет о больших умах, не принимают в расчет ни вероисповедание, ни национальность.

Но от слабой интеллигенции и незначительных капиталов мы бы охотно избавились. Тот, кто может ассимилироваться, может остаться. Против евреев как таковых мы не настроены враждебно, о чем я пишу и в своем письме».

«Но пока, ваша светлость, не мешало бы позаботиться о евреях, остающихся в России. Это в значительной мере облегчило бы мой мирный труд. Почему бы, например, не распространить право оседлости на Курляндию и Ригу, или не разрешить евреям, проживающим в черте оседлости, приобретать и обрабатывать земельные участки площадью до 10 десятин?»

Он не отклонил моего предложения и сказал:

«Дело с Курляндией и Ригой вполне приемлемо, и

я о нем уже думал. Мы не возражаем против переселения евреев туда, где они не превосходят местное население в экономическом отношении. Мы могли бы допустить их в прибалтийские провинции, где проживают немцы, латыши и т. д.

Иначе обстоит дело с приобретением собственной земли.

Когда я принял руководство правительством, у меня была подобная мысль. Я хотел разрешить евреям, проживающим в черте оседлости, приобрести земельные участки площадью от 3 до 5 десятин. Но когда эта моя идея проникла (не без моего содействия) на страницы газет, русские стали бурно возражать и обвинили меня в желании «евреивать» землю. От плана пришлось отказаться. Да будет вам известно, что я принял правительство, будучи другом евреев. Я очень хорошо знаю евреев, ибо провел среди них свою молодость. Было это в Варшаве, где я жил с пятилетнего до шестнадцатилетнего возраста. Я жил там со своими родителями в довольно скромных условиях в большом доме, в маленькой квартирке. В большом дворе этого дома я играл исключительно с еврейскими детьми. В молодости я дружил с евреями. Следовательно, вы находите во мне известное предрасположение к евреям, и я не хочу отбросить ваш план поселения. Но индивидуального приобретения земли не должно быть. Правительство не возражает против поселения целых общин, целых еврейских городков, а внутри таких городков вы могли бы предоставить отдельным лицам частную собственность. Об этом мы еще поговорим. Есть тут один еврей по фамилии Гинзбург, который иногда обращается ко мне по еврейским делам. Пусть он поговорит со мной об этом».

«Позвольте мне, ваша светлость, предложить вам другое поверенное лицо. Барон Гинзбург уже стар, не очень умен, хотя и весьма уважаем. Я бы предпочел, чтобы вы поговорили с моим поверенным лицом д-р Кацинельсоном из Либавы. Он современен, образован и уважаем».

«Охотно. Я приму его, если у него будет рекомендация от вас».

«Итак, форма поселения будет сельскохозяйственный производственный кооператив?»

«Да», — ответил он.

Но главное есть и остается посредничество у Судана», — с этими словами я снова направил наш разговор в Спюн.

17-го августа, в купе поезда Торн-Познань

Я никогда не забуду вчерашний день, проведенный в Вильне. Это не банкетная фраза.

Я прибыл в этот русско-польский город в полдень и был встречен овациями, а я таковых не люблю. В таких приемах бывают и много напранного, и много внешнего эффекта.

Но дело приняло более серьезный оборот и стало более опасным, когда полиция, с первой же минуты оказавшая мне исключительное внимание, запретила всякие скопления и даже мою поездку в синагогу.

Через возбужденные еврейские переулки я все же проследовал в управление еврейской общины, где меня ждали представители и толпы делегаций. Приветствия были проникнуты тоном, так тронувшим меня, что только мысли о будущих газетных репортажах удержали меня от слез.

В многочисленных речах ораторы дали моей личности крайне преувеличенную оценку, но эти угнетенные люди были действительно несчастными.

Позднее меня посетили в гостинице разные делегации, преподнесшие мне подарки, а перед гостиницей все снова и снова собирались толпы, разгоняемые полицией. Полиция также распорядилась, чтобы я не разъезжал по городу.

Под вечер мы поехали в Верки, местечко, расположенное в часе езды от города, в котором евреям проживать запрещено. Наш друг Бен Яков снял там дачу, а учитывая транспортные условия этого русского провин-

циального города, это место считалось отдаленным.

Он пригласил сюда около 50 гостей. То было гетто с добрыми геттовскими беседами. Стол был великолепен. Они старались сделать мне как можно больше добра. Среди многочисленных тостов выделялась прекрасная речь хозяина дома, проникнутая истинным древнееврейским благородством. Он сказал: «Все мы тут сегодня счастливы. Но счастливее всех я, ибо принимаю в своем доме этого гостя».

Его превзошли, однако, «непрощенные гости», появившиеся вдруг среди ночи у завешенных окон веранды: бедные парни и девушки из Вильно, проделавшие этот путь (пешком около двух часов), чтобы увидеть меня за столом.

Теперь они стояли на улице, смотрели, как мы кушаем и слушали наши речи. Затем они запели песни на иврите, обеспечивая нас таким образом застольной музыкой. Бен Яков, истинный благородный хозяин, был настолько добрым, что угостил и незваных гостей.

Среди этих молодых людей мне бросился в глаза молодой рабочий в синей блузке. Его грубые решительные черты лица дали мне повод полагать, что он является одним из революционных «бундистов», но он поразил меня здравицей в честь той поры, когда будет владеть «король Гериль». В тиши темной русской ночи это смешное изречение выделялось с особой силой.

Мы вернулись в город, а в час ночи поехали из гостиницы на вокзал. Город не спал, ожидая моего отъезда. На улицах, по которым нам пришлось проезжать, прохожие, узнав меня, кричали «хедад!» (ура). Такие же возгласы слышались с балконов. Но в районе вокзала, где толпа все больше и больше возрастала, дело к сожалению, дошло до столкновений с brutальной полицией, получившей указание очистить вокзал. Пока моя повозка проезжала, я с ужасом смотрел на этот настоящий русский полицейский маневр. Возгласы «хедад!» и грубые полицейские окрики набрасывавшихся на бегущую толпу; мой кучер во всю мочь стегал кнутом лошадей.

У оцепленного вокзала стояли при полицейских

юфицера. Старший приветствовал меня с покорной вежливостью.

Небольшая группа моих друзей, человек 50—60, все же незаметно пробрались в здание вокзала. Я стоял и тихо беседовал с ними, когда вдруг послышался звон шпор полицейского офицера, направлявшегося к нам в сопровождении сержанта через буфетный зал. Он занял место за соседним столиком и не спускал с нас глаз. Когда я прощался со своими друзьями, он также покорно отдал честь.

Чем это объяснить: приказом из Петербурга охранять меня, или тайным страхом полицейских офицеров перед толпой?

На следующее утро я был встречен в Эйткунах, русской пограничной станции, группой сионистов.

Еще одна речь и букет цветов.

Это была Россия.

Дело евреев. Книга первая. Начато в Париже под Троицу 1895-го года

С некоторых пор я работаю над трудом, имеющим чрезвычайную важность. Я не знаю пока, удастся ли мне осуществить его. Он подобен огромной мечте. Но вот уже много дней и недель он занимает меня до потери сознания, он повсюду со мною, витает над моими обыденными разговорами, заглядывает через мое плечо в мелкую до смешного работу журналиста, мешает мне и одурманивает меня.

Пока еще трудно предсказать, что из него получится. Мой опыт, однако, подсказывает мне, что это что-то необычное, даже если ему суждено остаться мечтою, и что я обязан записать его: если не в виде памятника для грядущих поколений, то хотя бы для собственного будущего наслаждения и обдумывания. А, может быть, — для литературы, занимающей промежуточное положение между этими двумя возможностями. Если роман не станет действительностью, то действительность может стать

романом.

Название: Земля обетованная!

Теперь я уже не помню, не был ли роман первым, о чем я подумал. Правда, я имел в виду не беллетристику, как самоцель, а как что-то служебное.

То обстоятельство, что по прошествии столь короткого времени я того не помню, является наилучшим доказательством необходимости этих записей. Как мне было жаль, что не начал вести дневник в день моего прибытия в Париж, чтобы запечатлеть те быстро и своеобразно излагающиеся события, восприятия и видения, о которых невозможно писать в газетах. Так я многое забыл.

Но что такое переживания репортера по сравнению с тем, над чем я теперь работаю! Какие мечты, мысли, письма, встречи, действия мне предстоят, какие меня ожидают разочарования, если ничего не получится, и какая ожесточенная борьба, если мечте суждено сбыться. Все это необходимо закрепить на бумаге.

Стэнли приковал внимание всего мира небольшими путевыми заметками под названием «Как я нашел Ливингстона». А когда он отправился странствовать по темной части света, то весь мир, весь культурный мир был весьма взволнован. Каким незначительным является предпринятое им по сравнению с предпринимаемым мною. Пока я еще должен сказать: по сравнению с моей мечтой.

Когда же я начал заниматься еврейским вопросом? Вероятно, с тех пор, как этот вопрос существует. Возможно, с тех пор, как я прочитал книгу Дюринга. В одной из моих записных книжек, где-то упакованной в Вене, имеются первые замечания о книге Дюринга и об этом вопросе. Тогда у меня еще не было газеты, публиковавшей мои произведения, это было, кажется, о 1881-ом или 1882-ом году; но я знаю, что и сегодня я часто повторяю многое из того, что записал там. В дальнейшем этот вопрос грыз и мучил меня, он причинил мне много горя. И всякий раз, когда я обобщал свои личные переживания, страдания и радости, я

все снова и снова возвращался к нему.

С развитием моего благоразумия и сознательности, с течением времени изменились и мои идеи. Из зеркала на меня теперь смотрит другой человек нежели тогда. Но несмотря на изменившуюся внешность, личность осталась неизменной. По признакам старости я узнаю свою зрелость.

Вначале я воспринимал еврейский вопрос болезненно. Возможно, было такое время, когда я охотно ушел бы от него в христианство или еще куда-нибудь. Как бы то ни было, это были лишь неопределенные желания, порожденные юношеской слабостью. Со всей честностью — а настоящие записи ничего бы не стоили, если бы я лицемерил с самим собою, — я осознаю, что никогда не думал серьезно о крещении или об изменении своего имени. Последнее подтверждается даже маленьким эпизодом. Однажды, будучи еще молодым, начинающим журналистом, я отнес одну из своих рукописей в венский еженедельник «Дойче Вохеншрифт», а доктор Фридьонг предложил мне избрать в качестве псевдонима менее еврейское имя. Я категорически отверг это, сказав, что намерен и дальше называться фамилией своего отца и что я готов забрать свою рукопись. Фридьонг взял ее.

На худой конец я был тогда литератором, не лишенным некоторого честолюбия и тщеславия.

Еврейский вопрос, разумеется, подстерегал меня повсюду. Я то вздыхал о нем, то высмеивал его, чувствовал себя несчастным, но все же не был по-настоящему охвачен им. Правда, еще до прибытия сюда мне хотелось написать роман о евреях. То было во время моей поездки в Испанию летом 1891-го года, и это было тогда моим ближайшим литературным планом. Главным героем должен был стать мой дорогой друг Генрих Кана, застрелившийся в феврале 1891-го года в Берлине. В моем проекте название романа было «Самуил Кон», в моих разрозненных записях несомненно найдется немало ссылок на это. Я хотел показать страдающую, презираемую, благородную группу бедных евреев в противопо-

ставлении с богатыми евреями. Последние не чувствуют антисемитизма, хотя и являются основными его виновниками. Предполагалось противопоставить среду Каны среде его богатых родственников.

Меня пригласили на должность корреспондента Новой Свободной Прессы в Париж. Я принял это предложение, зная, что в этой должности смогу немало увидеть и изучить мир. Вместе с тем я жалел о неосуществленном плане романа.

В Париже я попал в политику — по крайней мере в качестве наблюдателя. Я видел, как управляют миром. Я присматривался к гению толпы; долгое время, не понимая его. Здесь у меня оказались более свободные и более возвышенные отношения с антисемитизмом, от которого мне лично страдать не пришлось. В Австрии или Германии мне всегда приходится опасаться, окриков «хеп-хеп».* Здесь же я прохожу в толпе «неузнанным».

* «хеп-хеп» — презрительно-насмешливое прозвище, даваемое антисемитами евреям. — (Прим. пер.).

В этом «неузнавании» — большой упрек против антисемитов.

До сих пор мне пришлось услышать окрик «хеп-хеп» лишь дважды. Впервые это было проездом в Майнце в 1888-ом году. Вечером я пошел в дешевый концертный зал, выпил там пива, а когда я встал и направился сквозь шум и табачный дым к выходу, какой-то юноша крикнул мне вслед «хеп-хеп». Вокруг него поднялось грубое ржание.

Во второй раз меня обозвали «еврейской свиньей» в Бадене, под Веной, когда я ехал из Хинтербрюля, где встречался со Шпейделем. Этот окрик задел меня сильнее, так как явился послесловием к разговору, который я вел в Хинтербрюле, и так как прозвучал на «родной» земле.

Итак, в Париже у меня оказались более свободные отношения с антисемитизмом, и я начал понимать его в историческом плане, а также оправдывать его.

Прежде всего я понял бессмысленность и бесполез-

ность стремления к «обороне против антисемитизма». Декламациями на бумаге или в замкнутых кружках делу не поможешь. Это даже выглядит смешным. Наряду с карьеристами и людьми наивными в таких «комитетах помощи», правда, могут заседать и весьма честные люди. Они подобны «комететам помощи», создаваемым после — и до! — наводнений, а толку от них примерно столько же. Благородная Берта фон Зуттнер ошибается (такая ошибка, правда, делает ей много чести), полагая, что комитет может чем-то помочь. Он способен оказать такую же помощь, как Союзы в защиту мира. Человек, изобретающий ужасное взрывчатое вещество, вносит больший вклад в дело мира, чем тысяча кротких апостолов.

Таков был и мой ответ барону Лейтенбергеру, когда он три года тому назад спросил моего мнения о «Свободной газете по борьбе с антисемитизмом». У меня не было об этом издании никакого мнения. Правда, при помощи печати можно оказывать определенное влияние, сказал я ему, и изложил перед ним свой план создания народной газеты по борьбе с юдофобством, во главе которой стоял бы честный христианин. По мнению барона Л. это было бы слишком сложным или слишком дорогим. Против антисемитизма он хотел бороться средствами!

Сегодня я понимаю, что меры, показавшиеся мне тогда вполне достаточными, были не более как бессильной, глупой попыткой.

Антисемитизм вырос, он продолжает расти — продолжаю расти и я.

Я помню, что у меня с течением времени были два подхода к этому вопросу и его решению. Года два назад мне хотелось решить еврейский вопрос при помощи католической церкви, по крайней мере в Австрии. Заручившись поддержкой отцов австрийской церкви, я хотел получить доступ к папе римскому и сказать ему: помогите нам бороться против антисемитов, а я организую обширное движение по свободному и приличному переходу евреев в христианство. Свободному и приличному

потому, что вожди этого движения, и прежде всего я, остаются и в качестве евреев пропагандируют переход к религии большинства. Такой переход в христианство намечалось проводить в церкви св. Стефана среди бедняков, по воскресеньям в 12 часов дня, в торжественной обстановке, под звон колоколов. Не в обстановке стыда, как это бывало до сих пор, а с высоко поднятыми головами. Благодаря тому, что вожди этого движения остаются евреями, провожающими народ лишь до порога церкви и не переступающими его, все движение было бы отмечено отпечатком искренности.

Мы, стойкие, образовали бы переходное поколение, оставаясь верными религии своих отцов. Молодых сыновей, однако, следовало превратить в христиан, пока они еще не достигли возраста собственных решений, когда крещение выглядит как трусость или карьеризм. По своему обычаю, я продумал все это до мельчайших подробностей, в своем воображении вступил в переговоры с венским архиепископом, беседовал с папой римским, которые, впрочем, весьма жалели, что я принадлежу только к переходному поколению, и распустил по миру лозунг о смещении рас.

Во время ближайшей устной беседы с издателями Новой Свободной Прессы я намеривался склонить их на сторону этого плана. Еще раньше я дал им отсюда совет, которому они не последовали — во вред либеральной партии Австрии. Дело в том, что за год до поднятия социалистами вопроса о реформе избирательного права я порекомендовал им потребовать в рождественской статье всеобщего избирательного права. Это помогло бы либералам вновь обрести потерянную твердую почву в народе и среди интеллигентных рабочих. — Движение по форме избирательного права навалилось на них извне, а их отношение к нему не было благоприятным.

В вопросах передовых статей с моим мнением не считались; меня считали болтуном и фельетонистом.

Когда я изложил Бенедикту свою идею о папе римском, он ее отклонил точно так же, как Бахер в

свое время отклонил мою идею о всеобщем избирательном праве.

В ответе Бенедикта я, однако, кое с чем согласился. Он сказал: на протяжении сотен поколений ваш род оставался верен еврейству, а вы хотите положить конец этому развитию. Вы не имеете ни возможности, ни права сделать это. Впрочем, папа не станет принимать вас.

Это не помешало Новой Свободной Прессе и австрийским либералам обратиться к папе римскому за помощью против антисемитов. Это было нынешней зимой, спустя полтора года после моей беседы с Бенедиктом, при весьма неблагоприятных и противоречащих всяким принципам обстоятельствах, когда кардинал Шенборн направился в Рим, чтобы попросить папу выступить против тех антисемитов, которые стали неугодными церкви и правительству. Этим недвусмысленным поступком либералы признали то, против чего раньше сами выступали: право папы вмешиваться во внутренние дела Австрии. Результат этого шага был равен нулю.

Я же имел в виду совершенно иное: дипломатическое мирное соглашение при закрытых дверях.

Без своей газеты я, разумеется, не мог ничего сделать. Откуда я бы черпал авторитет? Какой эквивалент я бы мог предложить? Усилия ведущей газеты, возможно, побудили бы папу предпринять кое-какие шаги, выступить с заявлением, или дать указания. Впрочем, позднее я как-то слышал высказывание папы о нашей газете: «Жаль, что Новая Свободная Пресса так хорошо организована».

После того, как я отказался от этой идеи, в моем подсознании стала созревать другая, менее политическая, но более значительная. Впервые я изложил ее в беседе со Шпейделем, когда я прошлым летом, будучи в Бадене, посетил его в Хинтербрюле. Гуляя по зеленым лугам, мы философствовали и коснулись также еврейского вопроса.

Я сказал: «Антисемитизм мне понятен. Но без нашей вины мы, евреи, сохранились среди других народов

в виде инородного тела. В гетто мы приобрели ряд антиобщественных качеств. Под давлением наш характер испортился, и требуется другое давление, чтобы поправить его. Антисемитизм по существу является результатом эмансипации евреев. Народы, лишённые исторического подхода, — то есть все, — не видят в нас продукт истории, жертву прежних жестоких и еще более ограниченных времен. Они не знают, что мы стали таковыми под тяжестью мук, что властители толкнули нас на путь денежных дел, так как церковь объявила ротовищничество бесчестием для христиан. Мы прилипли к деньгам, так как нас бросили на них. К тому же мы постоянно должны были быть готовы к бегству или скрывать свое имущество от грабежей. Так возникло наше отношение к деньгам. Мы, слуги императора, служили также своеобразным косвенным налогом. Мы взымали у народа деньги, а затем эти деньги у нас крали или конфисковывали. От всех этих мук наш прежде гордый характер испортился, и мы стали безобразными. Мы когда-то умели защищать свое государство в войнах, мы несомненно были чрезвычайно способным народом, если нас в течение двух тысяч лет убивали и не могли убить.

Люди, придерживающиеся доктрины вольнодумства, ошибаются, полагая, что равенства народов можно добиться при помощи инструкции, публикуемой в имперском сборнике законов. После выхода из гетто мы были и на первых порах оставались евреями гетто. Нам требовалось время, чтобы привыкнуть к свободе. Окружающее нас население, однако, не обладает таким великодушием или терпением. Оно видит только отрицательные стороны освобожденных и не догадывается, что эти освобожденные были без вины виноваты. Все-му этому способствуют также современные социалистические идеи против движимого имущества, которым евреи в течение столетий были вынуждены промышлять.

Когда же евреи отворачиваются от денег и принимаются за профессии, ранее запрещенные им, то они оказывают сильное давление на условия промысла среднего сословия и сами в первую очередь страдают от

этого давления.

Антисемитизм, овладевший массами как что-то сильное и бессознательное, не принесет евреям вреда. Я считаю, что это движение полезно для еврейского характера. Это — воспитание группы массами, которое может обуславливать всасывание этой группы. Воспитывать можно только строгостью. Наступит дарвинская мимикрия. Евреи будут приспосабливаться, подобны тюленям, оказавшимся в воде волею случайности, и принимающим форму и свойства рыб, хотя не являются рыбами. Если перевести их на сушу и дать им жить тут на протяжении нескольких поколений, то они превратят свои плавники в ноги.

Следы одного давления можно уничтожить лишь при помощи другого давления».

Шпейдель сказал: «Это всемирно-исторический подход».

Глубокой ночью я возвращался в Баден. Когда моя повозка мчалась через туннель за Холерной часовней, мне повстречались два молодых человека, один из них в форме кадетта. Погруженный в свои мысли, я вдруг четко услышал: «Еврейская свинья!»

Меня бросило в ярость. Я повернулся со злостью в сторону юношей, но они были уже далеки. Вскоре прошло и желание спорить с уличными мальчишками, тем более, что оскорбление было направлено не против меня лично — меня они ведь не знали, — а против моего еврейского носа и моей еврейской бороды, которые они увидели в свете фонарей повозки.

Это было замечательным эхом моего «всемирно-исторического» подхода. Всемирно-историческим тут делу не поможешь.

Спустя несколько месяцев я позировал скульптору Бэру. В ходе беседы мы коснулись вопроса, что евреям незачем становиться художниками, чтобы тем самым избавиться от денег. Мы заклеимены проклятием и не можем вырваться из гетто. Разговор этот очень взволновал меня, и я ушел от него разъяренный. С быстротой молнии во мне возник план этой работы. Не успел я дойти от Рю Деком до Плас Перер, как во мне все было готово.

На следующий день я принялся за работу. Три блаженные недели напряжения и труда.

Я думал, что моя работа ограничится описанием этого драматического взрыва, но погружался в нее все глубже и глубже. Во мне все больше усиливалась мысль, что я обязан чем-то помочь евреям.

Я впервые пошел в храм на Рю де ля Виктуар, богослужение было торжественным и трогательным. Многое напомнило мне мою молодость, синагогу на Табачной улице в Пените. Я смотрел здешних евреев и обнаружил в их лицах семейное сходство. Орлиные носы, пугливые, лукавые глаза.

Принял ли я решение о написании работы «Положение евреев» тогда или раньше?

Теперь я вспоминаю, что это было раньше. Еще осенью я говорил о нем в Вене.

Мне хотелось побывать в тех местах, куда судьба забросила евреев группами, а именно — в России, Галиции, Венгрии, Богемии, позднее — на Востоке, в новых колониях Сиона, наконец, снова в западной Европе. Все правдивые описания должны были наглядно показать незаслуженное несчастье евреев. Я намеревался показать, что евреев ругают, не зная их. Здесь я ведь обрел репортерские глаза, без которых такие описания невозможны.

Перед Пасхой я завязал связь с Додэ. Как-то раз мы заговорили о евреях. Он признал, что является антисемитом. Я разъяснил ему свою точку зрения и разгорячился при этом разговоре. Когда я рассказал ему о своем намерении написать книгу для евреев и о евреях, он спросил: «Роман?» — «Нет». — ответил я. «Лучше книгу для мужчин!» — На это он ответил: «Роман более эффективен, например, «Хижина дяди Тома».

Я продолжал убеждать его и, наконец, так захватил его, что он заявил: «Как это хорошо, как это хорошо!»

После того разговора я снова стал сомневаться в целесообразности «Положения евреев» и опять склонился в сторону романа. Правда, Самуил Кон — Генрих Кана

уже не был главным героем. В моем первом плане речь шла о настроениях Самуила, предшествующих его самоубийству. Вечером он гулял на улице Унтер ден Линден, чувствовал приближение своей смерти и считал поэтому, что стоит выше всех окружающих. С изысканной он оглядел гвардейских офицеров, из которых мог выбрать себе любого. В то мгновение, когда он хотел покончить с собою, он был повелителем. Он шагал с такой гордостью и сознанием собственного достоинства, что все невольно от него отшатнулись. Это навело на него снова примиренческое настроение, он пошел домой и застрелился.

По новому плану Самуил был более слабым, но любимым другом героя романа. В результате случайных стечений обстоятельств он открывает, точнее — основывает страну обетованную. Сопровождаемый штабом офицеров-следопытов, он отправляется на корабле к новым берегам, но перед отплытием ему вручают прощальное письмо Самуила, в котором тот пишет: «Милый, дорогой мой мальчик, когда будешь читать это письмо, меня уже не будет в живых».

Кулаком, в котором зажато шелестящее письмо, герой хватается за сердце, но в следующее мгновение в нем остается одно лишь негодование.

Он приказывает отчалить. Стоя на носу корабля, он устремляет свой взгляд в даль, где расположена страна обетованная.

Держа в руке письмо, от которого веет такой трогательной любовью и преданностью, он восклицает: «Дурак, негодяй, подлец! Потеряна жизнь, принадлежавшая нам!»



Теперь я и сам не знаю, как я перешел от идей романтических к практическим, хотя произошло это за последние недели. Это произошло бессознательно.

Впрочем, возможно, эти идеи вовсе не практические, а я лишь выставляю себя на посмеище людям, с которыми разговариваю серьезно, блуждая в сфере романа.

Но и в этом случае стоит записывать, о чем я размышлял и продолжаю размышлять за это время.

В один прекрасный день я вдруг написал письмо барону Гиршу, который проявлял о евреях такую поразительную, «миллионерскую» заботу. Закончив письмо, я его в течение двух недель не отправлял, денно и ночью обдумывая его содержание.

По истечении этого срока письмо не показалось мне лишенным смысла, и я его отправил. Письмо гласило:

Многоуважаемый господин!

Когда я могу удостоиться чести посетить вас? Мне хотелось бы побеседовать с вами по еврейскому вопросу. Речь идет не об интервью, а также не о скрытой или явной денежной сделке. Вас, видимо, так много беспокоят, что не лишне защищаться против недостойных предположений. Мне бы хотелось вести с вами только политический разговор о евреях, результаты которого, возможно, скажутся в то время, когда ни вас, ни меня уже не будет в живых.

Поэтому мне бы хотелось, чтобы вы назначили мне день, когда сможете посвятить делу час или два. Из-за моей обычной занятости я бы предпочел воскресенье, не обязательно ближайшее, а когда вам удобно.

То, о чем я намерен с вами поговорить, заинтересует вас. Не делая вам никаких намеков, я все же не хотел бы, чтобы вы показали это письмо своим приближенным — секретарям и пр. Прошу рассматривать его конфиденциально.

Мое имя вам, быть может, уже знакомо. Во всяком случае вам знакома газета, которую я здесь представляю.

С глубоким уважением
др. Герцль

корреспондент Новой Свободной Прессы

★ ★

Таков текст письма, сохранившегося у меня в черновике. Возможно, что в чистовике я кое-что изменил: тогда я еще не думал сохранить все это на память.

Больше всего я боялся, что мое письмо будет принято за вступление к журналистскому трюку по выманиванию денег. Я же искал встречи с этим человеком не из-за его денег, а потому, что он представлял собою весьма ценную силу для нашего дела.

Прошло несколько дней, после чего из Лондона поступил ответ:

Лондон, 20 мая 1895

Господину доктору Теодору Герцлю

Париж.

Я получил Ваше письмо уже здесь, где пробуду 2 месяца. Глубоко сожалею, что не мог назначить Вам встречу, о которой Вы просили, но не смогли бы Вы изложить письменно, то, что хотели сообщить мне устно. Поставьте только на конверте с письмом пометку «лично».

Извините, что ответ написан рукой моего секретаря и по-французски. Из-за ранения, полученного мною давно на охоте, я не могу подолгу держать перо в правой руке.

Примите, господин, уверения в моем особом расположении.

М. де Гирш

В ответ на это письмо я написал:

37 рю Камбон, 24.5.1895.

Многоуважаемый господин!

Мне очень жаль, что не можем здесь встретиться.

Нелегко изложить то, о чем я хотел с вами поговорить. Не говоря уже о внешних судьбах писем, не исключено, что мои намерения, служащие очень важному делу, могут попасть в руки любопытных, или быть сведены на нет недопониманием людей, случайно с ними познакомившихся. Мое письмо может попасть в ваши руки в момент, когда вы будете отвлечены чем-нибудь другим и не будете в состоянии прочитать его с сосредоточенным вниманием. Если же вы направите бы мне через вашего секретаря какую-нибудь принятую форму-

ду вежливости, между нами было бы все кончено навсегда. А это нежелательно в интересах общего дела.

Все же я вам напишу. В настоящее время я, однако, слишком занят, чтобы написать вам вкратце (как об этом рассказывается в старом анекдоте). Мне бы не хотелось надоедать вам обширными объяснениями. Как только у меня окажется время, я изложу вам план новой политики в отношении евреев.

Все, что вы сделали до сих пор, было столько же великодушным, как и ошибочным, столько же дорого стоящим, сколько и бесполезным. До сих пор вы только были филантропом. Я покажу вам, как вы можете стать чем-то большим.

Не подумайте, что я являюсь прожектором или пистолетом нового пошиба, хотя манера моего письма и отличается от общепринятой. Я допускаю с самого начала, что, возможно, ошибаюсь, и согласен на возражения.

Я отнюдь не делаю себе иллюзии, что смогу вас сразу переубедить: вам необходимо пересмотреть ряд ваших прежних идей. Мне бы хотелось только заслужить вашего внимания, хотя я для вас по всей вероятности чужой человек. В беседе я бы этого, наверно, добился, в письменном виде это труднее. Мое письмо лежит на вашем столе среди многих других, и вы несомненно получаете немало писем от нищих, прихлебателей, симулянтов и промышленников от благотворительства. Поэтому мое письмо будет лежать во втором конверте, на котором будет надпись: письмо доктора Герцля. Прошу вас отложить это письмо в сторону и вскрыть его лишь тогда, когда у вас будет совершенно спокойная, ничем не занятая голова, как я этого и хотел для нашего не состоявшегося разговора.

С глубоким уважением
др. Герцль

И в данном случае мой черновик не надежен. Теперь мне кажется, что некоторые выражения я изменил, переписывая письмо в чистовик. Одним словом, такова

было содержание, и снова я беспокоился, чтобы Гирш или какое-нибудь третье лицо, заглядывающее через его плечо, не посчитало меня искателем денег.

В течение ближайших дней я готовил памятную записку. Уйма бумажек покрылась заметками. Я писал на ходу, в комнатке, гостинице, в театре.

Под руками дело все больше наполнялось деталями.

Во время этих приготовлений неожиданно прибыло второе письмо от Гирша:

Лондон, 26 мая

Господину Герцлю, ул. Камбон, 37

Париж

Получил Ваше письмо от третьего дня. Если Вы еще не изложили письменно вашего дела, можете не затруднять себя. Через несколько дней я прибуду в Париж на 48 часов и рад буду быть к Вашим услугам в ближайшее воскресенье (2 июня), в половине одиннадцатого утра — улица Элизе, д. 2.

Примите уверения в моем особом расположении

М. де Гирш

Это письмо удовлетворило меня: оно доказало мне, что мое мнение о Гирше было правильным и что я задел его в месте наименьшего сопротивления. На него, видимо, подействовало мое замечание о том, что он мог бы стать чем-то большим чем филантропом.

Теперь я по-настоящему принялся за составление своих заметок, а в воскресенье перед троицей их набралась толстая пачка. По своему содержанию я распределил их на три группы: введение, выделение еврейской расы, эмиграция.

Я привел свои заметки в порядок и переписал их начисто. Получилось 22 густо исписанных страницы, хотя я записал только тезисы в помощь моей памяти во время беседы. Мне всегда приходилось и приходится считаться со своей робостью.

Встречаясь здесь со знаменитыми или известными людьми, я часто так смущался, что доходил до смешно-

го. Когда в однажды посетил министра Илюлапра, не блиставшего большим умом (хотя и изобил т. н. новыми дум), он меня напугал до полного оупреения.

В тропицы лишь в олеся утлом скромно, но аккуптно. Накануне в напочну испещрал пару новых перчаток, чтобы они выглядели хотя и новыми, но не только что купленными. Ботам людам нельзя оказывать слишком много чести.

Я поехал на Рю де Элиса. Люврей, великодушный двор, величественные боковые ступеньки и главная лестница проливает на меня отромное впечатление. Ботатство поражает меня лишь своей красотой. А тут красота была истинная: старинные картины, мрамор, маткие тоберены. Черт побери! Об этой взаимосвязанности наш брат не думает, думая богатство. Все было оборуковано с большим вкусом, и в был немного оубянен, когда один камердинер передает меня другому.

Едва я вошел в бульварный зал, как из своего кабинета появился Липш. Он торопливо и рассеянно пожат мне руку, как будто мы были знакомы, попрощал меня немного подожжать и снова скрылся.

Я сел и стал разглагольвать прелестные танатинские статуэтки, размещенные в стеклян шкафу. Барон, видимо, держит специальный человек, обладающего прекрасным вкусом, поумал я.

Из соседней комнаты послышался голос, среди которых в узнал голос одного из служащих барона, который велел делами братоворительности. С этим человеком я как-то раз перекинулся парой слов в Вене и дважды здесь.

Мне бы не хотелось, чтобы он, выходя из кабинета, увидел меня здесь. Может быть, Липш это напочну так устроит. Я невольно улыбаюсь, так как вовсе не был намерен попасть в зависимость от него. Одно из двух: или я заставаю его уступить, или же в уйду, не добившись ничего. Если бы он в ходе разговора предложил мне поступить на работу в Еврейскую Ассоциацию, у меня был подготовлен для него ответ: «Слушайте нас?»

Нет! Служить евреям — Да!»

Из кабинета вышли двое служащих. Со своим знакомым я поздоровался за руку. Затем я обратился к барону: «Вы можете уделить мне час? Если у вас нет столько времени, я лучше не начну. Мне нужен час, чтобы только изложить вам на то, что хочу вам сказать».

Он улыбнулся: «Приступайте».

Я достал свои записи: «Чтобы дело было понятным, я тут кое-что подготовил».

Не прошло и пяти минут, как зазвонил телефон. Помоему, это было подстроено. Я еще раньше хотел ему сказать, что нет надобности устраивать фиктивные вызовы; пусть прямо скажет, свободен ли он. — Но, говоря по телефону, он сказал, что никого не принимает, и я понял, что овладел им. Этим он показал свою слабость.

Итак, я продолжил:

«В том, что вы от меня услышите, кое-что вам покажется чересчур простым, кое-что — чересчур фантастическим. Но при помощи простого и фантастического управляют человечеством. Удивительно и вместе с тем известно, как мало требуется ума, чтобы управлять миром.

Вначале я отнюдь не намеревался заниматься еврейским вопросом. Первоначально ведь и вы не думали стать покровителем евреев. Вы были банкиром, вершили больше дела; а, наконец, вы тратите свое время и деньги на дело евреев. — Точно так же я был вначале журналистом, писателем и не думал о евреях. Мой опыт, однако, мои наблюдения и растущее давление антисемитизма заставили меня заинтересоваться этим делом.

Итак, я удостоверил свою личность.

Я не останавливаюсь на истории евреев, с которой, собственно, хотел начинать. Она вам знакома. Я хочу подчеркнуть лишь одно. В результате нашего двухтысячелетнего рассеяния мы оказались без единого политического руководства, а это я считаю нашим главным несчастьем. Это нанесло нам больший вред, чем все преследования. От этого мы внутренне погибли, опустились. Ибо не нашлось никого, кто бы воспитал в нас настоя-

ших мужчин, пусть даже из соображений монархического эгоизма. Напротив. Нас заставили заниматься непристойными делами, нас держали в гетто, где все вместе продолжали опускаться; а когда нас оттуда выпустили, от нас тут же потребовали, чтобы мы обладали навыками свободных людей.

Если же у нас было бы единое политическое руководство, необходимость в котором не нуждается в доказательстве и которое отнюдь не должно заменить собою какой-нибудь тайный союз, — если бы у нас было такое руководство, мы могли бы приступить к решению еврейского вопроса: сверху, снизу, со всех сторон.

Виды нашей деятельности будут зависеть от цели, которую мы будем преследовать, когда у нас будет свой центр, свое руководство.

Возможны две цели: или остаться, или эмигрировать.

Для обеих целей необходим ряд одинаковых мероприятий по воспитанию масс. Даже если будем эмигрировать, пройдет немало времени, пока прибудем в страну обетованную. Монсею для этого понадобилось сорок лет. Нам понадобится, возможно, двадцать или тридцать. Как бы то ни было, за это время подрастут новые поколения, которые необходимо воспитывать.

В деле воспитания я с самого начала хочу применить совершенно другие методы, чем те, которыми пользуетесь вы

Начнем с принципа благотворительности, который я считаю совершенно непригодным. Вы выращиваете попрошайек. Характерно, что ни у одного народа нет столько благотворительности и столько нищеты, сколько у евреев. Напрашивается мысль, что между этими двумя явлениями существует связь. Таким образом, благотворительность ведет к оскудению народного характера».

Он прервал меня: «Вы правы».

Я продолжил:

«Несколько лет тому назад я слышал, что ваши попытки с евреями в Аргентине не дали никаких результатов, или что эти результаты были неудовлетвори-

тельными».

«Вы хотите, чтобы я отвечал вам сразу, по мере возникновения у меня возражений?»

«Нет, я предпочитаю, чтобы вы позволили мне высказаться полностью. Я знаю, что не все соответствует фактам; до сих пор я не собирал ни цифр, ни данных. Разрешите мне лишь сформулировать мои принципы».

В дальнейшем Гирш записывал свои возражения в блокнот.

Я сказал: «Мне передали, что ваши аргентинские евреи ведут распутный образ жизни. Меня особенно поразило тот факт, что вы первым делом построили там... определенный дом».

Гирш перебил: «Неправда. Его построили не мои колонисты».

«Верно. Но как бы то ни было, дело надо было начинать не так, как это сделали вы. Вы перевозите туда этих евреев для выполнения сельскохозяйственных работ и внушаете им, что у них имеется право на получение поддержки от вас. А это отнюдь не способствует их желанию работать. Такой «экспортный» еврей не стоит того, что вы на него тратите. А сколько экземпляров вы вообще можете перевезти туда? Пятнадцать — двадцать тысяч! — В одном переулке Леопольдштадта их проживает больше. Нет, для приведения народных масс в действие прямые меры вообще не пригодны. Действовать следует лишь косвенными мерами.

Чтобы привлекать евреев в сельскую местность, вам следовало бы рассказать им сказку о добыче золота. Эта фантастическая сказка могла бы иметь такое содержание: тот, кто пашет, сеет и жнет, находит в снопе золото. Это почти соответствует действительности. Евреи, однако, знают, что речь идет о небольшом самородке. Поэтому было бы разумно, если бы вы им сказали: тот, кто будет лучше всех хозяйствовать, получит большую премию.

Я не думаю, что можно переселить евреев с их теперешнего местожительства в села. Крестьяне стали бы убивать евреев молотильными цепями. Гессен, где

евреи занимаются мелким земледелием, является одним из главных гнезд антисемитизма.

Даже если двадцать тысяч ваших аргентинских евреев добьются успеха, вы этим еще ничего не докажете. Если же они его не добьются, то вы тем самым дадите антисемитам веский довод против евреев.

Хватит критики. Что же следует предпринять?

Останутся ли евреи здесь, или переселятся в другие края, — первым делом следует усовершенствовать расу на месте. Необходимо превратить евреев в стойких, трудолюбивых и добродетельных людей, а затем, — если это окажется необходимым, — пусть эмигрируют.

Для такого усовершенствования вы сможете применять свои деньги лучше, чем вы это делали до сих пор.

Вместо того, чтобы покупать евреев каждого в отдельности, вы назначаете в странах наибольшего антисемитизма огромные премии: за действия большой моральной красоты, за храбрость, самопожертвование, нравственное поведение, большие достижения в области искусства и науки, врачу в период эпидемии, воину, изобретателю лекарства, изобретателю средства общественного вспомоществования, безразлично за что, одним словом — за все великое.

Такой премией мы достигнем двух целей: во-первых, всеобщего усовершенствования, во-вторых, — публичности; поскольку дело необычно и прекрасно, о нем повсюду заговорят. Таким образом станет известным, что есть и хорошие евреи, да еще сколько!

Важнее, однако, первое: усовершенствование. Дело не в отдельных лицах, получающих годичную премию. Для меня важнее те остальные, которые прилагают усилия, чтобы получить премию. Это повысит моральный уровень...»

Тут он нетерпеливо прервал меня:

«Нет, нет, нет! Я не хочу повышать уровня. Корень всех несчастий именно в том, что евреи стремятся слишком высоко. У нас слишком много интеллигентов. Я намерен удерживать евреев от карьеризма. Им не следует

так стремительно продвигаться, так как это и порождает ненависть. — Что же касается моих планов в Аргентине, то вы плохо информированы. Вначале, правда, туда переселились распутные парни, которых я бы предпочел утопить в воде. Но теперь туда отправились уже многие порядочные люди. Если колония расцветет, я намерен арендовать красивый английский корабль, пригласить сто корреспондентов — вас я приглашаю уже теперь — и отправиться с ними в Аргентину. Это, разумеется, зависит от урожаев. После нескольких удачных лет я бы показал миру, что евреи могут быть и земледельцами. В результате этого им. быть может, и в России разрешат работать на полях.

Я ответил: «Я не прервал вас, хотя и не кончил говорить. Мне было интересно узнать о ваших намерениях. Я вижу, что дальнейшее изложение моих мыслей бесполезно».

Благосклонным тоном, как будто я попросил у него работы в его банке, он заметил: «Я вижу, что вы интеллигентный человек».

Я улыбнулся про себя. Подобные дела стоят выше самолюбия. Мне придется увидеть и услышать еще многое.

А Гирш продолжал свою похвалу: «Но у вас такие фантастические идеи».

Я поднялся со своего места: «Разве я вам не говорил, что вам все это покажется или слишком простым, или слишком фантастическим? Вы не знаете, что такое фантастическое и что лишь с высоты дано видеть великие черты людей».

Он сказал: «Единственное — это эмиграция. Имеется немало стран, которые можно купить».

Я чуть не закричал: «Кто же вам сказал, что я не хочу эмигрировать? Тут, в этих записях об этом написано. Я пойду к германскому кайзеру и он поймет меня, ибо он воспитан так, что умеет судить о великих делах...»

При этих словах Гирш заметно заморгал глазами. Что ему импонировало: моя грубость, или мое намерение поговорить с кайзером? А, быть может, и то, и

другое... — Я положил свои записи в карман и сказал в заключение:

«Германскому кайзеру я скажу: выпустите нас! Мы тут чужие; мы не можем, да и не хотим раствориться в народе. Выпустите нас! Я покажу вам средства и пути, которыми я намерен воспользоваться для эмиграции, чтобы она не причинила вреда экономике и чтобы мы не оставили за собою пустоту...»

Гирш сказал: «Откуда вы возьмете деньги? Ротшильд ассигнует вам пятьсот франков».

«Деньги? — спросил я с усмешкой и упорством, — я добуду десять миллионов марок при помощи еврейского национального займа».

«Фантазия!» — улыбнулся барон. — Богатые евреи вам ничего не дадут. Богатые люди бессердечны и не интересуются страданиями бедноты».

«Вы говорите как социалист, барон Гирш!»

«Я и есть социалист. Я готов немедленно отдать все, если и остальным придется поступить так же...»

К этим его красивым словам я отнесся с такой же серьезностью, с какой они были сказаны, и откланялся. Он еще сказал:

«Это не последняя наша беседа. Как только я снова приеду сюда из Лондона, я сообщу вам».

«Когда вам будет угодно».

Снова я шел по прекрасной лестнице, по великолепному двору. Я не был разочарован, я был возбужден. В целом он оказался приятным, интеллигентным, обыкновенным человеком, очень тщеславным, но я бы с ним сработался. Кажется, что при всем его своенравии на него можно положиться.

Придя домой, я сразу же бросился к письменному столу.